

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН

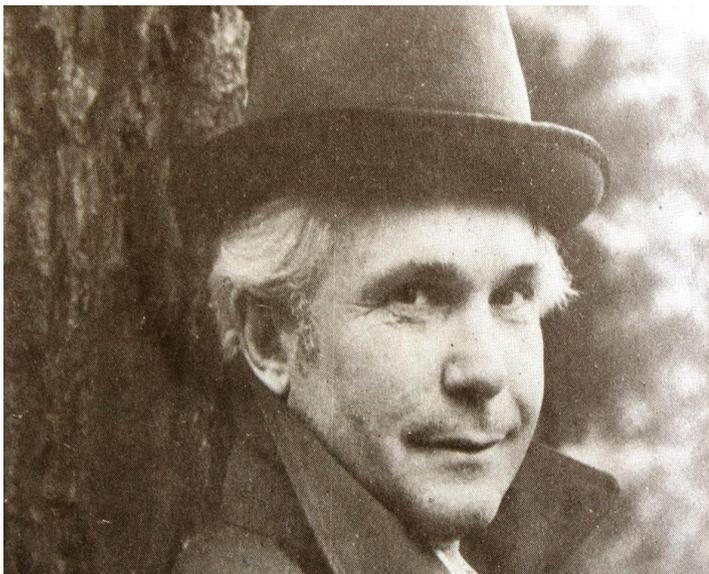
МИР ЗВЕРЕЙ И ПТИЦ

(ОМСКОЕ ПРИИРТЫШЬЕ)

МИР ЗВЕРЕЙ И ПТИЦ

(ОМСКОЕ ПРИИРТЫШЬЕ)

**ЗЕНЗИН ВЛАДИМИР
ВАСИЛЬЕВИЧ**
Автор более 40 книг о
природе Прииртышья
и людях Сибирского края.
Член Союза журналистов
Многokратный победитель
литературных конкурсов
среди журналистов на темы:
«природа», «экология».
В поэтическом городском
конкурсе 2010 года
«Омские мотивы»,
посвящённом 65-ой
годовщине
со Дня Победы в Великой

Отечественной войне,
стал лауреатом и включён в итоговый поэтический
сборник Департамента культуры города и другие издания.

ПРОЛОГ

Омская область расположена в южной части ЗападноСибирской равнины. Протяженность территории с севера на юг почти 600 км, с запада на восток – 300 км. Самолету местных авиалиний для преодоления расстояния от южных её окраин до северных потребуется около двух часов, автомобилисту - не менее суток, пешеходу - около месяца. Площадь области составляет 139,7 тыс. кв. км или, около 14 млн. га. С севера на юг прослеживается чередование почти всех природных зон - от тайги до степи.

Разнообразие природных зон обуславливает разнообразие и животного мира Омской области - от таежного обитателя тайги медведя до степного тушканчика, от сибирского осетра до коренного жителя озер - карася. Обитает 73 вида млекопитающих, 284 вида птиц, 31 вид рыб, 4 вида пресмыкающихся.

На территории Омской области в системе озер Ик-Салтаим-Тенис Крутинского района находится самая северная колония кудрявого пеликана и большого баклана. Действительно, чарующее зрелище, в Сибири увидеть таких экзотических птиц. Колония насчитывает до 250 особей пеликанов и до 350 бакланов

Есть в области уникальные места гнездований перелетных птиц, одним из них является территория государственного природного заказника «Степной» Оконешниковского района. Этот природный резерват поражает масштабами скоплений серого гуся, серого журавля, серой цапли, водоплавающей дичи. Здесь гнездятся свыше 125 видов птиц, находятся самые «древние» линники птиц Западной Сибири. Гнездятся и находятся на пролете виды, занесенные в Красную книгу Российской Федерации, такие как краснозобая казарка, гусь пискулька, орлан- белохвост, стрепет, журавль-красавка, несколько видов куликов.

ЗВЕРИННЫЕ МЕСТА

ЗВЕРИННЫЙ ЛОГ

Глухариный и медвежий,
рысий, волчий уголок,
здесь в тущобе воздух свежий,
есть овраг - звериный лог!
Безопасно в нём и тихо.
Вижу: с выводком опять
пробирается волчиха
к логову- в свою кровать.

ВСТРЕЧА С СОХАТЫМ

Мы вновь с тобой, Пономари,
-Мое лесное озеро!..
Лось рядом,
в отблесках зари,
блестит рогами грозными.
Виток оточенных мечей
к воде он опускает:
пьет медленно –
и мрак теней
со дна к нему всплывает.
Прядет ушами...
головой
мотнул
и замер чутко!..
И, взглядом встретившись со мной,
стоял еще с минуту.
Потом –
прыжок!
И враз исчез,
треща вдали талами...
И снова тих прибрежный лес...
Ружье блестит стволами...
Пономари!
Пономари!..
Мне доставляет радость
стоять
вот так
в лучах зари
и пить твою прохладу!

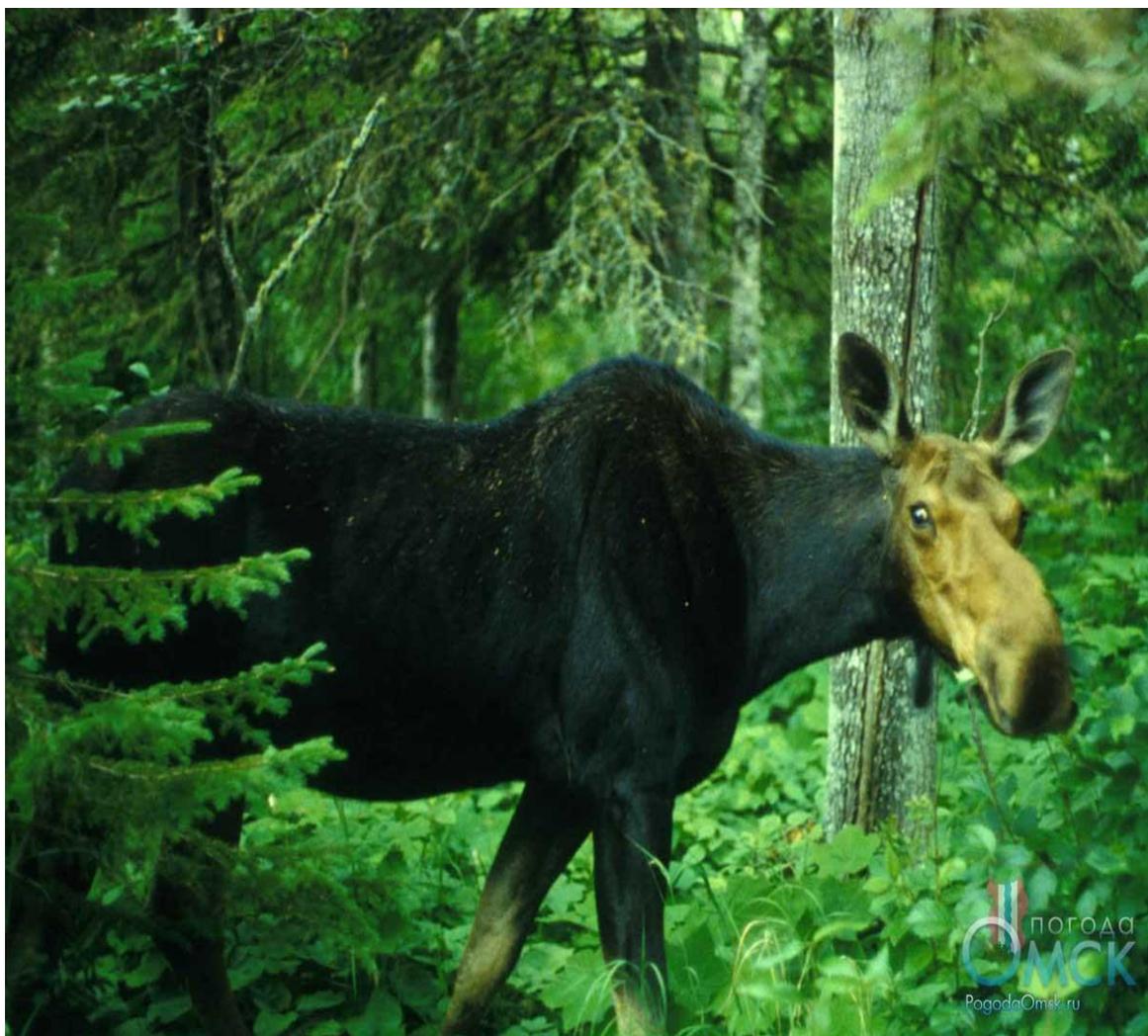
Животный мир Омской области

Благодаря тому, что Омская область расположена в нескольких природно-ландшафтных зонах, её животный мир богат и разнообразен.

Всего в Омской области насчитывается 73 вида млекопитающих, 4 вида рептилий (пресмыкающихся), 6 видов амфибий (земноводных).

На протяжении с севера на юг сменяют друг друга несколько природных зон:

таёжно-лесная, лиственнично-лесная, лесостепная, степная. Там, в густой непроходимой чаще таёжных лесов, среди густой кроны лиственных лесов, по заросшим растительностью берегам рек и озёр, на обширных заболоченных пространствах, на открытых пространствах лесостепи, полях и лугах обитает много различных видов животных.

Лось - обитатель тайги и смешанных лесов, самый крупный вид семейства оленевых.

Белка обыкновенная - типичный представитель таёжной фауны Омской области.

Особенно богат животный мир лесной зоны Омской области. В таёжных и лиственных лесах находится много корма для млекопитающих и птиц: орехи, ягоды, семена хвойных деревьев, почки и молодые побеги древесных растений, грибы, насекомые и их личинки. Среди густой кроны деревьев животные могут укрыться от врагов, а зимы здесь не так суровы, как на открытых пространствах лесостепи. Здесь многочисленны различные грызуны, средние и крупные хищники: белка, бурундук, куница, хорёк, горноста́й, бурый медведь; из парнокопытных в лесах обитают лось и кабан. В лесостепной и степной природных зонах Омской области особенно многочисленны небольшие и мелкие грызуны, из хищников часто встречаются волк и лиса.

Млекопитающие

На территории области обитают 73 вида млекопитающих из 6 отрядов, из них 32 вида из отряда Грызуны, 16 видов из отряда Хищные, 12 видов из отряда Насекомоядные, 6 видов из отряда Парнокопытные, 6 видов из отряда Рукокрылые и 2 вида из отряда Зайцеобразные.

Бурый медведь - хищное млекопитающее семейства медвежьих, один из самых крупных и опасных наземных хищников. Обитает на севере области от тайги до южной границы подзоны смешанных лесов в сплошных лесных массивах с буреломом и густым подлеском.

Лось - парнокопытное млекопитающее, самый крупный вид семейства оленевых.

Обитает в лесной зоне, часто по берегам рек, озёр, болот. Иногда заходит в лесостепь.

Марал, или восточноазиатский настоящий олень - представитель семейства оленевые, рода настоящие олени. Преднамеренно интродуцированный вид. Поселяется в лесах всех типов предпочитая светлые широколиственные, в местах с просторными лугами и густыми зарослями кустов.

Северный олень - парнокопытное млекопитающее семейства оленевых. Постоянно мигрирует и иногда заходит в северные районы Омской области. Отличается от других видов семейства оленевых тем, что рога имеют как самцы, так и самки. Вид занесён в Красную книгу Омской области в категории «Редкие» и «Редкие залётные и заходящие».

Волк - вид хищных млекопитающих из семейства псовых. Зимой волки привязаны к логову, но весной и летом, когда стая распадается, волки не имеют постоянного места обитания. Встречается как на севере, так и на юге Омской области.

Росомаха - хищное млекопитающее семейства куньих. Предпочитает находиться в густой непроходимой чаще таёжных и лиственных лесов. Вид занесён в Красную книгу Омской области в категорию «Редкие».

Рысь обыкновенная - хищное млекопитающее из рода рысей, самый северный вид из семейства кошачьих. Из четырех видов рыси, обыкновенная (евразийская) рысь является самым большим по размеру. Обитает на севере области, предпочитает находиться в густой непроходимой чаще таёжных и лиственных лесов, нередко заходит в припоселковые леса. Вид занесён в Красную книгу Омской области в категории «Редкие» и «Коммерчески угрожаемые»

Кабан, или вепрь - представитель семейства свиньи. Встречается в центральной части и на севере области во влажных лиственных и

смешанных лесах с высокотравьем, в болотистых местностях, в зарослях кустарника.

Косуля сибирская - дикая коза, парнокопытное животное семейства оленей. Типичный обитатель лесостепной зоны Омской области, реже встречается в лиственных и смешанных лесах.

Сайга, или сайгак - млекопитающее из отряда парнокопытные, семейства полорогие. Обитает в западной и центральной частях Казахстана, может мигрировать на большие расстояния и иногда заходит на юг Омской области. Вид занесён в Красную книгу Омской области в категории «Вероятно исчезнувшие» и «Редкие залётные и заходящие».

Лисица обыкновенная - хищное млекопитающее семейства псовых. Лисица отдаёт предпочтение лесостепной зоне центральной части области, хотя встречается и на юге, и на севере региона в зарослях кустарника.

Корсак, или степная лисица - хищное млекопитающее семейства псовых. Обитает на крайнем юге области в степях, на открытых травянистых местностях.

Барсук - млекопитающее семейства куньих, единственный вид в роде барсуков. Обитает в лесной зоне, иногда встречается в березовых колках лесостепной зоны.

Енотовидная собака - хищник из семейства псовые. Преднамеренно интродуцированный и саморасселяющийся вид. Наиболее предпочтительной средой обитания являются заросшие кустарником берега, поймы рек и озёр, а также займища и низинные луга с заболоченными местами.

Бобр обыкновенный - полуводное млекопитающее, представитель семейства бобровых, самый крупный грызун фауны нашего края, приспособленный к полуводному образу жизни. Обитает бобр в лесной и лесостепной зонах по берегам рек.

Выдра - хищное млекопитающее семейства куньих, ведущее полуводный образ жизни. Обитает в густых таёжных местах, селится по заросшим травой берегам рек. Вид занесён в Красную книгу Омской области в категорию «Находящиеся под угрозой исчезновения».

Норка американская - хищное млекопитающее семейства куньих. Вид был интродуцирован из Северной Америки на территорию области в середине прошлого

века. Обитает в лесной и лесостепной природных зонах, предпочитая селиться по долинам и берегам глухих лесных рек, у лесных озёр, пойменным зарослям кустарника и тростника.

Степной хорёк - хищное млекопитающее семейства куньих. Обитает на юге области в степной и лесостепной зонах.

Соболь - хищное млекопитающее семейства куньих. Типичный обитатель таёжных районов Омской области. Предпочитает селиться в кедровых лесах, где много орехов, ягод и мелких грызунов, которыми он питается.

Куница лесная - хищное млекопитающее семейства куньих. Предпочитает селиться в крупных лесных массивах, в глухих лиственных лесах.

Горностай - хищное млекопитающее семейства куньих. Обитает в лесной и лесостепной зонах.

Колонок - хищное млекопитающее из рода ласок и хорей. Обитает в лесных зонах, предпочитает таёжные места, иногда встречается в березовых колках лесостепной зоны.

Ласка - хищное млекопитающее семейства куньих. Обитает по всей территории Омской области.

Сурок степной, или байбак - грызун семейства беличьих. Сурки обитают на юге области в степной, реже в лесостепной зонах. Вид занесён в Красную книгу Омской области в категории «Находящиеся под угрозой исчезновения» и «Коммерчески уязвимые».

Заяц-беляк и заяц-русак - млекопитающие рода зайцев отряда зайцеобразных. Беляк водится на севере области, предпочитает обитать в малодоступных местах лесной зоны, однако, его также можно увидеть и в лесостепи и даже вблизи населенных людьми мест. Русак обитает в лесостепи, реже на открытых пространствах лесной зоны.

Суслик большой и суслик краснощёкий - **грызуны семейства беличьих.**
Обитают на юге области в лесостепной и степной природных зонах.

Ондатра - млекопитающее представитель подсемейства полёвок отряда грызунов, крупный грызун, приспособленный к полуводному образу жизни. Обитает в лесной и лесостепной зонах, селится по заросшим травой берегам рек, озёр, болот.

Ёж обыкновенный и ёж ушастый - **насекомоядные млекопитающие семейства ежевые.** Ёж обыкновенный обитает в различных природно-ландшафтных комплексах, чаще в разрежённых лиственных и смешанных лесах, перелесках, в редколесьях, зарослях кустарника. Ёж ушастый обитает на юге области в степной зоне, предпочитая сухие речные долины, овраги, лесозащитные полосы. Ёж ушастый занесён в Красную книгу Омской области в категорию «Редкие».

Крот обыкновенный и крот сибирский - млекопитающие рода обыкновенные кроты отряда насекомоядных. Оба вида обитают в лесной и лесостепной зонах. Обыкновенный кот и крот сибирский предпочитают разрежённые лиственные леса, перелески, колки, опушки с густым разнотравьем, луга, поля, сады, огороды и другие биотопы с умеренно влажными рыхлыми почвами.

Белка обыкновенная - **грызун семейства беличьих.** Предпочитает темнохвойные леса. Нередко белок можно встретить в лесных насаждениях и парках Омска.

Бурундук сибирский - **грызун семейства беличьих.** Предпочитает кедровые леса.

Белка-летяга, или обыкновенная летяга - **грызун семейства беличьих.** Обитает на севере области, поселяется в лиственных, реже в смешанных лесах, предпочитая, березняки и осинники. Вид занесён в Красную книгу Омской области в категорию «Редкие».

Тушканчик большой, или земляной заяц - **грызун семейства тушканчиковых.** Обитает в степной реке в лесостепной зонах. Вид занесён в Красную книгу Омской области в категорию «Редкие».

Водяная полёвка, или водяная крыса - млекопитающее семейства хомяковых. Обитает на всей территории области, где селится по берегам рек, озёр, пресноводных болот.

Ночница водяная - вид евразийских летучих мышей рода ночницы, семейства гладконосые летучие мыши. Обитает в приречных лесах, охотясь над водой на насекомых.

Крыса серая- грызун семейства мышиные. В природе обитает по берегам разнообразных водоёмов, тем не менее, большинство теперь предпочитает селиться там, где есть рядом люди - в садах, полях, на мусорных свалках, в человеческих жилищах

Хомяк обыкновенный- грызун семейства хомяковых. Обитает по всей территории области на открытых местностях — на опушках, лугах, в редколесьях.

Бурозубка обыкновенная - млекопитающее отряда насекомоядные, самый распространённый представитель семейства землеройковые. Обитает по всей территории области, предпочитает разрежённые леса, перелески, заросли кустарника, заросли высокотравья, опушки.

Мышь полевая - грызун семейства мышиные. Обитает по всей территории области на открытых местностях — на опушках, лугах, в редколесьях, часто селится около сельскохозяйственных земель.

Полёвка обыкновенная – грызун семейства хомяковых. Обитает в лесостепной и степной зонах реже в лесной, часто селится около сельскохозяйственных земель. Обычно полевки для жилья роют [норы](#), реже использует естественные пустоты в корнях деревьев, в поваленных стволах, под камнями и другие

Мышовка лесная и мышовка степная - мелкие млекопитающие семейства мышовковые отряда грызунов. Первая обитает в лесной и лесостепной природных зонах, вторая в степях и на открытых участках лесостепи.

Уважаемый читатель!

Во многих моих стихах рассказывается о личных встречах с животным миром Прииртышья, но это как правило короткие зарисовки, заметки о повадках и поведении зверей, мимолётные и часто случайные впечатления, о чём пишется короткие стихи в 4-8 строчек.

Цикл стихов: «Звериные места»

СЕВЕРНЫЙ КРАЙ

Рям сосновый. Узкая тропинка:

мох в воде и треск
гнилых жердей...
Здесь брусника, ягода-
кровинка,
с каждым днем пьяней
и золотей.
В гуще сосен – ясные
озера,
молодые клики лебедей.
А вокруг – болота,
даль просторов...
синь небес... Нет края
голубей!

НА РЕЧКЕ БОБРОВКА

Затерялся бы,
пропал
я в тайге дремучей,
но ведет меня
тропа,
а над нею – лучик!
Меж вершин –
просвет в
глазок,
впереди
тропа – в шажок.
ПЕРВЫЙ ИНЕЙ
Первым инеем
пахнуло
с поседевшего леска.
Куропатка в нем
вспорхнула...
Тишина... Ни ветерка...

В потускневшей позолоте
вдалеке блестит жнивье...
Я шагаю вдоль болота,
звякает кольцом ружье.
Придорожная осина
еще держит красный лист
и костром багряным
стынет...
Иней с веток моросит.

ЛОСЕНОК

Грянул выстрел – и лосиха с
хрустом
пала...
А лосенок в
тальнике
вмиг исчез. И стало тихо,
пусто –
Но охотник все сидел в
скрадке.
А лосенок, обдирая в клочья
шерсть с боков, бежал
вдали, бежал...
Вслед летела трескотня
сорочья,
где-то трактор в поле
рокотал.
По кустам, кочкарнику
галопом
шел лосенок в приозерный
рям –

от куриных шумных
стай
пух летел, как вата!..
В два прыжка, потом,
исчез –
и по огородам
убежал проворно в
лес,
спрятался в колоде.

ЗВЕРИНЫЕ ЛЕЖКИ

Зверь не просто
отдыхает
где попало, есть
места
– это лежка:
выбирает,
чтоб трава была
густа.

ЗА КАРБЫЗОЙ
В тайге, на поляне,

под

старой сосной
скучает избушка-заимка...

Лишь с первой
порошей
охотник тропой
придёт в неё
«путиком» зимним.

КОСТЕР УГАС

Бегал, плакал козодой
в тальнике
полночном...
Тьма казалась мне
бедой
в этой мокрой роще.
Отсырел костер,
угас –
словно свет улитки.
За ночь не сомкнуть мне
глаз,
я промок до нитки.

ДАЛЬШЕ В ЛЕС

Перелески...
Солонцы...
Рыжий мох в болоте.
Слева первые гонцы –
сосны с позолотой.
Рям за рямом – как
редут
в край глухой,
таежный.
На дороге гати ждут...
Крик зверей
тревожен...

За спиной Большеуки –
вот Фортпост, вот пади...
Первых кедров островки –
здесь тайга нарядней!

ОХОТНИЧИЙ КОНДЕР

Прогорел костер, но угли
раскалили котелок.
Искры с треском, словно
пули,
вылетают на песок.
В котелке бурлит похлебка:
дичь, картошка, перец, лук...
Деревянной ложкой робко
Пробую на вкус...
Пахнет мятою, душичкой,
облетающим листком
и нектаром земляничным –
все смешалось над
костром!
Запах луга, запах зорь –
им насквозь пропах кондер!

Гоцкало И. В.

Меня ты только позови
в Сарыбалы, в глухие чащи
с восторгом трепетным в
крови
еще мальчишкой был
там счастлив.
Ты позови, лишь намекни
Я, бросив все, с тобой
уюду,
туда, где золотятся дни,
где дед просил меня:
«Наследуй!..»

С тобой в поля, леса
вернусь
где знаю тропки
наизусть!

А.Н.Кочкину

ВОЛЧИЙ ВЫВОДОК

Зыбь болотная тяжко вздыхает.
Спит деревня Буслы, а за ней
в черной балке
волчица хромая
ходит с выводком в
хмаре
ночей.
Злобно тени при
звездном дрожанье
подступают вплотную к
дворам,
раздается волчат
завыванье, –
в избах свет
мельтешит до утра.

На охоте осенней на птицу,
у деревни пустой
Шатайлы,
видел серых волчат
я с волчицей,
на мгновенье возникших из мглы.

В МЕДВЕЖЬЕМ ЛОГУ

Морозный закат
догорает, и звуки
всё глуше в сосновом
бору...

Иголками ёлка мне
тычется в руки,

я шишку в ладони беру.
Как пахнет смолою, озоном
и мхами

– дышу полной грудью
взахлёб!

. Сажусь на пенёк, в
полутьме отдыхаю,
мой путь по тропе
недалёк.

В медвежьем логу, у
серебряной речки

избушка охотничья ждёт,

и там из трубы

дым струится колечком –
напарник Федулыч чай пьёт.

ЛЕСНЫЕ ОБИТАТЕЛИ

Барсук

Раннее летнее утро слегка позолотило верхушки деревьев, когда мы с Павликом Маряниным выехали из деревни на телеге. Старый гнедой, прихрамывая, не спеша трусил по лесной дороге, которая вскоре вышла к Двухозеркам на широкий солончаковый луг. Справа -большое Артемовое болото, по краю заросшее талами. Две собаки, мой Тарзан - черный, высокий пес и маленькая желтая Жучка Павлика, разом бросились в кусты и с воем и визгом погнали какого-то непонятного зверя. Невысокий, на коротких, широких лапах, светло-серый зверь часто останавливался, отбивал натиск собак и по кромке кустарника всё дальше уходил в направлении высокой березовой рощи.

Пашка, дергая изо всех сил вожжи, погнал гнедка наперерез к роще. Телега, подпрыгивая на кочках и неровностях, казалось вот-вот развалится, но мы азартно увлеклись погоней.

Перед самым березняком, приблизившись к зверю метров на пятьдесят, мы его хорошо рассмотрели. Особенно запомнилась мне удлинённая мордочка, на которой через щеки к ушам и далее на шею тянулись черные яркие полоски. Нам впервые пришлось увидеть барсука, хотя от старых охотников мы не раз слышали рассказы об этом редком обитателе здешних мест.

-Да, это точно барсук, - кричал Павлик, погоняя уставшего жеребца, - сейчас мы его догоним.

Зверь добежал до крайних берез и вдруг исчез под землей. Протирая глаза, мы растерянно смотрели, как собаки, принюхиваясь, метались между деревьями. Слезли с телеги, подошли вплотную. Там и сям в нескольких местах виднелись глубокие норы. Мы насчитали аж шесть штук.

-Здесь целая семья живет, столько входов и выходов. Надо вернуться в деревню, взять лопаты и выкопать, - предложил мой азартный напарник.

-Нет, Павлик, - успокоил я его, - смотри, глина - как камень, полно корней. Замучаешься копать. Давай поедем за дровами, привезем домой и посоветуемся с дедом Софетом.

Так и сделали. Вечером старый охотник долго нам рассказывал, как в старые времена много водилось в наших лесах этого удивительного мирного зверя. Его стреляли, уничтожали «все кому не лень», ведь барсучий жир считается дорогим лекарством от различных простудных заболеваний. Вылечивает даже хроническое заболевание легких. В конце концов дед уговорил нас не трогать зверя.

Мы согласились. Но Пашка через неделю предложил:

-Пойдем, понаблюдаем за барсуками, чем они занимаются.

Договорились идти на второй день. И вот мы с ним, без собак, потихоньку сидим в отдаленных от нор кустах. Нам повезло. Вскоре вылез наверх один барсук, повертел головой и неслышно удалился на луг. Почти следом показался и второй, но далеко от норы не пошел, а что-то вынюхивал, искал на краю опушки. Затем вернулся к норе. И здесь из-под земли вылезли наверх двое малых барсучат. На вид неповоротливые, неуклюжие - они тем не менее шустро передвигались, бегали вперегонки, друг друга валили на землю. Словом, барсучата играли. Старый барсук сидел около, не вмешиваясь в их забавы.

Вернулся второй, неся во рту какой-то корм. Барсучата кинулись к нему и начали жадно есть серые комочки (издали не разберешь: не то мыши, не то ящерицы.) Насытившись, барсучата продолжили игры, а старые родители улеглись на солнышке.

В течение лета мы приходили еще несколько раз, с удовольствием наблюдая за барсучатами. Они быстро подрастали. А в конце августа вся барсучья семья куда-то исчезла. У входа в норы, на глине, мы рассмотрели отпечатки лисьих следов.

Пришли снова к деду Софету, и он вновь долго и интересно приводил нам примеры из жизни зверей, поведал некоторые забавные истории, когда лиса ухитрялась выжить барсуков из их дома, применяя для этого всякие уловки.

Лось

Начало октября нынче холодное. Я сижу в камышовом скрадке на озере Дикое. Утки мало, основная масса уже отошла на юг. У берега плес схвачен ледком.

Со стороны берега, из талов, послышались легкие шаги. Лось осторожно вышел к берегу на водопой, не замечая меня в десяти метрах. Крупный и сильный, со светло-бурой гривой, он чем-то напоминал древнее, допотопное существо. Горбоносый, лопухий, с широкими ветвистыми рогами, зверь сливался с тальником, выжидая секунды. Его светло-коричневые бока лоснились влажным блеском, казалось, я чую запах его пота.

Рогач, не спеша, сделал несколько шагов до кромки озера. Я хотел пересчитать на его рогах отростки, чтобы узнать возраст, но тот низко наклонился к воде. Пил лось медленно и долго. По могучему загривку пробегала мелкая дрожь, он несколько раз переступал ногами.

Вот он поднял голову, с губастого рта сорвались крупные капли светлой воды. Мгновение - и зверь заметил меня, развернулся и в несколько прыжков, ломая грудью кусты, скрылся в глубине леса.

Я даже про ружье забыл, да оно и было-то заряжено гусиной дробью. Патроны с пулями остались в машине на пристани. Охота на лосей открывается в ноябре, по снегу.

Просидев часа два и сбив трех крякашей, возвращаюсь лосиным следом в сторону пристани. Зверь, не добежав метров пятьдесят до машины, резко свернул влево, в сосновый рям. Я размышлял: сколько же много лосей стало нынче в здешних лесах. За осень - это уже третья моя встреча с ними. Закрывали охоту на три года - зверь размножился, стал непуганый.

Вспомнил Большеуковский лосиный заказник, расположенный неподалеку отсюда, к Северу. В нем я видел табунки лосей по 15-20 особей. Особенно много их скапливается в заказнике в декабре. Лоси беспрерывно подходят в него со стороны Тюменской области, с северо-запада. В основном, семьями, по три-четыре. Как объяснил мне охотовед - это исконные пути их миграции.

А в марте звери покидают заказник, направляясь к своим местам, где за лето у них появляется потомство. Семьи с малышами я встречал несколько раз у этого озера.

Горностаи

Когда-то в округе возле нашей деревни водилось бесчисленное количество птицы и зверя. Зайцы часто забегали по ночам на огороды, лисьи следы появлялись у колхозных пригонов, волки иногда забирались в овчарню. Тетерева прилетали и садились на березы в центре села.

Лесная живность проникала часто в деревню. Около восьми семей зверьков-горностаев облюбовали себе место для жилья под амбарами и саманами, вырыв возле них глубокие норы. Вот такие - присутствия собак рядом не испугались.

За двумя горностаями под амбаром соседа я наблюдал с октября до самого Нового года. Небольшие, светлые, изящные и быстрые зверьки редко показывались днем из своих нор, но

наутро я находил на снегу множество отпечатков их лап. Парные, четкие, размашистые следы резко отличались от кошачьих - тяжелых и частых.

И вот под Новый год у моего дружка Сашки, что жил за три дома от меня, горностаи проникли в избушку и растерзали нескольких кур. Утром мы с ним вдвоем долго рассматривали следы зверьков и выследили по огородам ход в дальний амбар на другой улице. Такие хитрые наглецы: рядом у соседей кур не тронули, а пришли к Сашке. Я, рассматривая в углу избушки дыру, удивлялся, как они могли подкопаться и прогрызть половые доски, которые, правда, уже слегка подгнили.

Сашка, смелый и решительный пацан, давно занимался охотой с ружьем, а капканов не имел. Но в тот же день выпросил их у старого охотника и насторожил в дырах. На второй день оба горностаи попались в капканы, а друг мой не унимался. Поставил ловушки и к моему соседу под амбар. Отловил и этих. Так за зиму он переловил горностаев по всей деревне, за что получил десятки «спасибо» от баб и мужиков.

Я Сашке не признавался что мне было очень жаль красивых, грациозных зверьков. Так не хотелось верить, что они хищные. Позднее, встречая в лесах и полях колонков, норок, лисиц и других пушистых четвероногих, я почему-то сразу вспоминал наших, деревенских горностаев.

Норка

Я сидел в камышах на небольшом озёрном плёсе. Передо мной плавали резиновое чучела. Легкий утренний ветерок медленно гонял их по зеркальной воде. Чучела, привязанные длинными поводками к грузилам на дне, то сплывались вместе, то расплывались, как живые.

Дичи над камышами не было видно, и я прислушивался к далекому кряканью со стороны озера. За моей спиной в редком камыше просматривался ондатровый домик из свежего тростника. Там изредка всплескивали проплывающие в хатку зверьки.

Через некоторое время я услышал чрезмерно звучный всплеск и писк, затем шумную возню около хатки. Оглянулся. Каково было мое удивление, когда я увидел сидящую на хатке норку, в лапах которой извивался небольшой ондатр, видимо, молодняк. Норка, крупная, темно-черная, легко расправилась со своей жертвой, и ондатр затих.

Много раз встречал я норок на озерах и речках, ловил их в капканы. А вот впервые увидел её такой хищной. Когда раньше я находил порушенную хатку ондатры, рассматривая развороченный домик, почему-то думал, что это сделал неопытный охотник, ставивший в хатку капканы. Но охотники при мне всегда заделывали разрушенную крышу домика. Значит, это делала норка, ей - все равно. На то она и зверь.

Пока я размышлял об увиденном, норка закончила свой обед и вдруг принялась разгребать лапами крышу хатки. *«Ну и прожорливая, мало ей одного ондатра. Решила устроить засаду в домике»*, - подумал я зло.

И хотя стояла еще середина сентября, а мех норки до снега не имеет хорошего качества, я не вытерпел наглости зверька, уничтожившего целую семью ондатры? Приподнял ружье, прицелился, выстрелил.

Норка высоко подпрыгнула над хаткой, опустилась на взрытый тростник, несколько раз дернулась, и затихла.

Лисенок

Маленький пушистый зверек с длинным хвостом вылез из норы, уходящей под амбар. Боязливо оглядел двор. Утренняя заря росла, вверху явно светало.

«Опять проспал, надо бы уже убежать в лес», - подумал лисенок и приблизился к металлической сетке, за которой в вольере спали, свернувшись клубочками, пять таких же лисят.

Месяц назад хозяин этого дома, деревенский пастух, выследил в дальней согре под увалом их нору-жилье, стрелял из ружья в мать-лисицу, ранил ее. Но опытная лиса, прихрамывая, сумела уйти от преследовавших ее собак.

Зато бородатый, угрюмый человек собрал в рогожный мешок всех шестерых её детёнышей, привез домой и посадил в клетку из железной решетки.

-Осенью сошью всем по шапке, - пообещал пастух жене и трем своим дочерям.

А потому, пока пастух днем пас коров в поле, все семейство кормило лисят часто и хорошо. Сосед-рыбак ежедневно приносил свежую рыбу, хозяйка варила кашу, а дочери подливали в чашечки молоко. Сытные, ленивые зверьки лежали и дремали целыми сутками. И очень редко играли между собой. Да и клетка была малюсенькая: два метра на метр.

Прошел месяц. Самый маленький, самый подвижный лисенок возненавидел клетку. И однажды, когда хозяйка кормила зверенышей и приоткрыла дверцу, он незаметно шмыгнул в щель и убежал на огороды. Целый день пролазил там по картошке и грядкам, а вечером, в темноте, вернулся во двор. Очень хотелось есть. Из дырочки в сетке лапой достал кое-какие объедки, а спать залез под амбар. Там была нора, вырытая хозяйской собакой. Лохматый песик и кошка так привыкли за месяц к лисятам, что не обращали внимания на одинокого зверька, бродившего ночью по всему двору. Хозяева не огорчились пропажей, ведь оставались в вольере еще пять лисят.

Так незаметно лисенок прожил целую неделю. Но днем соседские собаки, забегаая на огород, унюхали его и несколько раз гонялись за ним, а один раз даже изрядно покусали.

Поэтому лисенок стал убегать подальше за огороды, где сразу начинался лес. Молодой, невысокий березняк таил в себе прохладу, тишину, покой. Зверенок гонялся за мышами, подкрадывался к птенцам, ловил бабочек и стрекоз. Но охота редко бывала удачной, и лисенок на ночь возвращался в знакомый двор, к своим собратьям. Вытаскивал через решетку пищу, ел и залазил под амбар в нору спать.

Вот и сегодня он, оглядев спящий двор, прокрался к вольеру, вытащил лапкой двух карасиков, позавтракал. Осторожно пролез под калиткой на огород, и напрямую - в лес.

На утренней поляне трава и цветы блестели от росы. Слизывая с листьев светлые капли, зверек напился. Потерев лапкой мордочку, умылся, причесался. И подумал:

«Какие смешные люди. Живут сами в домах-клетках, коров и овец держат в пригонах-клетках, птиц запирают в избушке. Вот и лисят заперли в клетку. А как хорошо жить в лесу. Не надо никаких клеток. И человеку хорошо в нем, и зверю, и птице. И любой живности...»

Шло время. Целыми днями лисенок бегал между деревьями, играл, гонялся за добычей. Быстро подрос, окреп. Стал ловким и сильным. А его собратья все так же лениво лежали, дремали, жирели. Возвращаясь вечером, он рассказывал им, как прекрасно гулять в лесу, звал их с собой, обещая помочь выбраться из железной неволи. Но лисята, слушая его, только усмехались и заявляли:

«Нам и здесь хорошо. Все есть - и рыба, и каша, и молоко. Ведь не зря же ты сам прибегаешь к нам каждый вечер голодный, чтобы поесть...»

Лисенок им возражал, убеждая, что возвращается во двор не ради еды, а чтобы видеть их - родных, близких.

Прошел еще месяц. Как-то вечером, вернувшись, лисенок увидел у ворот машину, во дворе стояли двое строгих мужчин в зеленой форме. И держали в руках клетку с лисятами. Рядом, махая руками, что-то объяснял им пастух. Один из приезжих заявил:

«Есть закон, запрещающий держать зверят в неволе. Мы забираем лисят и передадим их на городскую станцию юннатов...»

Пастух еще долго спорил с ними, но вскоре машина с клеткой уехала в город.

«Как же так? Лисят из одной неволи повезли в другую. Чем же другая клетка будет лучше этой?..»

Так, не веря своим ушам и глазам, долго размышлял лисенок, оставшись один. На следующее утро он убежал в лес, чтобы остаться в нем навсегда.

Медвежонок

Настоящая тайга начинается севернее нашей деревни; километров так за пятьдесят, а у нас в округе – в основном, сосновые рямки и согры, березовые и осиновые колки. Медведь в наших краях – редкость. Только тот, что заблудился в тайге, может оказаться ненароком у нас в лесу.

Как-то летом облава на медвежью семью возле нашего села окончилась печально: два мужика, изодранные и помятые, попали в больницу. Зато пьяная компания привезла

убитую медведицу и ее живого потомка. Звереныш – совсем маленький (с полгода, не более). И ростиком – меньше метра.

Охотник дед Софет сделал ему клетку-вольер в углу двора, у амбара. И начались для невольника однообразные унылые дни.

Медвежонок сразу приучился ко многому, начал понимать человеческую речь. Наблюдая из клетки за людьми, думал про себя:

«Странные люди, целый день мечутся туда-сюда, кричат на коров и овец, надевают на себя разную одежду. Зачем? Вот я в своей шкуре днем и ночью. И хорошо».

Ему нравилось, когда к его металлической сетке часто подбегали ребятишки, совали в отверстия пищу. Он охотно брал из их рук кусочки мяса и благодарно лизал руки. Хозяйская собака, виляя хвостом, дружески лаяла у клетки, словно приглашая поиграть с ней. Медвежонок рос доверчивым, ручным.

Однажды корова рогами раздвинула нечаянно сетку, и звереныш вылез из вольера. Он не уходил со двора, весь день слонялся из угла в угол. Ребятишки вначале боялись его, потом стали подходить вплотную, гладить его по шерсти.

«Они такие же маленькие, как и я», - думал медвежонок и осторожно трогал лапой мальчишеские плечи. В обед он рядом с собакой улегся погреться на солнышке. Дед Софет, сидя на крыльце, ладил порванные сети и наблюдал за подопечным. Он понимал: маленький зверь не опасен, но догляд за ним нужен. На ночь дед водворил топтыжку в клетку, а с утра выпустил снова, приговаривая:

«Веди себя хорошо, а то не стану выпускать», - и погрозил палкой. Медвежонок недовольно покосился на охотника и удивился:

«Странный человек, не верит мне, обижает...»

Но, забыв обиду, продолжал целыми днями играть с ребятней. Иногда со двора медвежонок выходил на улицу, дети брали его даже на речку, где топтыжка плавал рядом с ними.

Вскоре на лесных полянах поспели ягоды. Пока дети набирали их в свои бидоны, медвежонок досыта наедался лакомства. Он долго бродил по лесу, принохивался к каждому кусту, словно чего-то искал.

«Как хорошо здесь, наверное, потому и живут все звери в лесах, где полно грибов, ягод. Где так весело поют птицы...» - размышлял про себя звереныш.

Да, он из разговоров людей знал о смерти своей матери, понимал, что люди бывают очень плохими, но давно смирился с участью пленника. Собак он переносил с трудом, когда они бросались с лаем за ним. А их в деревне – полно.

Вот и два дня назад одна шавка кинулась на него сзади и больно укусила за ногу. Медвежонок, взревев, ударил ее лапой по голове так сильно, что у него в когтях осталось ухо злой собачонки. Вечером пришел хозяин пострадавшей шавки, долго уговаривал деда Софета пристрелить звереныша, пока тот не натворил более серьезных бед.

В который раз топтыжка соображал:

«Почему такая несправедливость? Я первым не обидел, не затронул еще никого. А на меня свистят, лают, больно кусают. Я защищаюсь, а меня хотят пристрелить. Какие есть плохие люди: бьют палкой коров, пинают собак, режут своих кур. А мне – зверю – что хорошего можно от них ожидать?»

Прошел еще месяц. Наступила осень. Зверь подрос, увеличился в объеме. Его стали пугаться уже многие. И надо такому случиться: соседский бычок зацепил его рогами, сильно саданув в бок. Медвежонок хватил обидчика лапой по спине так, что содрал клоч шкуры. Бычок дико замычал и ринулся деревенской улицей.

И тогда у дома собралась толпа, люди начали кричать на деда Софета.

«Ну всё, конец», - мелькнуло в голове зверя, и он спрятался в клетку-вольер.

Дед Софет что-то пообещал, успокоил людей, и те разошлись. А наутро к воротам подъехала машина с будкой, на борту которой сияла яркая надпись: *«Цирк»*.

Цикл стихов «Звериные тропы»

УРМАН

То лиственный лес, а то- хвойный.
Вдоль берега речки- туман.
Сошёлся стеной многоствольной
не- про- хо- ди- мый урман.
На сотню вёрст- нету жилья.
На речке парит полынья...

МЕДВЕДЬ

Перед долгой спячкой зимней
у медведя приступ жора:
ест малину, мёд пчелиный,
на овсах сопит обжора...
Видел я, как на реке
рыбу ел он на песке.

УРОЧИЩЕ

Здесь редко ступает нога человека-
иду я тропинкой охотничьей:
тайга неприступная,
филина клекот-
богата природа урочища.
Фауну с флорой из века в век
здесь охранял человек.

НОЧЬЮ НА ЗАИМКЕ

Гром разразился майской ночью,
и долго длился страшный гул,
он с перекатами так мощно

лес сотрясал и в тьме тонул.
Грозу я слушал, как впервые,
и, сжавшись весь, не смел постичь
небесной силы позывные,
природы дикой тайный клич.

ВСТРЕЧА С БАРСУКОМ

Белые и черные полоски
к носу протянулись от ушей...
Юркнул в норку под кривой березкой.
Я дивлюсь на лабиринт траншей!
Поископана вокруг поляна,
свежий грунт... Вот старая нора...
- Как подземный замок ?!
Очень странно...
Вечереет, мне домой пора.

РЯМ

Рям сосновый, пряный рям,
по озёрным берегам.
Зеленеет, как весна,
оттого душа ясна!
Здесь морошка с
голубикой,
с алой клюквой и
брусникой...
Лебединый клич
печальный,
и рассвет над
тундрой дальней!

ЛИСИЦА

Одинок
ая
лисица
в норке
у реки
живёт.
Длинно
й
ночью

ей не спится,
и она на луг идёт.
Запахи ей нос дурманят:
куропаток свежий след
в плотный куст таловый манит...
Виден перьев белый снег.
УЖЕ НЕ НОЧЬ !
Высоких сосен сумрачный покой
в распадке охраняет чьи-то тени.
Над узенькой таёжною рекой
дрожит рассвет неясным
сновиденьем!
Уже не ночь!
Но всюду- полумрак.
Вверху, в ветвях , - полоска синей
выси.
Так осторожен лося близкий шаг
у водополя...
Рядом - шорох рыси.
В замшелых берегах вода чиста,
багульником и хвоей утро пахнет.
Вот распахну избушку- и тогда,
Ты, приоткрыв глаза, невольно
ахнешь!
Два света раздвигают полумрак:
зелёный свет пронзительный, и –
белый.
И отступает темнота, как враг,
и входит целомудрие несмело!

РЫСЬ
Желтовата, в тёмных пятнах,
а с ушей свисает кисть.
Когти длинные на лапах...
Зверь- красавец, это - рысь!

ВСТРЕЧА С ЕНОВИДНОЙ СОБАКОЙ
С серо- бурою окраской,
с бакенбардами на морде-
осторожен зверь, опасен...
Лучше мне его не трогать.
Только я взошёл на горку-
юркнул он проворно в норку.
Заглянул: там ветки ёлок,
терпкий запах от иголок...

В ЗАБРОШЕННОЙ ИЗБУШКЕ
Зеленеет сосновая роща,
резок запах смолы на стволах...
ветер солнечный ветки полощет
и закаты горят в облаках.
Ни звонков, ни гудков...
Над избушкой
вьётся струйкой узорчивый дым...
Вместо радио- птицу я слушаю,
в синей речке смотрюсь молодым!
Как стемнеет- сажусь на порожок:
чай брусничный из кружечки пью...
Лет на двадцать себя я моложе,
здесь, в дремучем таёжном краю!
Речка Туй.

ВЫДРА
Настала летняя пора,
стрижи над речкой кружат...
Одна - в воде сквозит нора,
вторая- здесь, снаружи.
На мелководье, средь камней
ждёт выдра спозаранку
рыбёшек: ловит щук, язей-
их складывает в ямку.
Она- как истинный рыбак:
не нужен мелкий ей чебак.

НАСТУПЛЕНИЕ НОЧИ
Тьму тревожит дерево скрипучее...
Козодоя мекающий свист
стих в лощине...
Свет звезды падучей
высветил на миг пожухлый лист.
Тишиной болотной наслаждаясь,
каждый кустик тайной ночи пьян...

Из- за тучки месяц выплывает,
ослепляя призрачность полян.

ХОРЁК

Хорь- хорёк, зверь полосатый
кур в проулке стережёт.
Вот сейчас одну он схватит,
в лес с собою унесёт.
А по полю – пух куриный.
Бело-белый, снегом зимним...

ЛЁЖКИ

Зверь не просто отдыхает
где попало- есть места,
это- лёжка: выбирает
плотный лес, кустарник с края,
чтоб трава была густа.

ВЕПРЬ

Он постарел и бросил стадо,
забыв свиней и поросят.
Один живёт в лесопосадках,
его клыки врагов страшат.
Выходит ночью на кормёжку,
ест жёлуди, дички, овёс...
Он осторожен- днём на лёжке
всегда по ветру держит нос.

МАЙСКИЙ ГРОМ

Я видел неба глубину,
когда меж облаками,
натягивая тетиву-
весна гудит громами.
-Ах, первый гром,
весёлый гром
в счастливом небе голубом!!
Истосковавшись по теплу,
деревья тянутся неслышно
листочком каждым в синеву.
Берёзки откровеньем дышат!
А синева сквозит, звенит-
простор небесный приближая,
и жаворонок в нём висит
как талисман родного края!
Люблю я неба глубину,
где тает облачко, как льдинка,
где гром, неожиданно громыхнув,
исчезнет в шапке- невидимке!
- Ах, майский гром,
беспечный гром
в высоком небе голубом

КУНИЦА

Жёлтым фартуком гордится,
лазит ловко по ветвям,
если очень разозлится-
худо от неё зверям.
Нападает на зайчишек
и на маленьких козлят...
И порой беда случится-

если их не защитят.

ПОГОНЯ

Под корнями березы, поваленной
ветром,
в логове тихом средь темных трущоб
спят волчата, дыханьем согретые.
Но привстал волчица, наморщив лоб.
Слышен лай, голоса, лошадиные
всхрапы...
И все ближе и ближе топот и визг,
заскулили волчата, царапаясь лапами,
за волчицей к реке припустили вниз.
И вдоль вязкого берега узким
проходом,
средь коряг ивняка, камышами
ползут...
Голоса, лай собак позади стихли
вроде.
Вот и брод - и по речке всей стаей
плывут.

СМЕРТЬ МЕДВЕДЯ

Ел перезрелую малину,
на мелководье рыб ловил.
Мохнатую, с загривком, спину
расчесывать в кустах любил.
В дупле выискивая соты,
он лакомился много раз...
Но вот винтовки дуло кто-то
ему нацелил между глаз.
И грохнул гром... И высь померкла,
и тьма зрачки прикрыла смертью

ОХОТА С ПОДХОДА

Жнивье да скирды... Кончилась
страда.
Чернеет пашня влажными пластами,
и медленно в загон бредут стада,
и резкий ветер свищет над кустами.
Прохладно так... А чибис, как
шальной,
взлетел - и кувыркается, смеется...
Вхожу в кочкарник, и прижав рукой
приклад, все жду: а вдруг крякаш
взметнется...

* * * *Кони у речки заржали,*

слышен залиvistый лай...

Былка крапивы мне жалит

руку,

хоть пальцы кусай!

*Вот он - куда затерялся,
мяучит смешно под плетнем.
Сын же ко мне привязался,
звал все:*

пойдем и найдем...

*Глажу пушистый загривок,
зябко котенок дрожит,
днем был веселый, игривый
не верилось, что убежит...
Вижу в крапиве,*

в колючках,

*светится точкой сверчок,
рядом луны*

бледный лучик

тянется наискосок...

Тихо в проулке заросшем,

в окнах мигают огни...

Завтра уеду,

все брошу —

кончились праздные дни.

Кончился отпуск...

В железный

город вернусь я, домой,

буду вздыхать бесполезно о лете,

где жил я босой!

Музыку осени в ветках берез
слушаю с трепетом.

Запах полынный, горький
до слез,

выплеснут ветрами.

Листья, сорвавшись,

под ноги летят,

полуживые,

но почему же печалят мой взгляд
дни золотые?

Золото! Золото!

Осени клад

выстлал дорожки...

Но почему же себе я не рад,
что так тревожно?

Долго по лесу кружу я

и пью

чудные запахи,

ветки деревьев зовут и поют
музыкой Баховой!

В небе бескрайнем

по ветру скользят

белые стаи,

музыкой вечной крики летят,

нас настигая!

ПОДСОЛНУХИ

Я вышел на ували ахнул:

Иней с веток моросит.

КОЗЛЁНОК

Стройный, тонкий...
Острые копытца

по поляне весело стучат:
вот они ведут к ручью напиться,
вот бегут вдоль леса, наугад.
А глаза ясны, блестят как сливы.
Выгиб шеи- с шерсткою игривой.

Глава вторая: Птицы Прииртышья Весенние споры

Вальдшнеп- лесной куличок,
квохчет над тихой поляной.
Красавец, драчун- петушок
кружит в рассвете туманном.
Маховых перьев изгиб
лучами зори рассвечен...
Навстречу соперник-
бой в ярости сшиб
друг с другом их в споре
вечном!

ТОКОВИЩЕ

На синь воды слетает
от вербы желтый пух...
В тетеревиной стае
красавец есть – петух!
Он – токовик, он первым
к поляне подлетел
и, распутивши перья:
«Чув-ши! Чув-ши!..»
- запел.
И сразу меж деревьев
летит со всех сторон
таинственный и древний

тетеревиный звон!..
Слетевшись на поляну,
по парам здесь и там
пустились птицы в танец
- клич рвется к небесам!
Хвосты пораспускали,
крылами бьют –
лишь тронь...
Горит над бровью алой
воинственный огонь!

ТЕТЁРКА

На ветках приоткрылись почки,
и зелень смутная сквозит,
чуть наклонясь,
тетерка квохчет...
А на поляне пух летит.
Она спокойно,

горделиво,
с березки смотрит на луга,
и перья серые
с отливом
в лучах зари -
как жемчуга!
Внизу,
под нею,
бьются в парах
тетерева –
она глядит,
как зорька ширится пожаром...
Восходит день –
кто победит?

НАЧАЛО АПРЕЛЯ

Звенят ручьи в кустах, а луг
пронизана синими ветрами.
Здесь журавлиной песни звук
лелеет душу мне утрами.

Я открываю в поле дверь,
вхожу на талые поляны...
Зайчишка тощий - славный зверь
бежит опушкой туманной.
Токует тетерев вблизи:
Чув-ши!.. Чув-ши!.. - и бьет
крылами.
В ручье - гольяны, караси
сверкают ярко плавниками.
Ручей от озера к реке
несется с пеною и звоном...
Коровка божья на руке
взлетела, как с аэродрома.
Вершится в мире колдовство -
в сверканье солнца, в струях, в
криках,
проснулась жизнь, как божество,
приобретая плоть и лики!

Рассказы-25

Весенние игры

Странно мне видеть на дачах вороны и сорочки гнезда. Птицы ведут себя тихо, робко, незаметно. Вокруг снуют люди, гудят машины. Птиц, вроде бы, и вовсе нет. А вот в лесу...

...Когда я еще мальчишкой шастал по лесам, лазал по деревьям, охотился на токовищах, то усвоил твердое правило: у зверей и птиц есть свои территории. Места гнездования и звериные норы строго охраняются их хозяевами.

В начале апреля, возвращаясь с тетеревиного тока, когда в кустах еще лежал серый, мокрый снег, в березовом колке на высокой гриве я увидел на макушке дерева воронье гнездо. Рядом на ветках сидела пара ворон. Самец, вытягивая шею и приседая, словно кланяясь, все ближе и ближе пододвигался к своей подруге.

Та, щелкая клювом, каркая, игриво отскочила в сторону. Взлетела вверх. Самец - за ней. Самка поднялась на большую высоту и вдруг, сложив крылья, сорвалась в штопор. Ввинчиваясь в теплый весенний воздух, она быстро приближалась к земле. Самец, словно пытаясь ее догнать, неотступно неся следом. У самой земли вороны сделали разворот и вновь ринулись вверх, догоняя и обгоняя друг друга...

Так повторилось несколько раз. Видимо, насладившись игрой и устав, птицы приземлились на черную проталину посреди лесной поляны. Окуная клювы в лужицу, они чистили перья на крыльях и грудках и, тихонько, хрипло каркая, разговаривали меж собой.

Недолго думая, я вскарабкался на дерево и заглянул в гнездо. На сухих веточках, выстланных мягкой травой и перьями, лежало одно яйцо. Грязно-зеленого цвета, с густыми темно-серыми разводами, оно мне показалось смешным и немного неприятным. Вороны сразу подлетели к дереву и, истошно, зло каркая, близко засновали, закружили вокруг меня. Казалось, вот-вот самец ударит крылом по моей голове.

Я поспешно слез с дерева и быстро удалился, сопровождаемый резким и громким птичьим криком. Через три дня, проходя мимо, не вытерпел и из любопытства снова взобрался к гнезду. В нем лежало уже четыре яйца.

И так же внезапно откуда-то появились вороны и яростно бросились в мою сторону. ...А еще два дня спустя, при подходе к березовому колку, я издали заметил на крайнем дереве самца. Внимательно приглядевшись к гнезду, увидел торчащий из него вороний хвост. Все, значит, самка уже высидела птенцов, беспокоить ее нельзя: вылетит, а яйца остынут. Стараясь незаметно уйти, огибаю колок, но страж гнезда - самец заметил меня, взвился в воздух и, громко крича, закружил надо мной.

«Молодец, защитник», - подумал я, невольно гордясь своим знакомым.

Недели три прошло, и я вновь случайно оказался в березовом колке. Не подходя близко, я увидел, как обе вороны поочередно подлетали к гнезду, неся в клюве разный корм. Они подолгу сидели на краю гнезда, из которого высовывались головы птенцов. Я представлял, как разговаривают со своими желторотиками строгие родители

И только в середине мая мой путь снова пересекся с березовым колком. На лесной поляне я увидел стайку ворон. Птицы ходили по траве, клевали букашек, громко каркали. Подойдя поближе, различил: две ярко чёрных - старых, и пять серых- молодых. Не вытерпев моего присутствия, стайка взлетела и расселась на деревьях. Один вороненок, самый слабенький, долго усаживался на нижнюю ветку...

Бал-маскарад

Наступление весны для меня рифмуется с детскими присказками: *«Апрель- скворчинная трель»*, *«Апрель- никому не верь»* и им подобными...

Оно и понятно: в начале апреля звучат победные птичьи песни. Звонкие, радостные, торжественные - как гимн весне! Как музыкальная прелюдия к весеннему бал-маскараду.

В начале апреля отмечается птичий праздник «Сорок сороков», извещающий о прилете сорока видов птиц. И, конечно, первый из них - скворец! Лишь только оттают порыжевшие косогоры, на лугах появятся первые проталины - и черногрудые певцы тут как тут. Я люблю встречать этих птиц не у скворечников, а в потеплевших полях, на раздольных лугах. Снег повсюду нагревается, оседает. В оврагах, сугробах он становится ноздреватым, хрупким. Как капилляры, капля за каплей, в толще снега образуются маленькие ручейки. Вот уже и первые лужи, а над ними - скворчинные трели...

Набухают желтовато-золотистые ветки ив у реки, покрываются красно-коричневыми сережками кусты ольхи, раздуваются, полнеют сероватые почки осин. От проснувшихся деревьев и кустарников сквозит свежим, горьковатым и неповторимым запахом земли. Теплая вода сбегает в овражки, заполняет низины и камышовые заросли. Лебеди и гуси гортанными криками оглашают озерные дали. Следом за ними прилетают непоседливые кряквы и вездесущие кулики. Иногда еще выпадает из тучек снег, по ночам потрескивают заморозки, но солнце красное вершит свои дела. Рушатся снежные дороги, на опушке леса оживает муравейник, вылетают на припек яркие бабочки, на пень вылезает погреться ящерица.

А на гнездах сидят уже вороны, под ними, меж двух кочек, притаились сосунки, первые зайчата-настовики. Их возле своего гнезда вороны никогда не тронут. Неподалеку черный дятел-желна барабанит в сушняке, на лесных полянках идут брачные бои тетеревов.

С каждым днем, волна за волной прибывают с юга птицы разных пород. В ярком, красочном оперении собираются в птичьи базары на огромных разливах. Красавцы-селезни то там, то здесь проводят турнирные бои за право быть рядом с самкой.

Мне все это представляется как настоящий весенний бал-маскарад. И даже ночью не стихают птичьи голоса. Природа ликует, неистовствует в своей жизнерадостности и любви, в стремлении к неизбывности, к вечности...

А вот на поляне и первые подснежники. И я благодарно вспоминаю слова моей мамы: *«Апрель - не холоднее марта, не теплее мая, но самый долгожданный месяц весны...»*

Дачные воробьи

«Чив-чив-чив!» - доносится до меня в наступающем рассвете через открытую форточку дачного домика воробьиный голос.

«Жив-жив-жив!» - отвечает второй воробей.

Эта пара ютится под крышей уже третье лето. Знакомая чета. Воробью я узнаю по укороченному хвосту. Вот и нынче у них - снова птенцы.

Прошло несколько минут. Воробьи вдруг вспорхнули и такой галдеж подняли, аж в ушах звенит.

«Чив-чих-быр! Чив-чих-быр!» - звенят их голоса. И эти крики давно мне ясны: появился враг. Выглянул в окошко - и точно. Большой серый кот крадется по дорожке, а над ним низко пикируют два бесстрашных воробья.

Кот удалился. Воробьи уселись над окном, спокойно чирикают- беседуют, переступают по жести ножками. Слышно, как стучат коготки. Вот один из них (по голосу различаю - самец), крикнув: «Чив-чив!» - полетел за червячками. А воробья осталась у гнезда на страже.

Вернувшийся вскоре воробей влез в гнездо - и там такой писк подняли маленькие птенцы, хоть уши затыкай, Прожорливые, никак не поделят корм. Затем улетела воробья. Вернулась - и снова ужасный галдеж в гнезде.

Так поочередно воробьи целый день носили корм. Неустанно пищали птенцы.

В обед я прилег под яблоней на раскладушку и стал читать газету. И снова услышал воинственный клич воробьев: снова какая-то опасность. Осмотрелся - и вижу на телеграфном столбе чёрную ворону, а над ней снуют шустрые воробьи. Взъерошенные, смелые, они с лёта почти касались врага. Да, вороны для них, особенно для птенцов, очень опасны.

Улетела ворона, а уставшая парочка уселась на провода. Чистят клювами перышки в крыльях, чирикают, хвалят друг друга. Самец аж хвост распустил веером и подпрыгивает: боком-боком, вплотную к самочке. И клювом в клюв поцеловал свою подружку.

Я улыбнулся птичкам и продолжил читать свою скучную газету, а перед глазами в памяти вставали то пара воркующих знакомых голубей, то дружное семейство скворцов, то стайка диких уток...

Воробьи что-то снова зашумели, всполошились, но тут же успокоились. Наверное, ложная тревога. А может, вдалеке промелькнула новая беда. И я невольно шепчу:

«Мир вам, мои дружные соседи. Покоя и любви. И чтобы поскорее подрастали ваши детки...»

Кряква в сорочьем гнезде

Прошедшая зима была многоснежной, и весенние паводки залили низины, луга, болотца. Найти пятачок сухого места в лесу, на разливах, в согре – целая проблема. Особенно для кряковых уток, первыми откладывающих яйца, когда еще в кустах кое-где лежит не растаявший снег.

...Как-то вечером, возвращаясь с дальней рыбалки, я - пацан присел на кочке возле одной болотины. Отдохнул. Собрался уже подняться и двигаться дальше, как недалеко из сорочьего гнезда выскользнула утка. Гнездо расположено примерно в трех метрах над водой, в таловом кусту. Слетев, кряква скрылась на мелководье.

Ясное дело: решила подкормиться.

О том, что кряквы гнездятся в разных птичьих гнездах и даже в дуплах деревьев, я слышал не раз от деда Ипата, а вот увидеть самому пришлось впервые. Глубина воды – более метра, и посмотреть поближе гнездо мне не удалось.

Уже в темноте, придя домой, рассказал соседу Ипату об увиденном и спросил его о будущем птенцов.

-А как утенок, вылупившись из яйца, спрыгнет на воду с такой высоты? Ведь разобьется несмышленьки?

Дед Ипат усмехнулся, сказав, что это невысоко. Но добавил:

-Мать есть. Крякуха возьмет каждого малыша в свои лапы, и осторожно взлетев, перенесет его куда надо.

На этом наши разговоры и кончились. А еще через месяц, проходя мимо, я заглянул на болотце. Вода явно убыла, но среди кустов ивы красовалось маленькое озерцо, посредине которого плавала стайка утят, возглавляемая знакомой кряквой. Ивы ярко зеленели густой листвой, в воде наперебой квакали лягушки, у берега летали стрекозы и бабочки. В одном месте из воды проросли большие желтые цветы, утята гурьбой приплыли к ним и склевывали с листьев разных мошек. Я стоял недалеко, закрытый кустарником, и еще долго с восхищением любовался желтенькими существами.

Примерно через месяц зашел снова. Болотце почти все высохло и было пустым. Однако не более чем в километре отсюда есть озеро. Туда и ушла птичья семья...

Давно это было, более полувека назад. Давно нет и деда Ипата. Из мальчишки я сам стал дедом-охотником. И чего я только ни повидал на белом свете. Та же утка-гоголь, очень неповоротливая на суше, высиживает утят в дуплах. Наблюдал, как не только утки, а многие другие птицы в лапах переносят птенцов, учат их нырять, летать, искать корм.

ЛЕТНЯЯ ПОРА

Речные зори

Есть у меня любимый уголок за Усть-Заостровкой. На старице Иртыша, в ивняковых зарослях спряталось от постороннего взгляда тихое, светлое зеркальце заводи с небольшими камышами и маленькой лужайкой. С рюкзаком, налегке, один пробираюсь по высокому росистой траве...

Наладив две удочки, сажусь на раздвижной стульчик и люблюсь красно-оранжевыми бликами на полусонной, спокойной глади. Вот-вот из-за невысокого леса покажется край огненного солнечного диска.

От воды струится легкое испарение. Шустро бегают по всей заводи водяные паучки-челночки. В центре плеса раскрылись две белые лилии, самые красивые мои цветы. За ними - желтый кружок из нескольких кувшинок, они интересны тем, что, сомкнув на ночь лепестки, полностью погружаются в воду. Ближе к берегу буйно цветет над водой большое семейство водяной кашки.

Неожиданно из камыша выплыла кряква, за ней целый отряд утят. Желтенькие, с темноватой грудкой и коричневыми носиками, не обращая внимания на меня, быстро проплывают вдоль камыша. Смешные, с открытыми клювами, гонятся за мошками, ловко склевывая их на лету. Пересчитал. Ого, аж одиннадцать, подвижных, пискливых обитателей водоема.

Разглядываю воду, направляю взгляд вглубь. Над плавучей зеленою травой притаился серебристый, продолговатый, зубастый щуренок. Видать, подкарауливает ершей и пескарей.

Их нет, а то бы давно попали на мои крючки. Пока же два желто-красных поплавок с леской лишь изредка слегка дергаются и снова замирают. Представляю, как ленивые, пузатые карасики неохотно касаются приманки. Постукают носами по мормышке, обнюхают и отплывают в темную глубину.

Сидеть устал. Встаю, разминая затекшие суставы, иду по полянке в кусты за хворостом для костра. У ног качаются пушистые одуванчики, в росе сверкают лиловые колокольчики, светлеет в стороне распустившаяся белая кашка. Внизу, между цветами, на листе подорожника зеленый усатый кузнечик тренькает, словно начинающий музыкант.

То там, то здесь пролетают белые и синие стрекозы, бойко гудят над раскрытыми лепестками деловитые пчелы. Повсюду в ивняке перекликаются птицы.

А солнце все еще медлит, чуть-чуть показавшись из-за леса. В синей выси над поляной то и дело проносятся речные ласточки-стрижи. Где-то под высоким обрывом у них в норках есть гнезда.

Соловей «Варакушка»

Жизнь непредсказуема. Пришлось мне бывать во многих уголках нашей необъятной России. Под Ленинградом и в Иркутске, на Кольском полуострове и на Кавказе, в Абакане и на Саянах, на Черном и Азовском морях. Всюду - удивительное многообразие природы, встречи с сотнями зверей и птиц.

Певчие птицы - особая достопримечательность любого края. Соловей среди них - на первом месте. В общепризнанном понятии соловей - птица внешне неприметная, серенькая, неказистая. Окраска крыльев и хвоста - светлая, верх и бока покрыты буровато-коричневыми перьями, низ - темно-серый. Это - обыкновенный соловей, встречающийся по всей России. Поёт чисто, громко, прозрачно - на 8- 10 колен.

Кроме этого всеми признанного солиста, есть еще в разных краях семь видов соловьев, уступающих в силе и красоте голоса, но имеющие яркую бросающуюся в глаза окраску. Так, синий соловей встречается повсеместно на юге Сибири и Дальнем Востоке. Спина у него темно-синяя, перья хвоста и крыльев также синего цвета. Грудка и низ - белые. В других местах встречается соловей-свистун. Есть южный соловей и другие разновидности.

Мне всех ближе соловей-варакушка, живущий во многих областях Сибири. Эта порода знакома многим. Когда я рос в деревне, мы почему-то звали варакушку - «крапивницей». Самец

варакушки особенно наряден: грудь у него ярко-синяя, снизу рыже-черная полоска, посредине зоба рыже-белое пятно. И хвост такой же рыжий, с черными полосками.

Очень мне нравилось, как варакушка подражает громким трелям скворца и других птиц. Его голос вмещает в себя звон весенней капли и напев ручейка, шелест листьев березы и свист ветерка. В песне варакушки мне слышится особая нежность и чистота окружающей природы. И моя любовь к этому соловью с детских лет осталась на всю жизнь.

Теперь в городе, когда я приезжаю на дачу и вечером на закате отдыхаю на раскладушке под деревьями, ко мне подлетает соловей-варакушка, садится на нижнюю ветку и начинает распевать. Вначале тихо, осторожно. Затем все звонче и раскатистее. Очаровательные трели возвращают меня в детство, на луга и поля - в сказочное царство деревенского лета. Для меня варакушка - родной. Он - соловей Сибирского края.

Куропат

В конце мая травы на лугах и лесных прогалинах поднялись высокие и густые. Снега за зиму набралось много, и обильный весенний паводок сполна напоил землю.

С пустым рюкзаком за плечами с утра я спешил на озеро Травное - проверить рыбу в мордушках. А ходил я всегда не по дорогам, а по полям и лесам - напрямик. За домашней озеринкой, на высоком увале, у двух старых берез каждый год гнездилась пара белых куропаток. Ежедневные мои походы по лесным дебрям, глухим урочищам, плавание по озерам и рекам давали мне обильные знания, а именно: я знал где и сколько гнездится куропаток и тетерок; в каких оврагах выкопали свои норы барсуки и лисы, в каких сограх устроились на лето лоси и косули...

Так, нынче на озере, куда я шел, очень много кряковых селезней и гусей останется в камышовых островах на «линьку», а за озером Долгое цветут уже богатые кусты дикой смородины...

Подойдя к зелёному колку, я не увидел куропата (так у нас, деревенских, называется самец). Обычно он, резко хлопая крыльями, пронзительно и раскатисто гогоча, вылетал при моем явном приближении. Здесь у него, возле пня, - сторожевой пост. Мне, четырнадцатилетнему «ушломому» охотнику, показалось это странным, и я направился к месту, где должна сидеть на гнезде куропатка. Гнездо я нашел еще в прошлый раз. Немного продвинувшись, оторопел: в гнезде, вместо серых перьев самки, белели яркие крылья самца. Куропат не вытерпел моей близости, поднялся на ножках, сбежал с гнезда и, недовольно, громко крича, улетел в поле. Подойдя вплотную к гнезду и разглядывая яйца, вспомнил: подобное уже когда-то встречалось в моей охотничьей практике. Тогда я думал, что самка улетала кормиться, а самец садился на гнездо. Я ведь знал примеры совместного высиживания птенцов у некоторых разновидностей птиц, когда селезни подменяли самку-наседку. Но таких случаев мало. Чаще самцы-селезни на все лето улетают от гнезда «куда подальше», оставляя самок в одиночестве.

Что-то насторожило мой взгляд, гнездо показалось мне частично разрушенным. И здесь я увидел рядом несколько коротких заостренных палочек. Теперь все стало понятно.

Сашка Мотин, самый хитрющий в деревне пацан, зачастую отлавливал на гнездах куропаток и тетерок. Прием прост: заострив с десяток палочек, прочно втыкал их в землю вокруг гнезда, соединяя концы сверху. Получался маленький шалашик с узким входом. Самка, проникнув через щель в гнездо, не разворачивалась и оставалась, как правило, сидеть хвостом к выходу из шалаша. Когда же Сашка, придя на второй день, подбегал к гнезду, птица, застигнутая врасплох, не успевала развернуться и взлететь, и оказывалась в «цепких руках».

Таким образом Мотин отлавливал многих самок, и погибала уйма насиженных яиц. Взрослые его ругали, мы, пацаны, тоже не одобряли такие затеи. Но он продолжал, как хищник, разорять гнезда. Правда, это было в далекие голодные военные годы.

С той поры много воды утекло. Став взрослым охотником, я много раз наблюдал, как птицы и звери ревностно оберегают свою территорию, где у них - гнезда и норы, будущее потомство. Никогда мне не забыть таежное глухое озерко. Лебедь-самец неподалеку от гнезда с самкой избивал крыльями другого лебедя, случайно залетевшего на чужой водоем. Хозяин с такой страстью нападал на незваного гостя, что незнакомец сразу же улетел с озера, предпочитая ретироваться вместо боя. До сих пор слышу гордый, воинственный клич победителя.

На весеннем разливе озера Тенис

Поужинали. Закурили. Майская ночь коротка и светла. А здесь – еще и луна над самой головой. Полузатопленный прошлогодний стожок, на котором сидим, возвышается, как островок. А вокруг, на километры, заливной луг, дальше – огромное озеро.

Пахнет полусгнившим, терпким, но таким ароматным сеном, что не хочется дремать. Да через час и выезжать. Лодки приткнулись к стожку. Сквозь прикрытые ресницы проблескивает серебристая лунная дорожка через весь разлив.

Отчаянно звенит озеро. И каких только голосов тут нет! Гуси и утки. Чибисы и кулики. Гагары и лебеди. Их крики сливаются в одну песню, похожую на томительный стон. Настолько неистовы птичьи голоса.

«Стоном стонет озеро», – обронил давеча Паисыч, а я сразу и не понял смысла его слов. Небо – звездно и призрачно. И там, высоко-высоко, слышится шелест крыльев. Это все новые и новые стаи, волна за волной, движутся на север. Короткий привал – и дальше.

Вечером я рассмотрел озеро, которое еще покрыто серым рыхлым льдом. Левый угол, километра в полтора, уже оттаял, и на нем черным-черно уток, гусей. Гоголи и крохали, как осколки льдин, отсвечивают белизной в лучах заходящего солнца. Их-то хорошо узнаешь, любителей краин, непрерывно ныряющих в воду. Над заливыми лугами слышится приглушенное: «Швак! Швак!». То призывно кричат красавцы-крякаши, самки которых уже давно сидят на гнездах. Немного к полуночи успокоились лягушки, их «оркестр» на закате дня издавал сплошную канонаду.

Тихо позванивает воздух – как натянутая струна. Заливной луг дышит, трава и осока зелеными иглами пробиваются сквозь воду. Этого я не вижу, я чувствую по напряжению, которое томительно висит в воздухе. Даже кровь во мне отзванивает по артериям и капиллярам, пронизывая дрожью каждый мускул. Я прикрываю еще плотнее ресницы, но все так же ярко вижу серебристую дорожку через залив и слышу звон.

«Стоном стонет озеро!». Любовным стоном...

НА ВЕСЕННЕМ РАЗЛИВЕ

Весна по лесам колобродит:
из почек, из кочек, из нор
жизнь рвётся опять на свободу
и в солнечный входит простор!
Я слышу, как чибис взлетает
и гуси на плёсах шумят,
и как перелётные стаи
в любовный загадочный стон...

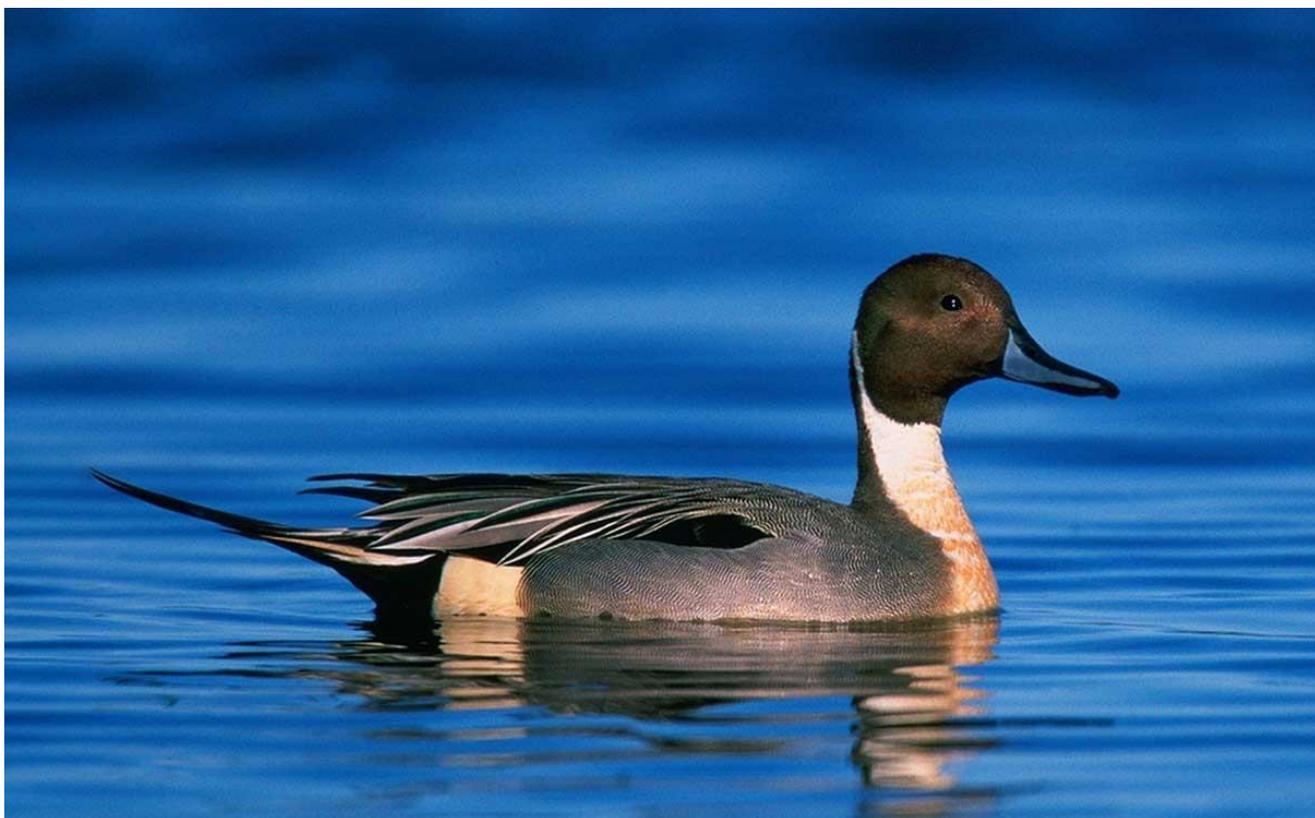
под небом на Север летят!
А брачные крики ночами
над озером сводят с ума-
всё то, что до срока молчало,
теперь и не пробуй унять!
Зов кряквы и оклики выпи,
лягушек томительный звон
над гладью озёрной рассыпаны

Богат и разнообразен мир ПТИЦ Омской области.

На водоёмах лесостепной зоны летом гнездятся много водоплавающих птиц: кряква, чирок, красноглазый нырок, шилохвость, серый гусь. На болотистых местностях часто можно увидеть кулика, ребе - серого журавля. Вдоль обрывистых берегов Иртыша гнездится береговушка. На большие водоёмы, обильно заросшие растительностью, прилетают лебедь-кликун, чомга, чернозобая гагара. В лесной и лесостепной зонах обитают: глухарь, рябчик, клёст-еловик, свиристель, сойка, кедровка, кукушка, козодой, дятлы, серая куропатка, перепел, тетерев-косач, сорока, скворец, овсянка, синица, славка и другие. Из хищных птиц часто встречаются ястреб, совы, ребе: коршун, канюк, беркут...

Серый гусь - сильная и осторожная птица. Прилетает на гнездование в Омскую область в апреле.

Шилохвость - водоплавающая птица семейства утиных, один из самых распространённых в мире видов.

Цикл стихов: «Птичьи голоса»

ВЕСЕННЕЕ УТРО

В полях- синё!..
За дальней городьбой
большой простор клубится пред
глазами!
На гриве трактор свежей бороздой
ползёт... луг- стадо... клич под
небесами...
То гуси- лебеди спешат домой,
на Север дальний, в выси голубой...

СОКОЛ

В небе чистом, синеоком-
круг за кругом, чертит сокол...
Как стрела, промчался вниз
сокол – голубятник,
птицу над рекой настиг,
сбил-
пух вьётся ватой!

САНИТАРНЫЕ СПЕЦЫ

Я копаю огород
с рыхлою землицей,
из комочка червь ползёт-
длинный, словно спица.
Вот- второй, вот- третий...
Тьма
тех червей на грядках...
В щели мелкие земля
прячет их обратно.
Но со всех сторон скворцы
налетели разом-
санитарные спецы
смотрят хитрым глазом.
Червь мелькнёт- они уж тут,
и клюют, клюют, клюют...

СОРОКА У ЧУЖОГО ГНЕЗДА

Ах, сорока- белобока,
над скворечной что ты кружишь?..
До чего ж хитра, жестока-
ты лови стрекоз на ужин...

На лугах букашек много,-
а чужих птенцов не трогай

ГАЛКА

В тёмной шапочке ворсистой,
с опереньем ярко- чёрным,
как воришка- в гнёзда птички
лезешь к деткам безнадзорным...
Ах, проказница ты, галка,
как птенцов чужих не жалко?!

КОРОСТЕЛЬ

Этой ночью в огороде
коростель поёт , звенит.
И с ума собаку сводит
птичий крик.
И пёс –скулит...
За плетнём- река с осокой,
в дымке- роши полукруг.
Смотрит месяц ясным оком
на туманный белый луг...
Я не сплю ,-
ведь птичий крик
в форточку мою проник.

АИСТ ЧЕРНЫЙ

Аист черный - джентльмен
в горделивой позе,
ждешь от жизни перемен,
и дождешься, может?
Фрак блестящий жениха,
белая сорочка...
Ах, судьба твоя лиха,
как у многих, впрочем.
В Красной книге ты теперь
смотришь со страницы...
Человек - совсем не зверь,
но исчезла птица.

КРОНШНЕП

Весь вечер над пустынным плесом,
над болотиной луговой
летает кроншнеп... И вопросом
мне слышен птичий крик больной.
То с куличком вдвоем поплачут,
то к чайкам ближе подлетит,
то ввысь взметнется наудачу -
и зов печальный рвет зенит.
... И я - один на берегу -
ему ничем не помогу.

ПУСТЕЛЬГА

Юркий сокол- пустельга
вмиг завис в полёте,
смотрит зорко на луга:
мышка там в дремоте.
К солнцу вылезла из норки-
её видит сокол зоркий!

СОРОЧЁНОК

Терновый кустик в тишине
шуршит,
и ярко- жёлтый светится горошек.
У сорочёнка – несчастливый вид:
наохлившись, сидит он, всеми
брошен.
Ползёт всё выше солнышко в
зенит.
Жара... Ни ветерка...
Притихла роща.
Поляна в полудрёме сладко спит.
Лишь сороченок кыркает и
ропщет.

КУРОПАТКА

Шёл я полем возле леса
и почти у самых ног
вдруг увидел интересный
с серым пухом бугорок.
Вот головка, клюв- о, Боже,
вижу птицы робкий взгляд...
Здесь гнездо!?!..
И осторожно
отступаю я назад.

СЕРАЯ ЦАПЛЯ

Высокая птица- серая цапля
на длинных и тонких ногах
так ловко клювом рыбок цапает
из речки, на чистых ключах.
Важно ходит по белой косе...
Солнце играет на влажном песке

КАЗАРКА КРАСНОЗОБАЯ

«Кли- кли- кли!..»- кричит казарка,
одинокая вдали.
Лёд да снег...
Признаюсь: жалко
птиц пролётных мне с земли.
Гонит резкий ветер к югу,
разрывая в сотый раз
клин уставший.
Друг за другом
стаи мчатся в небесах.

А к казаркам краснозобым
интерес у нас особый.

ПISКУЛЬКА

Гусь-пискулька, белолобик
пролетает рядом, низко.
На посадку вновь заходит
над равниною искристой.
И кричит призывно, тонко:
слышу клич- как плач ребёнка

СТРЕПЕТ

Стрепет- мелкая дрофа,
с опереньем пёстрым,
но быстрее петуха
пробегаёт вёрсты.
Длиннонога и стройна,
словно ветер, мчится.
Ей трава и степь нужна-
в озими гнездится...

САВКИ

По-над озером сделавши круг,
в чучела опустились две савки.
Безбоязненно смотрят вокруг
две красавицы- утки, две самки...
Полыхает на плёсах весна
зоревыми, живыми лучами.
Где же селезни?
Чья же вина,
если птичья любовь отзвучала?
Кто придумал охоту весной?..
Замер я, задохнувшись виной.

БАЛОБАН

Рыже -бурый великан,
ты похож на беркута.
Ты – последний могикан
птичьего бессмертия.
Чем же ты не угодил
человеку ныне?
Гордо в небесах парил -
и куда- то сгинул.
Как боялись суслик, мышь-
если был ты рядом...
А теперь- над полем тишь,
грызунам на радость!

ЧАЙКИ

Весенним, ярким солнцем
обласкана река.

В ней с самого-то донца
всплывают облака.

Вдоль берега- лужайки
с зелёною травой...

На что вы, чайки, жалуетесь,
крича так надо мной?

КОЗОДОЙ

Бекал, плакал козодой
в тальнике полночном.
Тьма казалась мне бедой
в этой мокрой роще.
Отсырел костёр, угас-
словно свет улитки.
За ночь не сомкнуть мне глаз-
я промок до нитки.

ЯСТРЕБ

Ястреб крылья расправил,
над поляной парит.
Смотрит влево и вправо-
спать мышам не велит
Машет крыльями редко...
На мгновенье- завис.
Ясно: что- то приметил-
камнем падает вниз!

ХРОМОЙ КУЛИК

Лес обнажился...
Стынут дали
с поблекшим лугом за рекой.
Хромой кулик, отстав от стаи,
всё кружит, плачет надо мной.
И вот на отмели песчаной,
где в волнах плавится закат,
между камней исчез печально-
сам будто в чём-то виноват

ВЫПЬ

В предутренней дымке, в холодной заре
иду по болоту в большой кочкаре.
Осока, камыш- ветка это иль клюв?..
Бекас вылетает, в сторонке
мелькнув.
Но профиль заметный сквозит в
камыше:
вот крылья... вот ноги...
И смутно в душе.
Ведь я же охотник- меня ль
удивить?..
Всё ближе и ближе- да это же выпь!

ДРОЗД

Дрозд- рябинник...
Хитрый дрозд
любит ягоды в мороз.
В ветках снежных утром синим
он клюёт в саду рябину.
Розовеют ягод гроздь-
в них от солнца свет морозный!

ГРОЗНЫЙ ГОСТЬ

Коршун, разомлевший от жары,
снизив круг, на старый пенёк садится.
Клюв открыт... Как искорка грозы,
огонек в глазах его таится.
Задремал... Нахохлился... Застыл...
Пленка на глазах... Разжались когти...
Птицы, наблюдая сквозь кусты,
чувствуя подвох - притихли, смолкли.

КУРОПАТКИ

На заснеженной полянке
там и здесь- повсюду ямки.
Кто в них прячется, живёт?
Вижу крыльев росчерк- взлёт!
Ну, всё ясно: куропатки
спали в них, играли в прятки.

ГОРЛИЦА

Многоцветный веер перьев
с белым пятнышком хвоста...
Различаю меж деревьев
горлицу я у гнезда.
Она кормит своих деток...
Тихо дремлет полдень летний.

СНЕГИРИ

На снегу полоской ярко- алой
высветились грудки снегирей.
Конопля вдоль берега осталась,
и её осыпал суховей.
Пар морозный с полыньи слетает,
и белеют дали Иртыша...
Снегири весёлой, дружной стаей
кормятся за кромкой камыша.

ТУРПАН

Чёрный, словно смоляной,
сел на плёс ко мне весной.
Статный, мощный и красивый,
с алым отсветом бровей-
он плывёт и горделиво
вдаль кричит любви своей.
...С белым зеркальцем на крыльях,
турпан снова мне приснился.

КРЯКВА

В камыше болотистом, густом
светит озерцо- с ладонь, не более.
Кряква плещется- её здесь дом.
Хорошо ей летом на приволье!
Но сегодня первый злой мороз
льдом сковал камыш и озерины.
Клюв у кряквы в инее, замёрз.
Лапки красные ко льду пристыли.

СОЙКИ

Перья - дыбом на головке,
крылья в чёрно- голубом.
Состязаются в сноровке-
расклевать орех вдвоём!
А сегодня, наблюдаю-
их собралась сразу стая.

СКОПА

Небольшой и юркий ястребок,
с чёрною полоской на груди,
мчит от озера, наискосок.
Два стрижа отстали позади.
Вижу когти и добычу в них:
серебрится чешуёй карась.
Просвистел разбойник -смел и лих,
меж деревьев в роще растворясь.

ЛЫСУХА

На речной протоке- глухо,
близко нету ни души.
Тенью лёгкою лысуха
раздвигает камыши.
Чёрная, как смоль, над клювом-
белая пролысина.
Вслед кувшинка шевельнулась,
Разглядеть - немислимо!.

птичьи перелёты

На пролете птичья стая
к озеру спустилась утром,
оперением блистая,
расплескала ночи сумрак!..
Плыли льды светло по плесу-
как осколки белой вьюги!

Селезень,
взлетев,
пронесся
круг...

И снова сел к подруге.
Птицы весело купались,
и взлетали брызги градом,
и заря в них отражалась
сотней самых ярких радуг!..
Солнца слиток раскаленный
всплыл!.

Пожар окрасил воду!..
Взмыла стая –
клич влюбленный
долго несся в небосводе...

Оранжевое в синем
над плесом занялось!

Берега раздвинув,
половодье понеслось!

И белый лед,
сверкая,
торжественно плывет,
поет,

звонит, ломаясь,
попав в водоворот!
Отсвечивая холодом,
стоят в воде талы,
и веточки их –

молоды,
и почки так светлы!
Гудит буксир протяжно,
пуская белый дым.

О, как сегодня важно
и мне быть молодым!..
Причал слегка качается
под робкий всплеск волны,
в тревожном крике чайчем
слова твои слышны!..

Мерцающая,
синяя

запламенела гладь!
- Заря,
ну обними меня
и дай весной дышать!

Как я любил по вечерам
в лугах,
пронизанных туманом,
спешить с ружьем на выгора
и ждать в тиши зари желанной!
Последний лед кусками плыл
по плесам,
белизной сверкая,
- веселой вьюги
поздний пыл
лучом холодным отражая!

Темнело,
и густел туман,
и звезды в выси загорались,
кричали птицы здесь и там –
и стаями с воды срывались!
Сжимая пальцами приклад,
я слушал посвист каждой стаи,
стремящейся сквозь звездопад
на Север,
где еще не тает.

Шмакову Г.

ОХОТНИЧЬЯ ЗАРЯ

В полнеба разлилась заря,
и лес звенит от пробужденья!
Я сам- спрессованный заряд!..
Я - тетерев в любовном пенье!

В кустах еще дымят снега,
а с края солнечной поляны
блестит подснежников гряда
и ароматом нежным манит!

Ковер игольчатый
травы

зазеленел в лучах апреля,
а почки ждут своей поры –
в тепло не очень веря!

И жаворонок в небесах
звонит,

звонит влюбленно,
малиновка поет в кустах
над речкой ослепленной!

И как здесь свежестью такой
не надышаться,
не напиться!?

И с посветлевшей головой

в берёзку не влюбиться?!
«Чув-ши!..» -
кричат тетерева,
и в парах бьются на поляне...
Пляши!..
Свисти!..
Рождай слова!..
-Пусть выстрел твой
не грянет.

ВЕСЕННИЕ ПАЛЫ

Чибис в небе,
как стреножен,
низко кувыркается
и кричит вблизи
тревожно,
так,
что мне икается!
Луговина заливная
окаймила старицу,
гоголей свистящих стая
с шумом вниз спускается!..
Тянет с паром от земли
запах листьев прелых.
Облака,
как корабли,
в гавани апреля!
Жаворонок изнемог
в песне нескончаемой,
и кузнечика смычок
пиликает отчаянно!..
Зеленеет куст талов
в крошечных листочках...
Вижу дальний дым палов
- лес горит?..
Ну, точно!
Надо ж, выдумать палы
вдоль лесных окраин!..
Да, для глупой головы
нет разумных правил!

УТОЧКА СЕРАЯ

На кочкарнике в тихой пойме,
у большого куста ивняка
мне трезвонят лягушки довольные,
что опять полноводна река!..
Зеленеют луга заливные.
Кряква дикая прячет гнездо,
рядом селезень - гордый,
крикливый-
ищет, мечется,

бьет крылом!
Уточка, молчаливая серая
в прошлогоднем
густом камыше
обложила гнездо свое перьями,
дремлет радостно –
май на душе!
Снятся ей приозерные зори,
плес,
утята ныряют вокруг...
Снятся даль, голубые просторы
и взлетевших птенцов
первый круг!
Видится над полями густыми
стайки дружной
высокий полет...
Не парчою из перьев
красивой-
ее сердце любовью живет!
Уточка моя серая, милая,
день и ночь на гнезде ты одна,
для меня ты такая красивая –
как родная моя сторона.

Высокие слова
в прекрасные напевы
слагает в майском небе синева...
Летят,
разят невидимые стрелы
желаний прежних –
и мечта жива!
Огни в ночи...
Ах, эти боли слева –
то бьется сердце
в стиснутой груди...
Я различаю тайные напевы,
я слышу,
как земля поет,
гудит...

Глухое озеро...
Талы
цветут,
к воде склоняясь,
на гнездах утки.
Словно дым,
плывет заря,
купаясь!

Покрытые лесом земли занимают около 4,5 млн. га с общим запасом древесины - 564 млн. кубических метров. Более 90% запасов леса сосредоточено в северных районах. Как и в других районах Западной Сибири, леса сильно заболочены. Лесные массивы этих районов, несмотря на их сильную заболоченность, вполне обеспечивают развитие крупных лесозаготовок и лесоперерабатывающей промышленности.

В лесах области преобладает береза, занимающая более половины площади лесов, затем следует сосна - более трети лесов, осинники составляют около 11 % от всех лесов, кедровники - 5 %, ельники - 2,5%, пихтовники - 1,5%. Весьма незначительные площади заняты лиственницей, липой, ольхой, ивой, тополем. Всего в области насчитывается 108 древесно-кустарниковых видов.

Площадь лесов 1 группы составляет чуть более 1 млн. га. (Чернолучинский, Артынский бор и др.). Площадь лесов второй группы чуть более 1,5 млн. га. Площадь лесов третьей группы (сконцентрирована в северной части области) - более 3 млн. га. В эксплуатационном фонде - 12 % приходится на хвойные насаждения, а 88% - на лиственные.

В соответствии с лесным кодексом РФ в области проводится ежегодный и периодический (каждые 5 лет) учет лесного фонда и мониторинг лесов в целях - организации системы наблюдений, оценки, прогноза состояния и динамики лесного фонда, а также для осуществления государственного управления в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов.

Помимо древесно-кустарниковых растений на территории области произрастает более 1000 видов травянистых растений, из которых есть виды занесенные в Красную Книгу СССР и Красную Книгу Омской области.

Характер растительного покрова Омска обусловлен местонахождением его территории близ границы лесостепной и степной природных зон, а также антропогенным воздействием. Окрестности областного центра не имеют естественных лесов. Небольшие редкие леса (березово-осиновые колки) удалены от города на значительное расстояние. Прииртышская полоса к югу от Омска - почти полностью безлесная. Повсюду расстилаются открытые посевные площади. На городской территории по данным на 2003 год произрастает 689 видов сосудистых растений. Особенно разнообразно семейство цветочных растений.

Цикл стихов: ЦВЕТОЧНЫЙ ЛУГ

ПОДСНЕЖНИК

*Ещё снега в чащобе
непролазной,*

*ещё позёмка по ночам
метёт,*

а вот сегодня (я заметил сразу)

цветочек белый меж кустов растёт.

Иду поближе...

Он, гордец- подснежник,
вобрав в себя горячие лучи,
все лепестки раскрыл...

Красивый, нежный
сияет...

А вокруг журчат ручьи.

МАРЬИН КОРЕНЬ

Марьин корень, пион
розоватый,

лепестками неслышно
дрожит.

Из оврага- из тьмы
сыроватой

он на солнышко робко
глядит.

Май прошёл, а тепла ещё
мало,

но цветок излучает свет
алый!

КУВШИНКА

Кувшинка нежно-белая
на старице цветёт
и на листочке- лодочке
качается, плывёт.

Заря слегка румянится
над тихую рекой,
кувшинка, как снежинка,
блестит передо мной.

НА ЛУГУ

На лугу меж ивами мерцает
старицы серебряный рукав.

Ряской , камышом он
зарастает.

Берег в мягких травах, как в
шелках.

Отражаются в воде
сонливой

белые, как льдины, облака...

От кувшинок снежный
блеск игривый...

Далеко за лесом синь-река.

ЛИЛИЯ КУДРЕВАТАЯ

Лилия кудреватая
мне качнулась в лицо,
лепестки её красные
сжались в полукольцо.
Посредине цветочка
копошится пчела...

Оглянулся: тропинка
в хвойный лес привела.

НАДВОДНЫЕ РАСТЕНИЯ

Я брожу вдоль речки,
в ней кувшинки – свечи.
Над водой- рогоз, тростник
и аир с трезубкой.

*Дальше- манник,
стрелололист,
камышиннок дудки...
Корень белый у аира-
он лечебнее эфира.*

РОЗАРИЙ

*Я люблю не в парках розу-
а шиповник здесь, в лесу.
И терплю его занозы-
в пальцах веточку несую!*

ГОРИЦВЕТ ВЕСЕННИЙ

*Горицвет весенний,
жёлтый-
как подснежник, ясно
светит...
Травянистым выстлан
шёлком
влажный луг в начале лета.
Пусть апрель в ночах
прохладен,
и в овраге- серый снег,
горицвет, меня порадуя,
подари мне летний свет!*

МАЙСКОЕ УТРО

*А день восходит, полный
синевы!
Пыль солнечная вьётся за
ветрами.
На бугорке- зелёный чуб
травы.
И бабочка летит к оконной
раме.*

МЕДОНОСЫ

*Май прошёл...
Цветут поляны,*

*и снуют шмели и осы.
Рядом- пчёлы, дух дурманной!
-Это время медоносов.
В каждой маковке цветка
жизнь прекрасна и сладка!*

НА ИРТЫШЕ

*Иртыш в разливах вольных плещет,
вобрав последние ручьи!..
Я слышу в ивах голос вещей
из прошлого,
из забытия.
Ночь майская смежила веки –
две зорьки в небесах сошлись!..
Петух со сна прокукарекал,
две фары на лугах зажглись.
Вот стих мотор...
Лишь писк случайный
тревожит чутко тишину,
да вздох березы,
шелест тайный
травы
связались в нить одну!..*

ВЕРБНОЕ

*Сегодня - «Вербное!» - весна!
В окне- большой рассвет...
Я вижу иву у окна,
в ней- старины завет!
На влажных почках- синева,
в ветвях- сосулек лёд!
Воркуют голуби...
Слова
любви мне высь поёт!*

МАЙСКИЙ СНЕГ

*В обед ещё звенели ручейки,
но схолодало...
К ночи- пал озимок...
Поляна побелела от тоски
и ручеек затих, ледком теснимый.
Подснежники, по грудь в снегу, грустят-
их лепестки висят, обледенели...
А лебеди: «клык- клык!»- вблизи
кричат...
- Вот, сделав круг, на старицу присели.*

БЬЮТСЯ ЛЬДЫ

*В заре мерцает луговина
и слышен клич пролётных птиц.
Плывут по речке, бьются льдины-*

в осколках блещут иглы спиц!
А у моста – затор...
Армада
из хрусталя и серебра!..
Под хруст и звон я пью прохладу
и забываю боль утрат.
Ну, что в груди моей сомненья
пред буйством солнечной воды,
перед весенним вдохновеньем,
с которым звонко бьются льды!?

ОПЯТЬ СВЕТЛЕЮ ГОЛОВОЙ

Апрель извечно манит нас
проталинами, небом синим,
и чистотой девичьих глаз-
тех первых, так любимых...
Взгляни, как пламенем зари
зажглись на небе звёзды...
Вновь пробуждается в крови
желанье к дальним вёснам .
... Пью сок берёзки молодой,
целую вновь подснежник.
Опять светлею головой
и ощущаю нежность!..

КОСТЁР

В вечернем поле- холод, сырость.
Как алый мак, горит костёр!
Весна, ты дай тепла на милость,
с утра шёл снег, и я промёрз.
Здесь, на поляне, цвёл подснежник-
повяли, сникли лепестки.
Но в полдень солнце грело нежно-
снег превратился в ручейки!
И я смотрю уже без гнева
на луг туманный, на костёр...
Зарёй отсвечивает небо,
и светом полнится простор!

ПРОШЛИ ПАЛЫ

Вдоль леса по опушке- борозда,
глубокая, длинной во всю поляну...
Я за клубникой вновь пришёл сюда,
но всё вокруг переменилось странно.
Прошли весной палы здесь- из кустов
обугленные видятся тычинки...

Нет ягодника... Нет былых цветов...
Растут одни лишь тощие травинки.
Опахан лес! - и шрамом борозда...
Неслышно птиц- видать сгорели
гнезда...
Кто виноват в пожаре?.. Ведь беда
на много лет останется коростой.

ВАСИЛЁК

У дороги синий василёчек
головой кивает мне, зовёт.
А июльский тёплый вечерочек
в листиках его поёт, поёт.
Подойду и наклонюсь с приветом,
приголублю синий огонёк,
расскажу ему лишь по секрету
как давным- давно я одинок.

МАЙСКИЙ ЛУГ

Когда хандра, когда недуг,
и в сердце воля убывает-
вдруг, в сны приходит майский
луг!

И жизнь, как прежде, расцветает!
И жаворонок в синем небе,
а на разливе- белый лебедь!

ИВАН да МАРЬЯ

Жила в моей деревне- Марья!..
Я вспомнил трудное житье,
как в дни войны соседний парень-
Иван, вернулся на село.
Пришёл израненный войною
Солдат - безусый паренёк...
На костыле, с одной ногою...
Женою Марью он нарёк...
Иван да Марья!?- цвет прекрасный
цветов лесных на зорьке ясной

МЕДУНКИ

Резкий запах смородины,
горький привкус осин-
мне напомнили Родину
в пору тяжких годин.

ПОЛЕВЫЕ ЦВЕТЫ

Рву опять на поляне цветы:
васильки, резеду и ромашки.
Их люблю в старый дом принести.
А зачем?
Они- сон мой вчерашний.
Стены помнят иные года,

те, что были юнее и звонче...
Я цветов не дарил и тогда
той, единственной, нежной
девчонке.

ПЛАВАЮЩИЕ ЦВЕТЫ

Ряска, лютик, водокрас,
жёлтая кубышка-
на протоке в ранний час
плавают неслышно...
Только солнышко взойдёт-
гладь речная зацветёт!

Завешаны зеленым хмелем окна,
и облепиха дремлет у ворот...
От зноя день затих... Плывут волокна
прозрачных облаков... А высь - поет:
в ней- жаворонка голосок беспечный,
в ней - грусти журавлиной оклик
вечный!

В. Макарову

ЖИЗНЬ И РУСЛО.

Мне сегодня стало грустно:
здесь, в долине, у реки
понял - жизнь меняет русло!..
Мы же, люди, мотыльки.
Мы дичаем, беды множим...
Обмелела наша жизнь...
Оттого досада гложет...
И темнеет неба высь!
Все не так во мне... А речка,
русло старое храня,
повороты вьет, колечки...
Воды плещутся, звеня!..
Все в природе соразмерно,
мудро, прочно на века...
- Ну, когда в себя поверю
так, как светлая река?!

ЗАВОДЬ

Меж талов глубок залив-
ямы в нём, водовороты...
Мрачен остров, молчалив-
вся река- за поворотом.
Этот маленький рукав
называют просто: «заводь»...
Мир таинственен, лукав-
здесь русалки жизнью правят.

ПОДСНЕЖНИК

Подснежник мой, тебе хотелось ласки,
ты распустил под солнцем лепестки,
но за ночь снег смертельной,
белой краской
опять прикрыл и травы, и кусты...
Берёзы индевеют, смёрзлись почки-
ты, словно чудо, гибнешь на снегу...
Мне кажется: Снегурочка не хочет,
уйти, ещё не ведая беду!..

ВЕСЕННИЕ КРИКИ

Весенние крики ночами
над озером сводят с ума...
Всё то, что до срока молчало-
теперь и не вздумай унять!
Безудержность кряквы и выпи.
В томленьи - лягушечий звон...
Мир радостный всюду рассыпан,
всколдованным сладостным сном.
Вот- чибис, пронзительно близкий...
Вот плакса - кулик, то- сова!...
Клич сыплется звёздными искрами.
Влюблённые слышу слова!

Глава №3. ОХОТНИЧЬИ ПРОСТОРЫ

Канушин Анатолий Михайлович
Почётный охотник «Всероссийского общества охотников», известный таёжный промысловик, председатель областной секции «Охотники с лайками», член редколлегии журнала «Охота в Прииртышье»

Вот что он рассказал о себе:

«...Родился в 1939 году в Омске. Детство провел на берегу Иртыша, любил рыбалку, рано приобщился к охоте на уток. А в тайгу попал в 1963 году и сразу понял: вот она, настоящая охота! Охота на зверя в глухих

местах, где не ступает нога человека, таит в себе непередаваемые словом ощущения первозданной природы, ее нетронутой красоты! Да пусть простят меня охотники-утятники, а их у нас огромная армия, но только на таежной охоте можно познать все величие Матери-Природы.

Мне за семьдесят пять, выгляжу молодо, есть и силенка, но очень стали побаливать суставы рук, ног. Обращаюсь к врачам, а они говорят: профессиональная болезнь. Постоянные переохлаждения на морозе, ночи у костра или в холодной избушке, переходы по поясу в снегу по 100-200 километров – все это не проходит бесследно. Исходил я весь Север, был в Тюменской и Томской тайге, и везде в одиночестве. Такова судьба таежного охотника, а с внешним миром общаемся только по рации. Но что бы ни было – таежную охоту не променяю ни на что...»

А. Канушину сегодня под восемьдесят лет. Если для кого-то он не самый лучший охотник области, то наверняка- один из лучших. Он и организатор многих охотничьих дел: так он построил в охотничьих угодьях около Драгунки охотбазу по натаске собак, (куда завозил даже медведей); он организовывал расселение по области завезённых кабанов, несколько видов белок и всякое другое зверье. Проводил многократно смотры

охотничьих собак и выступал с их победителями на всероссийских смотринах, занимая классные места. Он и основатель праздника «День охотника области», он и председатель секции «Сибирские лайки» и участник ещё многих дел..

Анатолий Канушин был членом редколлегии журнала «Охота в Прииртышье» №1, издание которого финансировал за личный счёт. Вот такой он необыкновенный, бескорыстный человек.

Я, как журналист, переписывал с его слов на диктофон многие его охотничьи истории и написал в итоге повести «Медведь-шатун», «Исповедь таёжного охотника» и несколько рассказов. А Анатолий Грачёв, известный журналист и редактор многих книг, под его диктовку написал несколько отличных очерков.

В отрывке из повести «Медведь-шатун»: его напарник по охоте ведёт с ним такой диалог:

– Михалыч, а много ли в области профессиональных таежных охотников?

– *Да как сказать, человек тридцать будет. Три госпромхоза – Тевризский, Усть-Ишимский и Тарский. Два охотничьих – промысловых участка – Седельниковский и Большеуковский. Очень известные охотники – Ходарев Виктор, Федоренко Валентин.*

– У нас в северных районах – много егерей, охотоведов. А кто они?

– *Эти люди работают в штате областного управления охотничьего хозяйства, и профессионалов среди них мало. Они, в основном, занимаются организацией охоты на местах. Хотя один из них – Червяковский Виктор из Тарского госпромхоза – отменный охотник, таежный профессионал.*

– Ты давно стал таежным охотником, а она, как все говорят, очень трудная...

– *Согласен. Мне 57 лет. Выгляжу вроде молодо, и есть силенка, но очень стали побаливать суставы рук, ног. Обращаюсь к врачам, а они говорят: профессиональная болезнь. Постоянные переохлаждения на морозе, ночи у костра или в сырой избушке, долгие переходы по поясу в снегу – все это не проходит бесследно. Недавно по радио старший из знаменитой охотничьей династии Федоренко давал интервью журналисту Владимиру Чешегорову, в передаче «Моя родная сторона». Так вот Федя, а он уже несколько лет как на пенсии, рассказывал, какой была трудной охота в прошлые времена. Это нынче нам вертолет привез несколько мешков продуктов и всего прочего, а в старое время все – «пехом». Что взял охотник на плечи, в рюкзак, – тем и живет. В основном – сухарики...*

– А какие виды охоты для тебя любимее?

– *Больше всего мне нравится охота с лайками на соболя и белку. На лосей, медведей и другое зверье – все это уже в прошлом.*

– Михалыч, говорят, ты создал базу натаски и нагонки собак, построенной в Называевском районе. Как дела там?

– *В Драгунские вольеры завезены медведь, кабан, белка и другие звери. Там – учебная база общества охотников*

– А какие у тебя контакты с областным начальством?

– *У начальника областного управления охотхозяйства Мишкина Бориса Ивановича по разным вопросам бывал не раз. Мужик – что надо. И с председателем правления охотобщества Виктором Андреевичем Кириным встречаемся часто..*

– Какое место в твоей жизни занимают собаки?

– *Я провожу с ними по 2-3 часа каждый день, находясь в городе. Когда мне нездоровится или плохое настроение, я с ними подолгу сижу, разговариваю, глажу их. Они мне смотрят в глаза, скулят, лижут руки. И мне сразу становится легче. Вот самая лучшая собака, медалистка, осталась в городе, что-то приболела.*

– Михалыч, на севере области есть бобровые заказники. Ты туда заглядывал?

– *Да. Очень много бобров на реке Туй и ее притоках. Есть две семьи и на моих угодьях. Я их охраняю от возможных браконьеров.*

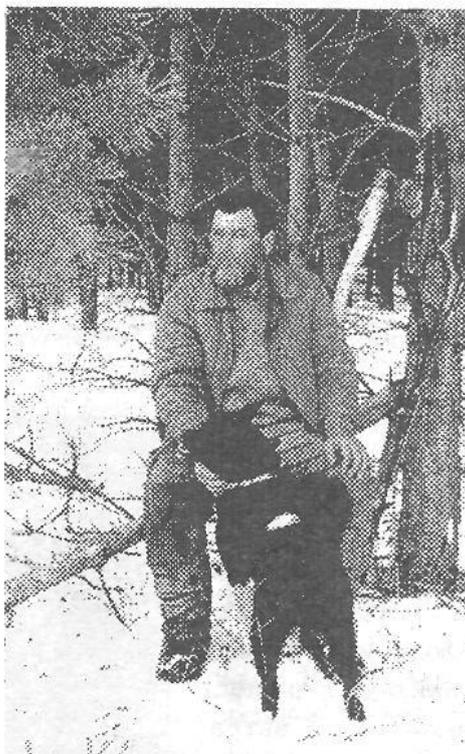
– А что, даже в глухомани они есть?

– Сейчас, при наличии разной техники – танкеток, вездеходов, буранов, вертолетов – появляются нехорошие люди и глубоко в тайге. Уничтожают любую живность на охотничьих тропах. Правда, на моем участке таких не встречалось.

– А часто ли встречался с медведями-шатунами? Да и вообще-то, кто он – шатун?

– В природе медведь-шатун – явление частое. Бывает, медведь не набрал запас жира и «сосать лапу» целую зиму невтерпеж. А может, кто-то нарушил его берлогу, приготовленную заранее. Может, потревожили его уже в берлоге, или даже ранили. Тогда он опаснее вдвойне. А бывает, берлога приготовлена на низком месте, и ее заливают сильные осенние дожди. Во всех этих случаях происходит такая картина: снег выпал – а медведь шастает по лесам...

ТАЁЖНАЯ ОХОТА

С Анатолием Михайловичем я знаком давно и вроде бы знаю его -и не знаю. Знаю как человека, садовода, председателя областной секции охотничьего собаководства, как охотника на водоплавающую дичь, а вот как таежного охотника - почти не знаю. Хотя он одним из первых выполняет договорные обязательства по сдаче пушнины и является победителем многих соревнований со своими таежными лайками. Я мало бывал в тайге и, когда мы встречаемся с ним, задаю ему массу вопросов о таежной охоте.

ИСПОВЕДЬ ТАЕЖНОГО ОХОТНИКА

Беседа затянулась. Более часа сидим с Михалычем у него на квартире в небольшом кабинете. На стенах развешено различное охотничье оружие: старинные дробовики, винтовки зарубежных и отечественных фирм, штуцеры, мелкашки, карабины. На отдельном ковре – ножи, кинжалы, сабли. А когда я входил сюда, в коридоре

натолкнулся взором на чучела глухаря, белой куропатки, филина. Впечатлили огромные лосиные патлы, рога оленей, косуль.

В центре на спецполочке сидит краснопёрый..попугай., и о чём –то разговаривает сам с собой

Михалыч два дня назад вернулся из тайги. И так-то здоровенный мужик, а еще и в пуховом свитере, он выглядит громадиной на фоне маленького дивана. Шкиперская борода, густые волосы с чуть заметной сединой, молодой взгляд, энергичные движения – ему никак не дашь за шестьдесят. Он совсем не похож на пенсионера.

Но сегодня ему явно не по себе: покашливает, чихает, нездоровым румянцем дает знать о себе температура. Под глазами полукругами – темные отеки. Тем не менее, донимаю его вопросами, надеясь тем самым не только заполнить интервью, но и отвлечь его от недомогания.

– Михалыч, мы с тобой прежде больше говорили о том, как ты удачно поохотился, о встречах с разными людьми, о красоте природы... Словом, «о трудовых успехах». А ведь тайга полна неожиданностей, случается наверняка такое, когда охотник оказывается на грани жизни и смерти. Расскажи об этом.

Михалыч немного помолчал, размышляя, потом ответил:

– Знаешь, о тяжелых и опасных моментах не люблю вспоминать, зачем ворошить старое. Оно вот здесь, под сердцем. Не хочется нервировать, волновать родных и знакомых, отпугивать начинающих охотников. Но и замалчивать такое, пожалуй, нельзя. Взять хотя бы ситуацию, когда по окончании сезона приходится выходить из тайги «пехом»...

НЕОПЫТНОСТЬ НАКАЗУЕМА

Случай этот произошел на третий год моей таежной охоты. Промышлял я на пару с таким же молодым парнем – Димкой Емельяновым. Он – из Тевриза, а его родичи – семейство остяков – жили когда-то на речке Ягыльях, притоке Васюгана.

Стояла середина декабря. Собрал в рюкзак десяток шкурок соболей и около тридцати беличьих, положив маленький топорик и литровый мятый чайник, я отправился в сторону Тевриза один, оставив напарнику все свои продукты. С мелкокалиберной винтовкой и рюкзаком за плечами, я торопился домой – на Новогодние праздники. А Димка оставался в тайге до конца января.

Вместе с Кучумом, моим преданным псом, я рано утром в сумерках пробрался через огромный кедрач и к рассвету вышел на мыс, где стояла одна из наших избышек. Зимовье – маленькое, но в нем есть запасы продуктов и крохотная печка из жести. На ней сварганил чай, передохнул. Прихватил в рюкзак несколько сухарей, нацепил лыжи и вышел на край ряма. Запомнилось, как с одинокой березы слетели три тетерева...

Впереди, насколько хватало глаз, простиралось бескрайнее болото. Над блестящим снежным покровом поднимались редкие, невысокие сосенки. А внизу из-под снега кое-где пробивались клочья мха, кочки, багульник. Мне предстояло пересечь эту белую пустыню, длиной в двадцать пять километров по центру, дойти до мыса соснового бора, что справа по ходу, свернуть туда, а там, через восемь километров, у речки, в доме старика-охотника, живущего с бабкой в давно брошенной деревеньке, можно передохнуть. От них надо идти кедрачом до заимки, за которой расположен хутор, населенный большим семейством остяков. А уж дальше будет люднее. Этим путем я раньше выходил из тайги с братьями Федоренко. Есть такая знаменитая в Прииртышье династия охотников. С их помощью школу охотника я прошел приличную.

...Стою у болота, смотрю вдаль и замечаю, как в потеплевшем воздухе начинают роиться снежинки. Стал усиливаться ветер. «Быть пурге, – определил я с опаской, – этого еще не хватало...».

Делать нечего, двигаюсь вперед. Лыжи глубоко проваливаются в снег, при этом носки их задираются так, что мне необходимо высоко поднимать колени. Палка-посошок помогает сохранять равновесие. Через километр вспотел, промок насквозь (хорошо идти по путику, по накатанной лыжне, а если бить целик, то лучше вдвоем, попеременно меняясь). Устал. Сбавил темп. А ветер все сильнее и сильнее, пронизывает до костей. Оделся-то я легко, даже свитер запасной не захватил.

Прошел километра четыре. Снег – все гуще, видимости почти никакой. Болван – компас забыл в избышке. Ориентируюсь только по ветру, что резко хлещет в левую щеку. Где-то километра через два неожиданно усилился «подлип» на лыжах, цепляясь за них целыми комьями сырого и вязкого снега. Видать, внизу, у мхов, стоит вода. Сбросил лыжи, взял их под мышку. И мои кисы-торбаза действительно зачмокали под снегом по воде. Это очередная моя оплошность. Вода быстро просочилась в обувь, и носки стали сырыми. Пришлось снова надеть лыжи.

А снег повалил, как из мешка, таким сплошняком, что в двух шагах ничего не рассмотреть. Подсчитываю – прошел уже более половины пути. В голове – одна лишь мысль: давай, давай, иначе несдобровать...

Отдыхать, честно говоря, не привык. Все последние дни, проверяя капканы, по путикам я пробегал на лыжах по 30-40 километров. И ничуть не уставал. Удивляя Димку, хлипка, он-то и половины моей работы не делал, даром что из деревни. Пить надо меньше: даже в тайгу взял три бутылки водки, козел, а продуктов – всего мешок сухарей да капуста. Я набрал масла и сала, колбасы и сыра. Едим-то с общего стола. Ну, конечно, я не курю и не пью. Запросто Иртыш дважды подряд переплывал без отдыха...

Так за размышлениями о Димке и о себе я протопал еще несколько километров. Вот-вот должен показаться долгожданный мыс соснового бора. А ветер схолодал. На левом боку у меня в штормовке – маленькая дырочка. Напоролся где-то на сучок несколько дней назад. Туда проникает ветер с такой силой, что вначале леденило, а теперь появилась режущая боль. Что делать? Остановился. Несмотря на холод захотелось пить. Похватал снегу. Почувствовал голод. Достал четыре сухаря, два – себе, два – Кучуму. Пес, раздавив клыками сухари, долго и тщательно собирает крошки в рыхлом снегу.

А левый бок у меня еще пуще болит, мерзнет. И тут меня осенило. Достая из рюкзака шкурки двух соболей, толкаю их под куртку. Поплотней застегиваюсь. Сразу стало тепло. Давно бы так.

После маленькой передышки пошел сначала быстрее, легче. Но вскоре снова навалилась усталость, и появилось какое-то безразличие. Отсыревшие кисы заледенели, сверху, за отвороты, тоже попал снег. Чувствую: явно сдаю, одолевает сонливость. Снова хочется пить – хватаю снег горстями, хотя знаю, что этого делать нельзя, а надо бы вскипятить чай. Собака следует позади меня, по лыжне. Пробовала выбегать сбоку, не получилось. В глубоком снегу она проваливается, а короткие лапы не достают до земли. Дергается, елозит – и опять выбирается на мой лыжный след.

А мыса справа нет и нет, хотя, по всем расчетам, давно пора бы ему быть. Что-то не так. В душу проник неведомый доселе страх. Обессиленный, прилег на снег отдохнуть, хочется заснуть. Но твердо знаю: этого ни в коем случае делать нельзя.

Кучум прополз по глубокому снегу к моему лицу, несколько раз лизнул в щеки. Я сразу с трудом (опереться-то не на что) поднялся, пошагал дальше. И все думаю: «Когда же появится этот проклятый сосновый бор?..».

Голова – тяжелая, как чугунная. Во рту – пересохло. Разгреб снег, сорвал с кочки несколько клюковик. Пожевал. Вроде посвежело.

Только двинулся дальше – увидел черноту. Как же так?! Это сосновый бор клином слева наступает на болото. Но мне-то нужен лес справа. Кучум, стараясь выпрыгнуть из снега, короткими скачками удаляется к крайним деревьям и начинает громко лаять. Делаю несколько шагов в его направлении и вижу: на нижней ветке сосны пристроился громадный глухарь. Он цокает, слегка прихлопывая крыльями. Явно сердится на лающую собаку. С большим трудом замерзшими руками достая из-за плеча тозовку. Целюсь. Стреляю. Глухарь тяжело обрывается в снег. Подхожу, кладу его в рюкзак – тянет на десять-двенадцать килограммов.

Как замерзли руки!.. Пробую согреть их дыханием. Но, кажется, и выдох мой уже холодный. А сам все размышляю: «Как это отклонился влево так далеко?» Четко помню с прошлых лет что этот косяк леса выступал как раз напротив нужного мне мыса, что с правой стороны. Расстояние между ними – километра три. Небольшое, конечно, однако мне, вконец обессиленному, страшно далеко.. Ну, а влево я забурил из-за ветра, постепенно менявшего свое направление.

Встаю спиной к ветру и двигаюсь прямо в снежную глубь, пересекая болото. Ветер строго дует в затылок. Прошел немного, оглянулся. Мой след обозначился перпендикулярно кромке. Теперь не заплутаю. Недалеко до мыса, за полчаса ветер меня не подведет. Надо только не останавливаться, не отдыхать.

Медленно, шаг за шагом продвигаюсь сквозь мутную белизну. Пурга явно стихает, снег на лыжи не липнет. Но вот незадача – замерзший глухарь в рюкзаке камнем давит на плечи. Наверное, сейчас время позднее, раз глухаря застал на дереве. Да и метель обычно стихает к вечеру. Как мучительно долго тянется переход. Вечность. Целую вечность!..

Глаза слезятся, протираю их ладонью. Да, конечно, это уже чернеет мой сосновый бор. Наконец-то! Каких-то двести метров пройти. Мой спасительный мыс. Спешу, спотыкаюсь, падаю, встаю... И так – несколько раз, пока не подошел в упор. Вот она, знакомая сосна, с двумя зачесами и мелкими зарубками.

Сил прибавилось. Спешу по чуть заметной просеке вовнутрь бора. Даже Кучум, чувствуя конец перехода, то и дело пытается выпрыгнуть вперед, и каждый раз возвращается на мой след. Тяжело ему. А мне каково?

Этот чертов глухарь тяжело давит и леденит плечи. И на кой он мне хрен? Выбросить его из рюкзака. Да вот руки не могу поднять – такая усталость, безразличие. Вот тут бы упал сейчас же в снег – и замер.

С трудом перебарываю себя и толкаю ноги вперед. Хорошо, хоть лыжи в лесу проваливаются меньше, чем на болоте. Вокруг становится темнее и темнее. Но что это? Метрах в ста в

стороне раздаётся волчий вой. Такой долгий, тягучий и тоскливый. Через несколько минут повторяется. Теперь – гнусавый, жуткий, с подвизгиванием. Чувя опасность, Кучум рычит, поднимает шерсть дыбом.

И вот – маленькая радость: на небольшой поляне стоит стог сена, обнесенный изгородью. От этой поляны до дома охотника – километра четыре. Подхожу к изгороди, облакачиваюсь, расслабляюсь. Силы окончательно, разом покинули измученное тело. И надо же, изгородь не выдерживает моего веса, трещит, ломается. Я трупом сваливаюсь в небольшой сугроб, зарываюсь в него с головой.

Лежу и думаю: как приятно, тепло. Отдохнуть бы так минут с десяток. В голове возникают какие-то голоса, слышится женский ласковый говор. «Наверное, я уже пришел, это бабка охотника о чем-то меня спрашивает...».

Сознание отключилось полностью. Так сладко невесомому телу. Весь я куда-то плыву, плыву. Смутно различаю: кто-то тычется в лицо. Это Кучум. Он не просто лижет мои щеки, а сильно и больно толкается влажным носом. Очухиваюсь. Чего же это я делаю? Вставать, вставать как можно быстрее! Руки проваливаются в сугроб. Посошок я где-то выронил. Ворочаюсь, с плеча соскочила винтовка – опираясь на нее, встаю.

И снова, уже близко – волчий вой. Кучум яростно лает и бросается вперед. В полутьме, на просеке мгновенно мелькнула тень – большая, зловещая.

Осматриваюсь, шагаю. Быстрее, быстрее. Чую подсознательно: обстановка – хуже некуда. Прохожу сто метров, двести... Километр...

Что это за огни впереди? Сотня огней! Как в деревне. Но деревни-то здесь давно нет. Мотаю башкой. Огни исчезают. А вот небо прояснело. Вызвездило. К холоду. Прошел немного, в глазах – снова рой огней. И опять трясую головой: огней словно и не было...

Как во сне, тихая снежная просека ведет меня дальше и дальше. И вновь вокруг – огни. Теперь-то я понимаю: это – галлюцинации. Тру виски руками и прогоняю мираж.

С трудом переступая, поминутно возвращая себя из забытья, наконец, уперся носом в бревенчатую стенку. Из-под навеса залаяла собака, Кучум незлобно огрызнулся. Вхожу в сенцы, поднимаюсь по ступенькам. Фонарик мой почти не светит – батарейки сели. Или оступаюсь, или поскользнулись заледеневшие кисы, только я загремел с крыльца на пол. Через приоткрытую дверь слышу бабкин голос:

– Дед, иди глянь – не медведь ли торкается?..

Что дальше – не помню. Спал более суток без просыпа. Выпил несколько душисто заваренных чайников. На второй день одыбался. Старый охотник, трясая реденькой рыжей бородой над моей кроватью, дымя самосадам, приговаривал:

– Ничо, паря. Всяко бывает... На то она и тайга...

ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ

Нас – трое. Наш путь лежит по глубоким снегам через Урнинское болото. От речки Тягус до Тевриза – двести пятьдесят километров. Выходим из охотничьей избушки в четыре ночи, подсвечивая фонариками, добираемся до выступа соснового бора, что у кромки болотистого рьяма. В темноте точно находим нужное место, пьем чай. Первые проблески рассвета. И сразу – вперед.

Признаться, это же каторга: идти по поясу в снегу, переправляться через речки, лезть через заломы. За день болото не пройти, на ночь вместе с собаками надо зарываться в снег. Костерок – крохотный. Наломашь веточек-вершинок, лишь бы чай вскипятить. И прижавшись друг к другу, терпишь холод до утра.

У нас – шесть собак. Три – мои, две – Валеркины, а одну подсунил мне знакомый: «Возьми в тайгу, пусть с твоими побегаёт, поучится...» Взять-то не проблема. Но и ответственность возникает: потеряется вдруг или кто застрелит – хозяин подумает: «Продал...». Знаю эти номера.

Только вышли на болото – видим крупный свежий след соболя. Собаки умчались по кромке бора. Валерка еле докричался до них. Стоим, смотрим. Далеко-далеко впереди – вершины, этакой тонкой полоской. Это – Малые Урны, мы туда не идем. Если показать по карте: здесь – Малая Урна, здесь – Кедровая речка, она – побольше. Дальше – стенка. Черная, еле заметная, Неопытный сразу не поймет. Мы обычно прем мимо-мимо. Нам – вот сюда, левее, где Большая

Урна. Мы будем все идти и идти по болоту. Надо выйти на западный профиль, и по нему – прямо в стенку Урны...

Много раз бывал я здесь, Валерка Сысолятин тоже места эти исходил. А вот третий наш компаньон, Николай Васильевич, – совсем далекий от охоты человек. Флегматичный, слишком полный и медленный – ему все до лампочки. Она наверняка первый и последний раз в тайге.

Вышли мы на болото рано, перли почти без отдыха целый день, а пройти его не удалось. Ветрина – ужасный, пробирает насквозь. Свечерело, делаем привал на ночевку: копаем ямки в снегу, ставим бортики от ветра, разжигаем костер, готовим чай. Холодрыга – ужасная. Еле дождался рассвета. Утром мы договариваемся с Валеркой идти на Урну. Собаки – голодные, самим есть нечего. По перемене с ним, топчем целик, прокладывая лыжню. Николай Васильевич неприспособленный выполнять этот каторжный труд, тащится сзади, по готовой лыжне. Чужеспинник. А как уговаривал меня, чтобы я взял его с собой, обещал делать любую работу. За всю охоту он ни разу не развел костра, не приготовил ужин. Придет в избушку, упадет на нары и заявляет: «Устал, ничего делать не могу...». Нахал да и только.

Вот и сейчас. Я – впереди, Валерка – за мной, за ним бегут собаки, и последним – чужеспинник. Он то и дело кричит на собак, иногда и пнет какую-нибудь. Они ему, видите ли, мешают. «Ну, выродок какой-то...» – зло думаю я про себя.

Идем долго, без отдыха. Силы у всех – на пределе. Голодные, озябли. Но вот, в кедраче – избушка. Зимовье крохотное, в нем – ни продуктов, ни дров. Насобирали валежин, затопили печь. Согрелись. У меня в рюкзаке – небольшое НЗ, выдаю каждому по сухарику. Пьем чай...

– Пойдем на Обитово, так прямее, – предлагает Валерка.

Я соглашаюсь – и зря. Только вышли, в такие ломи забурились – не пролезешь. Сняли лыжи и продираемся сквозь нагромождение сушняка. Вышли в пихтач – из-под ног вырвалась стайка рябчиков, мелькнула и скрылась.

– Нет, чтобы сесть на деревья – был бы у нас обед, – недовольно ворчит неутомимый Валерка, пробивая лыжню.

Дошли до балка-вагончика. Он без окон, со сломанной дверью. Вошли внутрь, разожгли костер. Я выдал всем еще по одному сухарику. Собакам сварил похлебку с крошками. Чай пьем без сахара. Отдыхаем. Молчим. Гляжу на Николая Васильевича: это по его вине сломалась рация, и мы оказались без вертолета; по его вине сгорела наша базовая избушка, а с ней – продукты и одежда. Пожар случился 21 ноября. Я и Валерка ушли утром проверять капканы, а этот увальень еще спал. Продрав глаза, затопил жестянку и поперся тоже осматривать свои капканы. Он их ставил рядом с зимовьем. У печки – дверца плохая, угли высыпались постоянно – за ней глаз да глаз нужен. Дрова, положенные для просушки возле печки, видать, и загорелись. А стена – рядом, в пазах ее – сухой мох, который вспыхнул, как порох. Правда, Николай Васильевич находился поблизости. Увидел дым – прибежал. Вынес сразу из огня три связки шкурок и мое дорогое ружье. Но второй раз войти не смог. Уже полыхала вся избушка. Лабаз с продуктами, стоявший поблизости, тоже сгорел.

Рация в первые дни работала, хотя и потрескивая. Он заявил, что эту технику знает, как своих пять пальцев. И принялся за ремонт. Разобрал и с трудом собрал. Остались лишние запчасти. Повторил разборку-сборку. И опять – без толку, молчок. Вот и она сгнула в огне.

Итог: без рации нет вертолета; без продуктов и одежды мы не могли продолжать охотиться и оставаться дальше в тайге. Потому-то налегке срочно выходим с промысла. Голодные, холодные, с полупустыми рюкзаками. Даже подстрелить тетерева или глухаря за последние дни никому не удалось.

– Чего задумался, Михалыч? – подтолкнул меня не унывающий никогда Валерка. -Мечтаешь, как бы поскорей добраться до избы Макарыча и наесться горячей картошки?

– Отгадал, – отвечаю я. – так оно и будет. Вы здесь собирайтесь, прикройте балок, чтобы какая-нибудь собака у костра не осталась, а я побежал тропить лыжню. Догоняйте...

С этими словами поднимаюсь, выхожу, цепляю лыжи и начинаю бить целину. Медленно-медленно за мною потянулась лыжная полоска. Вхожу в ельник и вижу десятки следов всевозможных зверей и птиц. «Чего это они здесь собирались?» – думаю, приглядываясь к кустам. И вижу под валежиной притаившегося зайца. А тозовку-то оставил Валерке. Надо же, рядом добыча – и не возьмешь. Оглянулся – попутчики тянутся следом. Собаки залаяли – заяц не выдержал, выскочил и метанул куда подальше.

Вечереть стало. Дошли до Обитова, впереди – увал, за ним – избушка. Но надо сначала обойти плотные заломы из поваленных деревьев. Валерка, подтянутый и суховатый, зашебутился.

-Михалыч, вон старый путик, давай по нему обойдем завал слева.

Так и делаем. Валерка – впереди, я – за ним. И пошли, и пошли. Все влево и влево. Кругаля даем. Бац!.. Выходим на свой же след. Валерка, изображая удивление, протягивает:

– Смотри-ка, здесь лыжня свежая, кто-то уже проходил...

Я не вытерпел:

– Сейчас как дам тебе кулаком по глазу, так будешь видеть, чьи это следы.

Постояли, посмеялись. Я снова встал во главе. Спустились в ломи, взяли лыжи под мышку. Еле продрались сквозь чащобу и поднялись на увал. В избушке нам повезло: в одной сумочке на полке нашли с килограмм крошек от сухарей. Вскипятили воды, насыпали крошек, накрыли котелок. Эх, и напарилась же каша. Разлили по чашкам. Едим молча, неторопливо. Руки дрожат, ложки стучат по зубам. Такая вкуснота. Попили чайку, огляделись.

Крыша у избушки по центру дырявая, прямо на нары падал снег, подтаял, потом снова застыл, превратившись в лед. Валерка срубил его топориком, пока я готовил кашу. Снова кипячу похлебку из остатка крошек для собак, а Николай Васильевич уже успел упасть на нары и захрапеть. Валерка выматерился:

– Ну, и трутень. Выхватил кровать, а нам с тобой – на полу. Как всегда...

Переспали. Выхожу за дверь. Выпал небольшой снежок. Собаки вскочили, открыли пасти, зевают, крутят голодными языками. А Ласки, чужой собаки, нет. Вечером-то я и не рассмотрел в темноте. Вхожу в избушку, ярость накапает в груди, сжимаются кулаки. Спрашиваю:

– А где Ласка, кто последний выходил из балка? Я же просил его закрыть...

Валерка отрицательно мотает головой: «Не я...». Николай Васильевич сознается:

– Я выходил последним. Закрыл ли – не помню. А Ласка – хрен ее знает где.

Чувствую, не договаривает он чего-то. Я – злой, готов его пришибить чем-нибудь. «Ну, вредитель какой-то и только: сжег избушку, оставил нас без вертолета, а теперь вот и собаку потерял...». Выругался я крепко, не стерпел, плюнул в его сторону.

Валерке говорю:

– До избы Макарыча 21 километр, это большая деревня Пролетарка. Если по прямой пойдете, намного короче. Вечером будете там. Я вернусь за собакой. Если вас не догоню, не ждите. Встретимся в Тевризе.

С этими словами отдаю ему тозовку. Она на троих одна. Мне бежать обратно – только лишняя тяжесть. Достаяю НЗ: кусочек сала и пакетик супа. Валерка – категорично:

– Ты чего это? Мы вечером будем ужинать у Макарыча. Оставь себе.

Кладу кусочек сала обратно в рюкзак, а пакетиком накрываю на печке сверху чайник, вместо крышки. Жалко оставшуюся заварку. Зову с собой Кучума, цыкаю на остальных собак и качу на лыжах обратно к балку. Ласка, наверное, осталась там. Десять километров ходу, лыжня накатистая – и через час с небольшим я у цели. И точно. Внутри, у костра – ночная лежка Ласки. Ей было тепло, она и осталась. Но утром почему-то не пошла по нашему следу, а повернула назад, в избушку. Это еще 15 километров.

Передохнул. Делать нечего. Зло сплюнув, побежал туда. Не люблю отступать от задуманного. Да и собаку жалко. Качусь, а следов по свежей пороше – уйма: и соболя, и норки, и колонка. Ветерок подул, с сосен и пихт посыпался куржак, припорошивая следы. Осталось с полкилометра. Вот и ручей. Глубокий, не замерзший; сильных морозов ведь и не было. Сосна – поперек, наш мостик. Перехожу, тороплюсь. Лыжи – под мышкой, рукам неудобно держаться за ветки. Одна обломилась, я потерял равновесие, упал.

И надо же: правая нога, попав между двумя толстыми сучьями, пошла на излом. Резкая боль – аж в глазах потемнело. Ухватившись руками за ствол, подтянулся, освободил ногу. Как верхом на лошади, передвигаюсь по дереву. Слез на землю, стою на левой ноге. Правое колено горит огнем. Потрогал рукой: вроде бы чашечка на месте, вывиха нет. Наверное, разрыв связок.

Осторожно переступая, подобрал у ручья брошенные лыжи, достал топорик. Вырубил два аккуратных посошка. И, как на лыжных палках, пошел, стараясь не загружать больную ногу. В

конце шага грудью наваливаюсь на палки. Доковылял до избушки. У порога (дверь – открытая) меня встречает радостная Ласка. Сразу же разворачиваюсь и без передышки – обратно. Таким медленным шагом...

Сначала боль вроде небольшая. Но оступись раз, другой – и невтерпех. Останавливаюсь, пережидаю, пока успокоится колено, – и дальше. Сплошные муки. Вышел я в полдень, а пришел в балок в час ночи. Зажег печку, насобирал на полке по углам хлебных крошек и сварил с салом суп. Покормил и собак. Ночь показалась чересчур длинной. Холодрыга – окон-то нет. На ладонях от палок и чрезмерной нагрузки – кровавые мозоли. Стерты и плечи.

Несколько раз за ночь топил печь. Утром попил чайку. Перед тем, как выходить за порог, пощупал колено. Боли особой нет, но оно чудовищно распухло. Даже страшно стало. Залез в штанину рукой, а там, вокруг колена, – большое водянистое месиво, обтянутое кожей. Поникший духом, осторожно вылез, надел лыжи и поковылял, передыхая время от времени. Прошел километра два – как вдруг, рядом с лыжней, взлетел глухарь, аж снег взвихрился следом.. Сел он на сосну метрах в тридцати от меня. Вот фокус-то. Тозовка висела за плечами целую неделю – и не попало ни одной дичины. А здесь – безоружный. В рюкзаке пусто, жевнуть нечего.

Остальные восемь километров тащился до вечера. Шел и все думал о пакетике супа, оставленном на чайнике. Съели его мыши или нет? А голод к вечеру навалился ужасный. Результат почти двухнедельного недоедания (последние дни совсем впроголодь). Иду и досаду на себя: зачем было оставлять пакетик на чайнике, лежал бы себе целехонек в рюкзаке. Я собирался вернуться к вечеру, а миновало два дня. Думать о чем-нибудь другом я уже не мог. Ах, пакетик, пакетик...

Дошел до избушки в сумерках. Как хорошо, когда на пути есть зимовье. И отогреться, и отоспиться. Захожу, а пакетик супа на чайнике – целехонек. Вот удача, вот радость-то! Быстро затопил печь, в кипятки всыпал осторожно содержимое пакетика, распарил. Себе налил погуще, собакам развел пожиже. Неторопливо ем, как Богу молюсь. Смакую каждую ложечку, боясь расплескать содержимое. От усталости руки трясутся. Поев, еще раз натопил печь докрасна, аж уши завяли. И заснул мертвецким сном.

Проснулся рано с единственной заботой: как преодолеть 21 километр до Макарыча. Ночевать в лесу, у костра – не очень желательно. А дня и вечера на переход не хватит. Растер колено. Опухоль немного спала, боль не простреливает. Настраиваюсь на трудный путь. Так оно и получилось. Хорошо, что не напало снега. Лыжня, оставленная Валеркой, подмерзла и держала отменно. Приплелся я в бывшую Пролетарку в два часа ночи.

Несмотря на позднюю ночь, радушный дед Макарыч встретил ласково. Бабка приготовила ужин, потом долго охала, ахала над моим коленом. На ночь наложила на опухоль какой-то мази, замотала тряпками. Я забрался на печку.

За два дня я отлежался, восстановился. Колено не болело. На третий день поплелся на Бородинку. И тут повезло: меня подобрал трактор, тащивший волоком бревна.

В Бородинке до этого случалось бывать много раз. Так что я знал дорогу в столовую. А денег в кармане – 26 копеек. И на них мне отвалили тарелку борща с мясом и горку хлеба. Не верилось даже. Наелся, как царь, Одна из поварих, молоденькая, рыжеватая, подошла, расспросила, отчего я такой заросший и исцарапанный. И пригласила к себе домой ночевать. Я рассмеялся и отказался. Принял ее предложение за шутку.

Рядом со столовой располагалась котельная автохозяйства. Пришел туда, забрался на мягкие резиновые шланги, ноги вытянул к печке и такого дал храпака, что к утру даже приснилась та самая повариха.

Рано утром на попутке выехал на Тевриз. Прихожу к Валерке, а собаки мои у него. Я-то просил Николая Васильевича, когда за ним придет машина из Омска, чтобы он меня дождался или хотя бы забрал моих собак. А он один сел в восьмиместный «пазик», и даже собак не взял. Вот тварь, нахалюга, хуже не придумаешь. Столько бед от него в тайге натерпелись, и в конце – черная неблагодарность...

Такие люди – случайные на охотничьей тропе. С настоящим охотником, пешком на лыжах, я готов идти хоть до Салехарда и дальше. Опаснее одному, но, если по-умному, тоже не страшно. Нужен просто опыт. Вот в тот, первый раз, когда я один чуть не замерз, сам во всем виноват. Надо было обязательно взять компас, а когда очень устал, в том месте, где я

подстрелил глухаря, срочно развести костер. Отрезать, скажем, лапы, отеребить и сварить. Поесть, попить чаю и как следует отдохнуть у костра. Восстановил бы силы и уверенно пошел дальше. Если б нужда приспичила, можно было и у стога разжечь костер. А так – выматывать себя до смертельной усталости – нельзя. Такое делает только новичок.

БОЛЕЗНЬ НЕ ЩАДИТ И СИЛЬНЫХ

Для меня 1978 год был самым удачным. Добыл соболей около трех планов. А вот в следующий сезон – невезуха. Мне тогда шел сороковой год. Считаю, охотник в самом расцвете сил: и опыт, и сноровка, и здоровье отменное.

Прилетели вдвоем с опозданием. Попутного вертолета не было, а нанимать спецрейс – дорого. Взял с собой сына старейшего охотника, жившего когда-то и промышлявшего на притоках Туя. Леха хоть и рос с отцом, а охотник из него никудышный. Слеповатый, очкарик, доходяга, сопляк. Черноватый, круглолицый. Помесь ханты с манси. По-русски толком говорить не может. Не окончил ни единого класса школы. Ни бельмеса не понимает в жизни. Упрашивал меня здорово.

– Хочу в родную тайгу, надоело колотиться в городе. Буду тебе готовить обед, шкурки обработаю, рыбы наловлю, ягод, орехов насобираю.

Я согласился. В тот же день, как прилетели, я вечером двух оленей завалил. Все-таки четырех собак кормить, да и самим жрать надо. Мясо с уксусом замочили, наварили аж гору. Жуем, чай распиваем. Леха долдонит:

– А я, Михалыч, давеча неподалеку след соболя видел. Через ельник следок, по кочкарке на болотину, потом с валежины на валежину. Тут и пропал след. Глянул на ель: огромная, кухта с нее вокруг поосыпалась. Значит соболю пошел по верхам, видать, рябчиков и белочек промышлять. След-то ба-а-льшой. Матерый зверек, завтра покажу...

Слушаю Леху и думаю: «Пусть и хреновый охотник, а тайгу знает и любит. С ним – веселее».

На второй день с утра – легкий морозец. Тайга вся белоснежная, в инее. На снегу всевозможные следы: вот соболю промчался, там наследил зайчонок, здесь топтался и взлетел глухарь, а тут – колонок. Смотрю, и душа радуется. Расставляем по путику капканы, и у обоих расстройство желудка. Наверняка объелись оленины. Возле каждого куста приспускаем штаны.

Прошло несколько дней. Я хожу по путикам, проверяю капканы, Леха рыбачит рядом с избушкой на небольшой речке, похожей на ручей. Сегодня я принес двух соболей и белку. Снова наварили оленины. Не спеша распиваем чай. Я по обыкновению слушаю очередной рассказ Лехи.

– Утресь подошел к речке, след норки свежий. У нас с отцом заимка стояла у такой же протоки. Как сейчас, вижу родные места: молодой кедрач синий-синий. Дальше – темная, густая таежка, еловые отъемы вниз по увалу. Все рядом, под боком. Отец плашки ставит от порога и по кольцу путика. Через четыре зимовья два дня ходки. У отца двести плашек да всякие кулемки на норку, выдру, зайца, колонка. Шкурок дома на нарах – целая гора. Спал на них.

Слушаю Леху и улыбаюсь...

Каждое утро тайга выглядит по-иному. Сегодня пасмурно, сыро – тайга мрачная, особенно угрюм ельник. Следов соболя не видать. Да и вообще его нынче мало. На орехи нет урожая. Бескормица. Соболю, как бывало не раз, перешел в другие места. А после оленины – опять резь в кишках.

Весь ноябрь – одно и то же: плохая охота, расстройство желудка. Может, инфекцию где подхватили, а может, олени заразные. Как знать?..

Надо готовиться домой. Рация барахлит, разговоры соседей-охотников ловим, а нас им не слышно. Что-то случилось с микрофоном. Покопался отверткой, постукал – бесполезно. С вертолетом на обратный рейс сразу не договорились, а теперь без рации даже с соседями не потолкуешь, как выбираться из тайги. Пошел декабрь, первая неделя пролетела быстро. Проверяем днем капканы, вечером готовимся к выходу из тайги. И, как назло, воспалились почки. Несколько ночей не сплю, по нужде сходить – проблема. Может, тоже – от оленины?

Вот и сегодня кручусь от боли. Сел голый поясницей поближе к раскаленной печке – чуть легче. Леха талдычит:

– Михалыч, спина-то горит, аж шкварки отскакивают...

Я злюсь и говорю ему.

– Сгонял бы ты лучше к Сашке-соседу, может, с ним улетим. Время-то уходит.

Леха неудобно, он морщится, жалостно смотрит мне в глаза и принимается канючить:

– Михалыч, я бы пошел к соседу, да боюсь, что его не найду. И даже признаюсь: не в этом дело. Просто сорок километров в один конец, сорок – обратно, я не осилю.

И начал мне буравить свои длинные побасенки:

– Как-то отец мне, еще пацану, подарил новую понягу, мягкие ичиги, вручил старенькую берданку. Собачка у меня была Найда. С утра – в тайгу. Полюбил пахучесть ельников, горьковатый привкус сосновой коры... Нравилось, как шуршит под ногами заиндевевшая сухая трава, как алеет навстречу темная брусничная поляна, как ноги беззвучно погружаются в мох. На душе – радость. Да вот беда: сердце каждый раз покалывало при беге, щемило при тяжелой работе. Приду – расскажу матери. Та гоношится: блинчики мне с маслицем, варенье, медок... Потом вмешался отец, повез меня в Тару до врачей. Те определили: врожденный порок сердца, что-то там с митральным клапаном. Я до сих пор не знаю, что это за штуковина. Врачи предупредили: любая чрезмерная нагрузка и – каюк, можно сковырнуться в могилу...

Рассказывает Леха, а я зло думаю: «Да, на вид-то ясно, что ты – недоносок». А сам говорю вслух.

– Леха, мы с тобой оба сейчас дефектные, дистрофики. А домой-то выбираться все равно надо...

Утром проснулись, и я решительно заявил:

– Вставай, у меня страшные боли в почках, сейчас же идем вместе к Сашке-соседу. Я с ним однажды уже улетал из тайги, он еще приглашал в гости. Восемьдесят километров – порядочно, может, «клин клином» болезнь из почек выбью.

Сказано – сделано. До обеда вышли с базовой избушки, легко по путикам прокатились за 25 километров до крайнего зимовья. Переночевали. Следующие 15 километров – очень трудные, без лыжни, по целине. Вечером, уже в темноте, подошли к путику соседа. Встали на готовую лыжню, и вдруг прямо на нас вышел лось. Здоровенный рогач. С первого же выстрела его свалил. А стемнело окончательно. Быстро обдираю добычу, рублю на части. Холодно. Мясо моментально застывает. Мороз – градусов за тридцать. Где-то по ходу к избушке, через километр, у Сашки – вертолетная площадка. Взяли с собой по лосиной ноге. Я – заднюю, тяжелую, а Леха – переднюю, полегче.

– Остальное с Сашкой перетащим завтра утром, – сказал я и пошел вперед, подсвечивая фонариком.

Мясо настолько замерзло, что у меня от холода заломило плечи. Леха кусок свой бросил сразу: «Не могу, сердце не выдерживает», – выдохнул он. Я же тащил до самой площадки.

Пришли в избушку. Дверь открыта, внутри пусто. Сашка уже улетел. Затапили печку, у меня такой открылся кашель – колотит всего. Вспотел, взмок. «Все, остыл, бронхи», – мелькнула болезненная мысль. Выпил несколько кружек горячего чая и заснул.

Утром пошли назад. К вечеру были в своей крайней зимовке. Устали. Зашли, сели – и вставать не хочется. Это я-то старый осел, сижу потный и остываю, жестянку не затопил. Продрог, спохватился, но поздно. Натопили избушку, а меня всего сотрясает кашель. Тошнит, морозит. И плюс еще боль в почках. Во дурак – дожил...

Утром с воспаленной головой долго не встаю. Ворочаюсь, но надо топить печку. Сварили кусок лосятины, попили чаю. И потихоньку потопали. Лешка, обычно хныкающий, глядя на меня, больного, молчит, сопит. Затем старается сказать мне что-нибудь ободряющее.

– Смотри, Михалыч, вон птицам – ни забот, ни горюшка. Какие у сойки лазоревые перышки, а как синицы тенькают. Погода потеплеет...

К вечеру добираемся до базовой избушки. Еще раз настраиваю рацию. Тишина, и соседей не слышать. Прилег, всего лихорадит. От болей в почках, от надрывного кашля – сердце болезненно ноет, чувствуются в нем какие-то перебои. «Ну, влип, – думаю. – Что делать? Надо на что-то решаться...»

Наутро, до рассвета, поднимаю Леху, стараюсь говорить уверенно, бодро:

– Идем сейчас к Ваське, на Демьянку. Может, он еще на месте. Другого выхода нет...

Через 25 километров, к ночи кое-как добрались до избушки Василия. Она открыта – в порог воткнул топор. Значит, хозяин покинул тайгу.

Зажгли печь. На полке я нашел полведра сухарей. Забираем их. Хлеб-то у нас кончился. Пишу о том хозяину записку и кладу в пустое ведро.

Уже конец декабря. Утром больные направляемся в свою избушку. Сердце покалывает. Организм, в предчувствии огромной опасности, на пределе. Напарник мой еле-еле телепается сзади. Мы с Лехой, видать, остались единственными в этом огромном море лесов.

Даже собаки начали поскуливать и путаться под ногами. Словно наш страх перед неизвестностью передался и им. А сердце у меня готово выскочить из груди – болит нестерпимо впервые за всю жизнь.

Пришли к себе в избушку. Натопили как следует. Оленину не варим, надоело от нее бегать по кустам. Да и аппетита нет. Пьем чай – и тот без сахара. Два дня остается до встречи Нового года. Доедаем сухари, а что будет дальше?..

В невеселом раздумье пролежали два дня. Молчим, дремлем. Два сердечника, тот и другой держатся за грудь. Да, нам с Лехой своим ходом пройти 260 километров до Тевриза не под силу, нечего и думать. Надо ждать на месте, а вдруг кто придет на помощь?

Вспомнил, что на полке есть давний запас валидола, брал когда-то для одного спутника. Теперь пригодился и самому. Положил под язык – полегчало. Говорю Лехе.

– Есть нечего, сходи по путику, может, пару рябчиков или тетерева подстрелишь. Отметим встречу Нового года...

Леха встал, вышел. Вернулся поздно, в руках – пусто.

Этим вечером долго не спали. Все-таки Новый год. Сварили две последние пачки киселя. Праздничный ужин. Вышли за порог, в тайге тихо-тихо, белым-бело. Снежок мягкий, редкий – медленно кружится. Касается лба, освежает щеки. Взяли мы ружья и сделали салют – два дуплета. Даже боли вроде утихли...

Минуло три дня: 1, 2, 3 января. Слабость в теле невероятная. В голове невеселые мысли. То загудит громким басом нудный комар, то в воспаленных глазах забрезжит река, то в ушах зазвенит сосновый бор. Всякая, разная чушь...

А вот из памяти приятное: жаркое солнце, я на даче с женой, поливаю себя холодной водой из шланга...

Чего только ни возникает в воспаленных мозгах. Страшно закрыть глаза...

Кашель у меня почти прошел, но опухли губы и нос. С утра подбираем по углам последние крошки и варим похлебку. Так проходят 4 и 5 января. Нечего есть и пить, кончилась заварка. Осталась оленина, но при одном ее виде тошнит до рвоты. Варим ее собакам.

На пятый день нашего бездеянья Леха предлагает:

– Михалыч, ну чего мы лежим? Пойдем своим ходом. До какой-нибудь деревни, может, доберемся, или охотник какой, еще не вышедший из тайги, попадется...

– Нет, Леха, у меня шибко болит сердце. От перенапряжения лопнет – и хана. Да и ты не лучше. Будем ждать здесь, нас должны искать.

– Кто нас будет искать? Уж лучше умереть в пути, чем так лежать, околевать, как мухи...

Я смотрю сейчас на Леху уже другими глазами, одобряю. Зауважал наконец-то парня, а то про себя все над ним посмеивался...

С утра седьмого января тайга зашумела. Заскрипели деревья, засвистел ветер. Я вышел за порог, снег метнулся вихрем в лицо. Зябко поехался. «Да, занепогодило, теперь несколько дней будет метель, буранить», – пронеслась безрадостная мысль в моей давно отупевшей голове.

Постоял, посокрушался, зашел обратно. Лег на нары, накрывшись телогрейкой с головой. Задремал. Сколько прошло времени, не знаю. У дверей снаружи раздался резкий треск мотора. Я вскочил. В открывшуюся дверь ввалился в полушубке Виктор Червяковский, охотовед, мой давний приятель.

Обнялись. Поговорили. Не теряя времени, Виктор сел на свой «Буран» и умчался на речку Туй, на хутор, где была рация, чтобы вызвать вертолет.

А после обеда над нашей избушкой затрещала винтокрылая махина. Вокруг свист, пурга, в небе – сплошная муть. Летчик Виталий, из Новосибирского авиаотряда, мне знакомый – раньше прилетал сюда. Но как в такую спящую бурю найти зимовку? Это – подвиг. Ордена надо давать таким. Он летел сюда почти над самыми вершинами, рискуя за них зацепиться...

Из вертолета спустились врач и директор госпромхоза Смирнов. Доктор сделал мне укол, Смирнов накормил нас с Лехой из термоса горячим домашним борщом. И вертолет снова поднялся в мутное небо.

Через час приземлились в Таре. Меня отвезли в больницу, сделали пару уколов, расспросили о всех заболеваниях. Положили в одну комнату на кушетку. А дверь в кабинет закрыли неплотно, и я услышал, как пришедший инфекционный врач, узнав про оленину и расстройства желудка, категорично заявил:

– Это брюшной тиф, поместите его срочно в изолятор...

В приоткрытой двери мелькнуло его сердитое лицо. Я тут же соскочил с кушетки, натянул обувь и шмыгнул на улицу. Добрался до автовокзала, купил билет на Омск. Перед посадкой позвонил домой Смирнову, еще раз поблагодарил за спасение, объяснил ситуацию с врачом. Извинился за своеволие.

Приехав в Омск, на второй же день пошел и сдал в больнице анализы. Никакого брюшного тифа не обнаружилось...

На работе секретарша встретила меня охами и ахами.

– А нам несколько раз звонили, что вы замерзли в тайге, и вас ищут. Что скоро должны привезти труп.

– Кто это вам наплел?

– Анатолий Михайлович, не сердитесь, ведь звонили ваши друзья – а Болоцкий и Худов даже сказали, что купили венки, и хотели бы уточнить время похорон.

– Ладно. Если позвонят еще раз, передайте, что я их просил оставить эти венки для самих себя...

Секретарша улыбнулась и успокоилась...

Да, меня уже трижды собирались хоронить. Впервые – молодого, неопытного. Этот – второй случай. А третий раз – недавно, когда я чуть не погиб, выходя один на Васюган.

БЕЗРАССУДНАЯ СМЕЛОСТЬ

Вертолета в назначенное время нет, не прилетел. У нас, охотников, такой закон: два дня ждем и, не теряя времени, двигаем пехом. Сколько раз зарекался: «Не буду далеко забираться в тайгу». А сам на этот раз забурил аж в самую глушь, в отдаленный угол, на речку Егольях. Это у самой границы с Томской и Тюменской областями.

Со мной – Геннадий Тимофеевич, весельчак, балагур, омский поэт.

– Давай-ка сколачивать нарты, – говорю ему, – сбрую шить для собак, да пойдем на Новый Васюган. До него – 125 километров, а до Тевриза – все 280.

– Нет, Михалыч, считаю, лучше подождать вертолет. Может еще и прибудет. У меня – плохое здоровье, дважды уже был инфаркт: не дойду по такому глубокому снегу.

Я помолчал, раздумывая. Снега за последние дни выпали обильные, как по заказу. Но оставаться и ждать – глупость. Продукты почти все кончились. Хлеба – пять булок всего. С прищуром гляжу на напарника, стараюсь говорить помягче.

– Ты пойдешь за мной, по готовой лыжне. Это не трудно. Вспомни, ты, собираясь со мной сюда, обещал меня слушаться во всем. Заверил: «Знаю все...»

– Да, Михалыч, почти все. Знаю характерные приметы, как войти в тайгу, а вот как из нее выйти, не знаю, – посмеивается он в ответ.

– Вот выйдем из тайги, тогда и это узнаешь. А пока, на правах старшего, решаю я. Готовимся и выходим...

Два дня сколачиваем нарты, шьем сбрую для пяти собак. На третий, с утра пораньше, укладываемся и выходим. Отошли с километр, Геннадий о колодину ломает лыжу. Может, специально? Я хочу на месте отремонтировать, он настоял вернуться в зимовье. Мол, там у нас есть одна запасная лыжа. Хотя я и суеверный, но согласился с ним. Вернулись в избушку.

– Вот видишь, Михалыч, запасная короче, и поуже. На ней идти – замучаешься. Не сердись на меня. Я не пойду, буду ждать вертолет. А может, давай останемся вместе, обедать будем один раз в два дня. Смотришь, из дичи чего подстрелим...

Я вскипел и выпалил ему прямо в лицо.

– Ну, стихотворец, дуроплет, ты меня еще и учить будешь. Здесь просидеть можно всю зиму. А жрать один раз в два дня – так надо мной вся тайга гоготать станет...

Завелся, а зря. Раз человек не хочет, так его хоть убей. Бесполезно. Да и мой характер – не золото. Чего уж решу – назад не отступлю ни за что.

Набросал на нарты свою одежду, топор, пилу, тозовку. Из пяти булок хлеба взял себе две, три отдал ему.

– Вот тебе хлеб, – говорю зло, – оставляю свое дорогое ружье, можешь стрелять глухарей. И еще тебе – мешок с пушниной. Жди вертолет, я за тобой его обязательно пришлю. А вообще-то на прощанье скажу откровенно: ты – говно, пидарас. Так в тайге не поступают...

Запрягаю в нарты своих собак. Им втроем тащить нарты по свежему глубокому снегу будет очень тяжело. Но мое самолюбие – превыше всего. Конечно, в это есть большая доля безрассудства, а переиначить уже ничего не могу.

Ухожу, не оглянувшись. Вначале собаки легко трусили по старому следу, пока он не закончился. Потом по старому путику километр шли без отдыха. Но кончилась лыжня, вышли на целину – и собаки встали. Лапы их не достают до земли, они ложатся беспомощно в снег. Выхожу вперед, топчу лыжню, дергаю собак за поводок. С трудом, и все же они тянут по лыжне проклятую повозку, цепляющуюся за сучья и стволы. Нарты то застрянут на валежине, то перевернутся на кочке. Возвращаюсь назад, подправляю их и снова выхожу вперед – топтать след. И так – целый день, до тошноты. К вечеру забурился в такой болотистый рям – еле выбрался. Стемнело. Решил заночевать в ельнике. Долго готовлю дрова на всю ночь. В основном – ель, пихта. От них – сплошной дым над костром, хуже не придумать. Сильно разъедает глаза.

Всю ночь греюсь у огня, дремлю. Это – не сон, а слабое забытье. Но все же – отдых. Холодище где-то за тридцать. Заснуть страшно, вот почему в переходах не одному надо быть, а вдвоем: когда один спит – другой дежурит. А одному – дело дохлое. Муки одни. Надью делать или выстилать лапником ямы в снегу для ночевки – занятие глупое, для дураков. Охотник, если опытный, возьмет две сушнинны, сделает тески-лыски, нагреет на костре аж до накала – вот на них можно полчаса и поспать, если сделать из снега стеночку от ветра. Так что одному ночью – ни сна, ни хорошего отдыха толком нет.

На второй день после обеда я уже двигался за двадцать километров от нашей базовой избушки. И тут услышал шум мотора: его в тайге верст за пятьдесят различишь. Уходя, я наказал Геннадия: «Если в первые 2-3 дня покажется вертолет, я еще буду недалеко. Выйду на чистое место – и зажгу костер. Летчик обязательно увидит дым, только покажи ему направление, где я. И вы заберете меня».

Так и делаю: зажигаю костер на чистине, прислушиваюсь. Вертолет достиг моей избушки, присел, сбавил обороты: фыр-фыр-фыр. Через пять минут поднялся и направился строго на юг.

А как же я? Почему Геннадий не сказал пилоту обо мне? Тут всего-то пять минут – долететь до меня. Ругаюсь на чем свет стоит: «Ну, и сволочь ты, Геннадий. Да какое у тебя большое сердце? Его просто нет у тебя. Видел я не раз как ты по полведра водки выпивал. Сердечник сра...ый...».

Затих шум мотора, и я поплелся дальше. В пять вечера набрел на хороший сосновый бор с сушняком. В нем и остановился на ночевку. До двенадцати ночи рубил, пилил. Натаскал гору дров и к утру все спалил. Мороз покрепчал до сорока, лицо и руки обжигает у огня, а спина промерзает.

Рано поутру пускаюсь в путь. Собаки устали, поскуливают, тащат медленно. Я проваливаюсь по пояс, задыхаюсь от пота. Да, здоровье надо слоновье, чтобы двигаться так, одному. Вот вдвоем бы...

Снова ночевка, костер, дым. Впадаешь в забытье, пугливо просыпаешься. Стоит крепко заснуть и уже не проснешься никогда.

...Иду так же медленно и мучительно четвертый день. Морозец – за сорок. Воздух – синий и прозрачный между деревьев. Вековая тайга – в светлых пятнах берез и осин, вокруг тихо-тихо. А силы уже на исходе. С каждым днем наслаивается усталость.. Кончается хлеб. Вчера в ельнике спугнул табунок рябчиков. Они расселись по веткам. Сбил двух. Вечером сварил суп, наелся сам, покормил собак. Сегодня решил переночевать в кедраче, на ужин – ломтик хлеба и кружка чая. Собаки улеглись спать голодными...

Утром, на пятый день, справа показалась вдалеке речка Ягыльях, это в нее впадает мой приток Егольях. Между речками пошли увалы, на их склонах – кусты малинника и шиповника. Такие плотные. Пока лезешь наверх, лицо и руки исцарапаешь до крови. Где-то впереди две реки объединятся и потекут в Васюган. «Интересно, как здесь весной бывает», – размышляю я на ходу.

Вечером доел последний ломтик хлеба, чай пил без заварки. Настроение – аховское. Холодище далеко за сорок. Где-то посреди ночи, не вытерпев, я крепко заснул. Очнулся от озноба. Костер почти потух. Окоченел настолько, что пальцы не разгибаются. Долго тру ладонями лицо, пока не защипало щеки. Испугался, разжег всю костер и уже не дремал до самого утра. Руки и лицо отогрел, но кожа, сильно обмороженная, потрескалась и слегка кровоточит. Поспи я еще немного – превратился бы в снежную глыбину.

Утро шестого дня – самое безрадостное. Есть нечего, весь обморожен. Еле запряг собак. Передвигаюсь с частыми остановками для отдыха. Муки – целый день. Вечером, перед тем как встать на ночлег, вышел на свежий след соболя. Собаки взыграли, стали рваться на запах зверька. Я освободил их от упряжи, боясь что порвут. И они умчались по следу. А я стал готовить костер.

Собаки долго не возвращаются и где-то начали злобно лаять. Наверное, загнали соболя в коренья, и поджидают меня. И вижу: катит кубарем по снегу мой любимец Душман. Подбежал, жметя к ногам, скулит. Словно зовет куда-то. Чувствую, что-то неладно. Иду за ним. За ельничком нашел собак. Крутятся у наклоненной березки. Перед ними – сугроб, в нижней части его – небольшая дырочка, снег вокруг ее подтаял, покрылся куржаком. Вот в это отверстие и лают собаки. Мне сразу все ясно! Там медведь...

Недолго думая, ведь жрать-то все равно нечего, я вырубил кол, заострил и зашел с другой стороны березы. Если зверь выскочит из берлоги, мне сзади не опасно. Успею выстрелить. Да и собаки его отвлекут. И нет во мне ни грамма страха, настолько я устал и хочу есть. Да и собак силком не оттащишь уже от берлоги. Вошли в раж, рычат, идут приступом на зверя.

Опускаю кол в отверстие, тычу им в разные стороны. Ничего не пойму. Яма – неглубокая, странно как-то. А собаки еще больше взъерепенились, лезут в дыру. Стал я шурудить колом по углам и в одном месте наткнулся на что-то мягкое. Ага, значит, здесь. Вращаю кол, накручиваю на него шерсть (это делал я до этого не раз, чтобы разбудить зверя). Медведь не выдержал боли, взорвал снег фонтаном и выскочил из ямы. Первый выстрел – промах, второй – зверь падает. Небольшой двухлеток, пестун. На редкость черный.

Волнения во мне как не было, так и нет. Лишь одно в сознании: теперь голода ни мне, ни собакам не будет. Они уже рвут мертвого медведя, рычат. Отгоняю их, быстро обдираю зверя. А темень наплывает со всех сторон. Шкуру и мясо за три захода отнес на нарты. Внутренности отдал собакам. И неожиданно замечаю: обмороженная кожа на моих руках приятно оттаивает. Руки-то в медвежьем сале, а оно – лечебное. Намазал им и обмороженные щеки. Полегчало...

Развел огромный костер, навалил целый котел мяса. Наелся от пуза, аж жарко стало. Мало-мал одыбался, появилась уверенность в себе.

Ночь провел спокойно, раза два еще принимался за еду, так что утром почувствовал прилив сил. Вышел рано. К обеду, миновав два увала, подошел к кедрачу. Вхожу в него и вижу путик. Накатанный, крепкий. Нарты скользят легко – собаки взбодрились. И вдруг слева на путик выходит свежий лыжный след. Охотник где-то рядом. Это уже территория Томской области, кое-кого из тамошних промысловиков я знаю. Отцепляю нарты, спускаю собак и – бегом за охотником по его следу. Через километр навстречу выскакивают две чужие собаки. Загрявки вздыбились, рычат. Мои бросились к ним, заварилась драка. Визжат, катаются по снегу, рвут друг друга в клочья. Это мои две сучки и две чужие. А Душман сидит в стороне и смотрит на меня.

Из леса появился огромный мужик – корявый, в ичихах, ноги кривые. Распинал по сторонам собак, успокоил, подошел ко мне.

– Здорово, – первым говорю я.

– Здорово были, – отвечает Цыган (я уже о высоком, черном охотнике-томиче знал по рассказам соседей).

– Как бы отлежаться в избушке, денек отдохнуть? – продолжаю разговор.

– Это можно, – Цыган с улыбкой показывает на путик в стороне, – вот по нему найдешь неподалеку мое зимовье. Иди отдыхай, а я к своему Саньке сбегаю и к вечеру вернусь.

Охотник позвал собак за собой и сразу скрылся в кедраче. Я вернулся за нартами, запряг собак, и вскоре был в его избушке. Она стояла на взлобке – просторная, новая. Затопил печь, сварил медвежатины, нагрел чай. В рюкзаке осталось около кружки спирта в медной фляжке – на самый крайний случай. Или плохой, или хороший. Развел чаем и выпил. Моментально вспотел, размяк. Упал на нары и проспал сутки с лишним. Проснулся только после обеда на второй день. Вот как вымотался.

Цыган сварил мне уху из свежей рыбы, поджарил лосятины, заварил крепкий чай. «Да, основательно устроились томичи на зиму, – отметил я про себя. – Как и надо настоящим охотникам».

Провожая меня на третий день, Цыган сказал:

-Кедрач кончится, выйдешь на болото. Тянется оно на 33 километра. По нему идти хорошо, наст держит прочно. Войдешь в сосновый бор, еще встретишь двоих охотников. За ними – километров через десять стоит хутор, ну а дальше – и сам Новый Васюган.

Поблагодарив охотника, я уверенно выдерживаю курс на всем оставшемся пути и, два дня спустя, без всяких приключений добираюсь до Нового Васюгана. На вертолете через день прибыл в Омск.

...Прихожу к родителям (они живут от меня отдельно), выясняю у них:

– Охотник, Геннадий, был?

– Нет, не был...

Как же так? Прошло пятнадцать дней, а он не соизволил известить их, что я один остался в тайге. Ладно. Прихожу на работу, спрашиваю секретаршу:

– Звонил ли мне кто-нибудь из охотников?

– Да, один звонил, сказал что вместе охотились. Своей фамилии не назвал. Уточнил просто: «На работе, или нет, Анатолий Михайлович?..»

Беру машину, еду домой к своему «верному» напарнику. Вхожу, а он мне навстречу выскакивает. Трясется, заикается... Дрожащими руками подает мое ружье и мешок с пушниной. Хотелось мне захватить ему кулаком в морду, да сдержался. Плюнул ему под ноги. Хлопнул дверь и ушел. На что он рассчитывал? Что я не вернусь, дубу в тайге дам, а ружье и пушнину он оставит себе? Возможно все...

Сейчас, когда встречаемся, он со мной лебезит, по-прежнему пытается шутить. Я молча отворачиваюсь. Не могу простить подлости, вернее даже предательства, не взирая на обстоятельства.

КОВАРНЫЙ ИРТЫШ

В этот год мы с Валеркой Сысолятиным поохотились неплохо. В конце первой недели декабря сделали нарты и с речки Демьянки тронулись в путь на Тевриз. На четвертый день вышли напрямую к Иртышу. Пять собак (три мои и две его), привыкшие к нартам за несколько лет переходов, тащили их дружно и уверенно. Мы поочередно топтали целину, прокладывая путь для лаек.

Середина декабря, а погода держится теплая-претеплая. Ночью прошел легкий снежок. Стоим мы с Валеркой на обрывистом, высоком берегу и смотрим через Иртыш, где за дальним березняком мелькают крошечные точки автомашин на асфальтовой дороге. Наша первостепенная задача – добраться до автострады и на попутке доехать до Тевриза. Это километров с тридцать будет.

Спускаемся с обрыва вниз, на лед. Снега намело много, но он затвердел. Идти легко.

– Давай дадим ногам отдохнуть, – предлагаю я и первым отцепляю лыжи, укладывая их на нарты. Валерка следует моему примеру и говорит.

– Михалыч, смотри, как бы нам не забурить в промоину, морозов больших еще не было.

И- как накаркал! Метрах в ста впереди из невысокого снежного заноса торчал край льдины. Обходить его не стали. Но как только зашли на снежный бугорок, одновременно ухнули в воду. Шли-то ведь рядышком. Лед под снегом оказался тоньше сантиметра, чуть схватился. Или снежный бугорок виноват, сохранивший тепло, или здесь на дне – яма с большим круговоротом, или что еще?..

Собаки с нартами, шедшие впереди нас, выдернули из моих рук поводок и побежали дальше, а мы с Валеркой барахтаемся в воде. Ширина промоины – метра три, длина – метров пять. Я пообломал возле себя тонкий лед, держусь за толстый край. Пробую подтянуться на руках, а снег мешает ладоням, сыплется меж пальцев. И лед скользкий. Опоры нет, ничего не получается. Скосил глаза на Валерку, он также пытается выбраться, но безрезультатно. Я отчаянно бултыхаю ногами и поднимаюсь немного грудью на лед, стараюсь руками держаться за рыхлый снег, затем опять сползаю медленно назад.

Валерка от меня – на расстоянии трех метров, он полегче, упрямо ползет на лед, срывается, что-то кричит мне. А я – словно оглох, не могу разобрать ни слова. Страх обжигает голову, даже пока не чувствую смертельного холода воды. Очень мешает движениям одежда, но она же немного предохраняет от леденистой воды.

Опять хочу, опираясь сверху на лед, выпрямить руки, подняться из воды повыше, перевалиться через край. Немного было выдвинулся на лед, но руки скользят, и тело медленно уходит обратно в воду.

«Все, хана, нам не выбраться», – застучала в висках страшная, безотвязная мысль.

Вижу, как собаки, убежавшие вначале далеко, вернулись с нартами и стали шагах в десяти. Смотрят на нас. И меня осенило.

– Душман, ко мне! – громко зову своего вожака. Повторяю несколько раз.

Пёс с большим усилием тянет за собой собак с нартами, осторожно приближаясь ко мне. Вот он уже рядом.

Хватаюсь одной рукой за упряжь, перебираю её, подтягиваю нарты к себе. Выждав момент, цепляюсь и другой рукой.

Собаки, нервничая, отодвигаются от края промоины, натягивают ремни. Несколько раз поочередно дёрнули нарты и стоят, ждут. Напрягаясь, бултыхая ногами, я заорал хрипло: «Вперёд!»

Лайки, умнейшие собаки, разом рванули. Нарты тронулись с места, неохотно поползли от полыньи, вытаскивая моё большое мокрое тело на заснеженный лёд. Собаки протащили меня метра три, остановились. И только тогда, с трудом веря в спасение, я разжал онемевшие пальцы и сел на нарты.

Не задумываясь, машинально снимаю с винтовок ремни, связываю вместе.левой рукой держусь за нарты, правой забрасываю конец прямо в руки Валерке. Тяну сколько есть сил, а Валерка – ни с места. Сообразив, привязываю ремень к нартам, держу узел обеими руками, ору на собак: «Вперёд!... Вперёд!..»

Лайки легко сдёрнули с места нарты и поволокли Валерку, а я, отвалившись в сторону, блаженно растянулся на льду.

Валерку (он же лёгонький) лайки протащили метров десять. Он всё никак не хотел бросать ремень.

Минуты через три, немного придя в себя, с трудом открывая посиневшие губы, мы заговорили, приняв план действий. Решили побыстрее добираться до берега, предварительно надев лыжи (ведь можно и ещё раз вляпаться в такую же историю) У берега густые заросли тальника, там можно развести костёр.

Так и делаем. Подходим к талам, рубим сушняк, разжигаем костёр. Одежда сохнет плохо. Несколько раз пьём чай. Разворачиваемся, прыгаем, пляшем вокруг костра. Наконец решаемся идти наверх, к проезжей дороге. Почти бегом, часто меняя друг друга, проходим березняк, выбираемся на автостраду. Шофер первой же попутной

березки, с ветром споря!
За гривой рям – сосновый рям
с морошкой и брусникой!..

Старичье –
душу я отдам

за блеск природы дикой.
За твой нетронутый покой
в просторах ясно-синих,
за этот воздух неземной
чуть с горечью полыни!..
- Вы, люди с черствою душой,
во власти беззаконной
смахнули жизнь с земли родной,
оставив мне два дома.
Так пусть они в осенний час
здесь, на охоте вольной,
напоминают всякий раз
о нашей родословной

Мой первый выстрел?..

Майским полднем
луга в воде по окоем...
Он громом стаю уток поднял,
оставив с раненым крылом
красавца- селезня!..

По плесу
бежал я,
сколько было сил,
не помня, где берданку бросил,
я долго селезня

ловил!
Мне, восьмилетнему, по грудь
была вода
со снегом

талым...
Пытался селезень нырнуть –
и в брызгах радуга блистала...
Война, голодное житье,
где лебеда,
а где мякина.

Охотничье то ремесло
почетом окружило имя!
Охота нянчила меня,
воспитывала, закаляла,
в восходе, на закате дня
своими сказками пленяла.

Учило Родину любить-
ее луга,
ее разливы!

Учило бережливым быть
и даже в бедности –
счастливым!..

- Гори охотничий костер!
К тебе я снова возвращаюсь,

где вольность духа,
где простор,
где на губах пахучий щавель!..

НА ЗАИМКЕ

Когда еще на небе звездном
лишь только проблески зари
и в кедраче так осторожно
сидят на кочках глухари,
когда еще к ручью напиться
зверь не спешит

и всюду тишь –
вдруг сердце негой затомится,
и ты уже не спишь,
не спишь...

Полупроснувшись,
одинок

ты смотришь,
слушаешь,
молчишь,

к заутренней
звезде
высокой
душою прежнею летишь!

И долго-долго,
полулежа,
открыв глаза в глухую ночь,
мечтая вновь о невозможном, -
не знаешь,
как себе помочь.

У домика бригады под увалом

переплетает ивы
дикий хмель,
и там во тьме,
туманной и усталой,
кричит ночная птица-
коростель!

А наверху,
где нива колосится
густая,
над зеленою волной
всю ночь сверкают
яркие зарницы,
и плавают
целительный настой...

По прокосам на тихих опушках

я по краешку леса иду...
Словно сестры,
белеют волнушки

горделиво на самом виду.
На дары край родимый не беден,
и грибы –
хоть литовкой коси,
этот выход,
 пожалуй,
 последний-
на прощанье ты их собери.
Собери
и в корзине старинной,
что когда-то из ивы
 плел сам,
отнеси их
 больной Акулине,
так любившей
 ходить по лесам.

ТАРЗАН

Он родословной - из собак,
берущих след большого зверя,
но получилось в жизни так –
он охраняет в доме двери!
Неделю на цепи сидит,
скулит надрывно,
 просит воли...
Но в выходной –
 довольный вид,
мы с ним вдвоем выходим в поле!
Хвост распустив
 и морду вниз,
повизгивая,
 к кочке рвется –
в мгновенье
перепел под свист
влетел!..
За ним Тарзан несется.
В прыжках огромных,
напрямик,
задравши голову высоко,
Тарзан неистов –
 словно миф
охотничьей
 поры
 далекой!

Ночные огоньки

(Сказочное детство)
Через много- много лет
вспоминаю дивный свет...
Я, мальчишка, на охоте
в полночь с озера иду.
Лес вокруг в полудремоте
исчезает на виду.
Всё вокруг темней, темней-

не видать уже ветвей.
А дорожка травяная
меж кустов ведёт, виляет...
Мне и боязно и сладко,
взвёл курок я у ружья:
кто в кустах играет в прядки?..
Кто пищит, зовёт меня?..
Встал... Прислушался...
- Нет, тихо?!..
Лес молчит, ни голоска.
... Двинулся – и снова лихо
писк и шум у виска.
Вник я в шум:
 шуршит рюкзак...
скрип от сапога...
трётся жесткий, как наждак,
ворот пиджака...
Успокоился, и смело
вновь шагаю через лес...
Огонёк сверкнул налево,
загорелся- и исчез.
- Вот он снова появился
от дороги метров в пять...
Встал я вновь... И притаившись,
продолжаю наблюдать.
Хоть с трудом, но различаю:
из травы, где мрак и тень-
как огниво, излучает
огонёк- трухлявый пенёк!..
Постоял... И дальше...
Тленный
 позабыл уже пенёк,
но у ног в траве мгновенно
вспыхнул новый огонёк!
Наклонился- червячок,
прячет хвостик- огонёк!
Ну и ну?!- огни подряд.
- Лес прошёл...
Как звездопад
на лугу!- искрятся в росах
травы... Всюду- огоньки!
Словно звёзды с неба в россыпь
кто- то сеял здесь с руки.
... Миллион вокруг огней –
сразу стала ночь видней!!
Сверху- звёзды, снизу- звёзды...
- Тороплюсь домой. Так поздно.
Вижу: впереди деревня-
огоньки в окошках дремлют?!

ГУСИНЫЙ ПЕРЕЛЕТ

В осеннем небе пеленой
снег мокрый
 день кружил,

и где-то сверху
надо мной
гусиный крик поплыл!..
За клином клин,
 стрелой на юг,
по ветру,
 торопясь,
белесый разрывая круг, -
армада птиц неслась!
Темнело...
но тревожный крик
буравил пелену,
над озером громадным Ик
он медленно тонул.
Я, засыпая,
 приоткрыл
стекло в своей машине
и долго слушал ветра рык,
плач птиц невыносимый!..
Проснувшись, рано по- темну,
услышал те же крики,
и так же хлестко по стеклу
снег с ветром бился дико!
Но странно –
 тот гусиный крик
плыл в разных направленьях,
и в клиньях чудился изгиб-
в них распадались звенья!
Светало.
Призрачно вверху
вновь птицы проплывали,
их разметало на ветру,
к земле их прибивало!
И вот над гривою уже,
от массы отделяясь,
снижались стаи в вираже,
на поле приземляясь!
В снегу,
в желтеющей стерне
искали птицы зерна,
а чуть подалее, в стороне,
виднелся плес озерный.
Гусей скопились тыщи там –
стонала вся округа!
... Два дня как дома,
но ушам
все слышен крик в той вьюге!

РОДНАЯ СТОРОНА
Обмелели берега
Оши - узкой речки...
На лугах видны стога,
дым костра - колечком.
Ивы у пруда грустят,

заросли дорожки...
Провода вверху звенят
песнею тревожной.
Скотный двор и городьба
бедных огородов...
Брошенной стоит изба -
в окнах тени бродят

ТАЛАЯ ВОДА

Нет вкусней, прохладней, чище
этих чудных талых вод...
Тёплый ветер в ивах свищет,
в каждой луже- небосвод!
Пью водицу из-под снега,
вытаив во льду глазок.
Ах, какая сладость, нега-
пахнет леденцом глоток

ПРОТАЛИНЫ ЧЕРНЕЮТ

Плетни вытаскивают из сугробов,
завалинки дымятся под окном...
На крыше голубь, сизый до озноба-
с голубкою воркует о своём.
И долго день не гаснет...
В огороде
проталины чернеют- там грачи,
слетевшись, по земле в развалку ходят...
И трель скворца на сто ладов звучит!

НАД ИРТЫШОМ

Березы островком стоят в воде.
Парит... И зеленеют смутно ветки.
Скользят казарки клином в высоте,
я слышу клич их в тишине
рассветной.
Горит костер, дым вьется в высоту.
Гудит буксир за поворотом дальним...
И чибис, кувыркаясь на лету,
кричит над луговиною зеркальной.
А солнца шар над кручей Иртыша
вползает в небо, ослепляя дали...
О чем, о чем печалится душа?
И почему в кустах снега не тают?..

ДЕРЕВНЯ ОСТРОВНАЯ

Здесь встарь по весне
разливалась вода -
озерами даль отражалась.
На гриве высокой, где леса гряда,
деревня светло возвышалась.
Стога и кустарники плыли в воде...
Ручьи, словно малые речки,
победно журчали под пеной везде...
Казалось: так будет навечно.
Но нынче прорыли канал обводной,
плотины построили, гати...
И стало так грустно:
не видно весной
разливов сверкающей глади.

мой оркестр весёлый
в честь утренней звезды...

ВОЛК В МАРТЕ

У волка впалые бока,
шерсть дыбом на загривке,
в глазах два злобных огонька.
Клыки открыты с рыком.
Роняя пену с языка,
волк рыщет ночь по насту...
Я слышу вой издалека
и знаю: он к несчастью.

НА РАЗЛИВАХ

Майский вечер освежает -
нежит губы, щеки, лоб...
В ручейке вода живая
о любви поет взахлеб.

ВЕПРЬ

Он постарел и бросил стадо,
забыв свиней и поросят...
Один живет в лесопосадках,
его клыки зверей страшат.
Выходит ночью на кормежку,
ест жёлуди, дички, овес...
Он осторожен - днем на лежке
всегда по ветру держит нос.

НАЧАЛО АПРЕЛЯ

Звенят ручьи в кустах, а луг
пронизана синими ветрами.
Здесь журавлиной песни звук
лелеет душу мне утрами.
Я открываю в поле дверь,
вхожу на талые поляны...
Зайчишка тощий - славный зверь
бежит опушкою туманной.
Токует тетерев вблизи:
Чув-ши!.. Чув-ши!.. - и бьет крылами.
В ручье - голяны, караси
сверкают ярко плавниками.
Ручей от озера к реке
несется с пеною и звоном...
Коровка божья на руке
взлетела, как с аэродрома.
Вершится в мире колдовство -
в сверканье солнца, в струях, в криках
проснулась жизнь, как божество,
приобретая плоть и лики!

АПРЕЛЬСКАЯ СИНЬ

Синь утра апрельская...
Ледоход- оркестр
с птичьей вешней песнею
над рекой воскрес!
С правом новосёла
пробует лады

УТРО

Весенним, ярким солнцем
гумно освещено,
и распевает звонко
воробышек в окно.
На маленькой лужайке
проклюнулась трава.
Над речкой выются чайки,
и плещет синева.

ВЕРБНОЕ

Ветра пронзительны,
и лед
с утра сковал в овраге лужи!..
А вербы куст цветет,
цветет
в узоре желто-белых кружев!
Я подхожу,
на куст смотрю,
любуюсь веткой самой лучшей:
в ней иней, отразив зарю,
ласкает золотистый лучик!
И почки с нежной бахромой,
и завязь первая листочков
особой светят чистотой –
такую хрупкой,
непорочной!
Я не обижу куст,
сорву
себе на праздник
две-три ветки
и дома в банку посажу –
и разольется запах летний!..
Свежо...
Небес голубизна
вновь обещает день погожий.
Сегодня –
"Вербное" –
весна!
И рядом с вербой я моложе..

Из сугроба, меж березок,
под веселый крик грачей
светлой струйкой осторожно
выплыл маленький ручей.
Робко булькает, чихает...
осмелел – пустился вскачь...
листья, ветки в нем играют...
чудится то – смех, то – плач...

ОЖИДАНИЕ

Пахнут дымкой рассветы апреля,
но снега по лесам не сошли...
Гуси-лебеди, солнцу поверив,
прилетев,
на разводьях присели
- и от брызг
блики ярко зажглись!..
Я люблю в ослепительных далях
синь весенних,
раздольных вод!
Вербы желтые порасцветали
вдоль оврага,
и сотни проталин
приподняли у берега лед!..
С каждым днем прибавляется трещин
и все шире просветы воды.
Мне счастливые зори обещаны!..
Как свиданья с любимой женщиной,
жду –
вот тронутся белые льды

ПРИЛЁТ ПТИЦ

В синеве апрельской
ранний птичий свист
пересыпал трелью
вновь скворец –
солист!..
Нынче древний праздник,
птичий –
"сорока",
сорок птиц –
все разные –
кружат в облаках!
С правом новосела
пробует лады
птичий хор веселый
в честь
утренней звезды!..

НА ИЗГИБЕ ЛУГОВОМ

Желтизною светят ивы
на изгибе луговом,
стаяка уток на разливе
плещет ярким серебром!
И под солнцем разомлели
с первой травкой берега.
Жаворонок на свирели
распевает в облаках.
Селезень в наряде брачном
отражается в реке!
...Ем я дикий лук и плачу

на седом солончаке.

/ ЛЕБЕДИ

В заре,
над талою землей,
чернеющей,
дымящей паром,
летела низко птичья пара,
сверкая снежной белизной!..
Над камышами
взмах тяжелый,
должно быть ослабевших крыл,
казалось –
в воздухе застыл!..
Но только кликаньем веселым
ко мне навстречу воздух плыл...
Стою в низине я под гривой:
еще озера подо льдом,
еще снега в лесах кругом –
и этот сказочно красивый
миг
постигаю я с трудом!
И вспоминается мне осень:
уже пустынные поля,
замерзшая во льду земля
- затянута дымкой просинь!
В озерах только полыньи –
последних лебедей лавины
плывут по небу, словно льдины,
под крики грустные свои!
На белых крыльях виден снег
и в мощных взмахах –
свист метели!..
Была зима длиною в век –
и вот,
вы снова прилетели!!

ЖАВОРОНОК

Жаворонок в небе майском
песенку мне пел
и, качаясь, сладко маясь,
под облаком висел.
Как на ниточке висел!
Долго слушал я, смотрел...
А потом сложил он крылья-
камнем вниз- и в травах скрылся

ЗАРЯ

Блекнет небо звёздное-
тонкий штрих зари
узенькой полоскою
радужно горит.
В синий свет окутаны

дали Иртыша...
Свежестью предугрешней
полнится душа!

МАЙСКАЯ СИНЬ

Ранний сумрак вечер нежит,
тёмно- синим воздух стал.
Фиолетовый подснежник
тёмно- синим засиял.
Всё покрылось тёмной синью:
синий луг и синь- река.
В облаках просветы линий
слились в ответ василька.

Вечер майский тёмной синью
луг и лес, и небо- вымыл

НАЧАЛО МАЯ

Весенним ярким солнцем
обласкана река,
в ней, с самого-то донца,
всплывают облака.
Вдоль берега- лужайки
с зелёною травой...
- На что вы, чайки, жалуйтесь,
крича так надо мной

Осенние перемены

СЛЕДЫ ПРОШЛОГО

Озябший лес промок, он светел, наг...
Тропа усыпана листвой багряной.
Смеркается... Я замедляю шаг,
и обхожу туманную поляну.
Зачем я здесь?... Ищу что в вечерах,
с двустовкою, закинутой за плечи?..
Нет в рюкзак «ни пуха, ни пера».
И все же, чем так дорог этот вечер?..
Не в мыслях, а в душе ищу ответ...
За мной в траве рососою светит след.

ПЕРВЫЙ ИНЕЙ

На исходе сентября
инеем лесок припудрен.
В нём сверкает перламутром
охлаждённая заря.
На траве зелёной- блёстки
ослепляют новизной,
и смущают наготой
у дороги две берёзки.
На ветвях у ивы пух-
расцвели под снег серёжки!
Слышит вьюгу осторожный
напрягающийся слух.

ДЕНЬ ИЛЬИ

Вот и август.
День Ильи-
синь прохладой веет с речки.
Откупались, отгребли...
Пляж пустынный смотрит в вечер.
С луга стелется туман.
Сырость из кустов пахнула...
В небе- птичий караван.
И грибами даль вздохнула.

ЛЕСНОЙ СКРИП

Пахнет пронзительно сладкою гнилью
ягод, груздей и травы.
Пусто, прозрачно... Поляны накрыли

Пледы опавшей листвы.

Тихо, беззвучно иду по опушке
и огибаю лесок.
Пташек не видно, исчезли кукушки,
слышится скрип-голосок.
Ближе звук, ближе... Большая осина -
ствол, расщепленный повдоль.
На полувысохшей черной вершине
в скрипе - щемящая боль.

У КОСТРА...

У костра, золотого костра
я один просижу до утра.
Буду слушать, как пламя гудит,
как притихший лес тягостно спит,
и во тьму будут искры лететь...
Я костру расскажу все, как есть.
Память пе-ре-во-ро-шу!..
Все обиды чужие прощу...
И останется блеск от костра
на лице, словно ответ утрат.

ДАЛЬ ХОЛОДНА

Даль холодна, желта, пуста...
Под небом- клич гусей.
Рассветный иней на кустах
заметней и светлей!
В просторе беспредельном- синь!
Раздвинут горизонт...
А лес - (ты взглядом лишь окинь) -
он- разноцветный зонт!
Последних листьев яркий цвет
искрит огнём в ветвях,
За паутинкой белый след-
снежинкою в кустах.
Невдалеке зелёный рям
весенний свет зажёт...
... А я душой ещё упрям-
храню в ней огонёк!!

НА МАРЬЯНЫМ ПЛЁСЕ

Дремлют тихо камыши,
рябь воды седая...
Крики дальние слышны
перелетной стаи.
Паутина на шесте,
лёд, намёрзший в лодке-
И снежинки в вышине
запоздавшей сводкой...

ДАЛЬ УГАСАЕТ

В березняке от гнили, черни-
так зябко!..
В поле- ни души.
На паутинке листик прелый
играет, трепетно дрожит.
Даль угасает. Лес- немеет...
Бредут стада через туман...
С минутой каждою- темнее,
мрак льнёт плотней к моим ногам.
Бреду по лугу, наблюдаю...
Мне сладко, грустно - даже дрожь
в груди...
Я с осенью прощаюсь...
- Столь пережить с ней довелось!

АВГУСТОВСКИЙ ВЕЧЕР

День угасает...
Тени враз легли
на пыльную дорогу меж деревьев...
А облака, прозрачны и легки,
плывут в высоком небе над деревней.
Иду домой с корзиною грибов-
белеют шляпки и чернеют срезы.
Как чуден запах?... Давняя любовь,
я в городе о нём зимою грезил.
В тумане- луг... Печалится трава...
И птицы умолкают в перелеске...
Всё резче запах- кругом голова!
... Закат сгорает тихо в поднебесье.

ЗА КЛЮКВОЙ

Пахнет багульником, хвоей и мхом...
Булькает лавда под кочкой...
Четверо нас. Через рям мы идём-
путь этот много короче.
Клюква поспела, красна и чиста...
Солнце встает из-за леса...
Пот на лице и во рту- тошнота.
«Что нос, Андрюха, повесил?..»
Друг улыбается: «Мне не впервой,
больше за вас беспокоюсь-
кромкой тропинки держитесь за мной,

дальше- воды аж по пояс.
Клюква, она на столе весела:
светится алая, рдеет...
А на горбушке, ой- как тяжела.
Обратный путь вдвое труднее...»
Я рассмеялся: «Спасибо, дружок,
добрым словечком утешил...»
... Путаюсь в ляжках болотных сапог,
споткнулся:
«Ах, чтоб тебя, леший...»

В ДУШЕ РОЖДАЮ ЛУЧИК

Источник радости – я сам!
И сам - источник света!
Иду по льдистым берегам
осеннего рассвета.
Пусть резок ветер, морок пусть,
и дымкой даль затмило,
но в сердце- нежность, радость, грусть...
Мне всё в округе мило.
И этот голый березняк,
загон, изба у речки...
И шелест вербы- добрый знак
над маминым крылечком.
Да, чем ненастней в осень день,
и непроглядней тучи-
превозмогая тлен и темь,
в душе рождаю лучик
Он раздвигает серый дождь,
и освещает дали...
Мне с ним понятней веток дрожь
и птичий крик прощальный

НА ИСХОДЕ СЕНТЯБРЯ

На исходе сентября
инеем лесок припудрен...
В нём сверкает перламутром
охлаждённая заря.
На траве зелёной блёстки
ослепляют новизной-
и смущают белизной
у дороги две берёзки.
На ветвях у ивы пух-
расцвели под снег серёжки!
Слышит вьюгу осторожный
напрягающий мой слух!

ОСЕННЯЯ ДРОЖЬ

Слегли цветы, осыпав семена.
Шиповник красный рожицы мне корчит,
и жидкой грязи колея полна -
в ней два пера обшарпанных, сорочьих.
Дождь нудно третьи сутки моросит -
промозгли, почернели пни, коряги...
Лес каждой голой веткою дрожит,

и в сердце - дрожь...
И нету с нею сладу.

На паутинке листик прелый...
На паутинке листик прелый
играет, трепетно дрожит.
В березняке от гнили, черни-
так зябко...
В поле- ни души.
Даль угасает, и в закате
бредут стада через туман.
И вот туман стада уж спрятал.
И мокрый иней- по ногам.
Бреду по лугу, наблюдаю.
Мне сладко, грустно- даже
дрожь
в груди...
Я с осенью прощаюсь.
А что взамен её ты ждёшь?!

СЕНОКОСНЫЙ СТАН

Болотный осенний туман
укрывает притихшую речку.
Сенокосный дырявый стан
приютил меня в этот вечер.
Рядом плещется рыба в сетях,
а сквозь крышу вверху-
отсвет звёздный...
Думаю о безвестных мирах
и о счастье своём,
невозможном.

В ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

Терпко пахнет листвою
опавшей,
свежей сыростью ветка
сквозит.
И над рощей луна,
приподнявшись,
хладным светом слегка
моросит.
Ветер стих.
Белой прядью тумана
покрываются речка и луг...
Там, в избе, одинокая мама
задремала.
Ей чудится стук...

ЗАРНИЦЫ

Скатилась с неба колесница
за горизонт
А грома- нет.

Тепло в полях. Хлеб колосится-
не от него ли молний свет?!

ОСЕННИЙ ЛЕС

Какая прелесть:
бабьим летом
цветёт осинный колокол.
Красным- красно!
Вишнёвым светом
в кустах шиповник сумрак
сжёг.
Осенний лес в убранстве ярком
роняет золото листвы.
Подставь ладони- станет жарко
от захмелевшей головы!
Иду тропиночкой окольной
и листья липнут к сапогам.
Ах, сердце глупое- довольно
лететь за птицей к облакам...

ОСЕННЕЕ НЕБО

В белой дымке осеннее утро.
Первым инеем росы легли
и, сверкая, искрят перламутром...
Первый холод дохнул от земли.
Чёрный тетерев ветку качает
и серёжки неспешно клюёт,
а над озером с криками чаек
золотистое солнце встаёт.
И лучи, растекаясь несмело,
красят алостью воду, камыш...
Ставлю сети- приятное дело.
Светят плёсы, и в воздухе- тишь!

БАБЬЕ ЛЕТО

Бабье лето!..
В рощах- просинь
с ярко- рыжею листвою!
Паутину вдаль уносит
свежий ветер озорной!
Ветви в красках- словно шали
дорогие на плечах!..
Две осинки размечтались,
осыпая лист в лучах.

ПЕРВАЯ ШУГА

Даль пожелтела, посветлела.
Свинцовый плёс, шугой шурша,
качает плот оледенелый...
Ознобом веет с Иртыша.
Скользят по ветру птичьи стаи,
и день, и ночь спешат на юг.
На жёлтых травах иней тает,
и холодно сверкает луг!

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Снег, из низкой тучки выпадая,
хлопьями летит среди ветвей...
Кажется он - лебединой стаей,
если взгляд прищурить посильней!

НАЧАЛО ЛЕДОСТАВА

На песке- шуги наросты,
меж камнями- первый снег.
И его сгребает горстью
любопытный человек.
Рядом - первая синица
шустро шмыгает в ветвях...
Над рекою пар дымится,
словно вздох о летних днях.

Там, в облаках, за клином – клин,
крича, летит на юг казарка...
На озере, во льду, один
подранок- клич несётся жалкий!..
На камышах- нить паутин
и белый пух, как отблеск зим...
... А в небе вновь- за клином клин.

БОЖЕСТВЕННЫЕ ДАЛИ

И ПОЙМУ Я...

Если боль в меня заглянет,
изомнёт во сне постель-
утром я уйду к полянам.
Грусть оплачет коростель.
Упаду в левкой, ромашки-
обниму цветочный свет.
Пчёлы, яркие букашки
пропоют мне свой привет.
Посвежев, смотреть я стану
в голубую неба высь...
И пойму здесь, на поляне,
по иному слово-«Жизнь»!

В ИЗБУШКЕ

Проснулся- в оконце большая
луна.
Смотрю я вокруг оробело:
Как днём.
И, признаться, уже не до сна.
А свет на стене мёртво-белый.
Струятся в окошко потоком лучи
и по полу стелят дорожку.
В причудливом блеске избушка
молчит-
смотрю я вокруг осторожно.
И холодом веет, и боязно мне...

И слышу дыханье, и скрип в
тишине...

ДЕД-КЕРЖАК

Над рекою посветлели выси,
отражаясь бликами в воде...
Дед серянкой огонечек высек
и махрой пахнуло в бороде.
Не спеша столкнул баркас. И
тонко
скрип уключин в воздухе
поплыл...
Два мешка сетей, рюкзак,
двустволку
поверху от брызг плащом накрыл.
Сидя на скамье, любясь зорькой,
в телогрейке, сжавшийся в комок,
в темноту устава взгляд свой
зоркий,
к островам погреб наискосок.

Ах. Паисыч, как любили
край березовый с тобой!..
Глубока твоя могила -
только ты всегда со мной.
Тюкалинский край приветлив.
Плеск волны... Березы дрожь...

По разливу в зорьке светлой
в лодке ты к сетям плывешь

МОЙ ПЛЕС

Со снегом ветер хлещет по глазам.
Во льду озера... Стылый хруст

осоки...

Сгибается покорно рогоза,
и застегнуться поплотней охота.
Прощай, мой плес, с напевом

камыша,

с ночевкой у костра и сладкой
негой.

Прощайте, крутояры Иртыша
под дымкой холодеющего неба.

ПРОЩАЙ, РАЗДОЛЬЕ ГОЛУБОЕ

ВОД

Морозный пар... Шуга шурша
плывет,

колышится у берега припаем.

Медлительный последний

теплоход

идет в затон, гудком рассвет
встречая.

Белесый берег инеем блестит,
холодный ветер тальники качает,

и одиноко на косе сидит

рыбак... Неслышно даже чаек.

Прощай, раздолье голубое вод!

Прощай, причал до будущего

года!..

...***

Когда уйду и буду я ничей,
сквозь полумрак и ветра

завыванье

из глины и песка пробьет ручей
к тебе, с моей любовью и

признаньем.

Родник! Беду и радость он роднит,
и, словно жизни тайное течение,
из-под земли весною зазвенит -
моей судьбы он станет

продолженьем...

МИЛАЯ РОДИНА

Капают капельки.

Капают

дождинки, и с ними- тоска.

Чью- то судьбу оплакивать

решили с утра облака.

Дождь беспробудный и нудный
в душу мою моросит...

Милая Родина, трудная
зимушка нам предстоит!

ТРУДНЫЕ ВРЕМЕНА

Ночной крадётся полумрак,
в глаза и сердце проникая.

И делаю с трудом я шаг,

на ровном месте спотыкаясь.

Вокруг не ночь- то хмурый день
ползёт по матушке- России.

Не Судный день, а злая тень
надежду в сердце погасила.

Не спрятаться, не убежать-

всё поглощает тьма ночная...

О, Русь, как сыну не пропасть?!

Зри, богородица святая!

Какая прелесть! Бабым летом
цветет осиновый колок

Красным-красно!.. Вишневым

светом

в кустах шиповник сумрак

сжег!

Осенний лес в убранстве ярком
роняет золото листвы.

Подставь ладони - станет жарко
от захмелевшей головы!..

Иду тропиночкой окольной,
и листья липнут к сапогам.

Ах сердце, глупое, довольно
лететь за птицей к облакам!?

В ОХОТНИЧЕЙ ИЗБУШКЕ

Зеленеет сосновая роща,
резок запах смолы на стволах...

Ветер солнечный ветки полощет,
и закаты плывут в облаках.

Ни звонков, ни гудков - над

избушкой

вьется струйкой узорчивый дым.

Вместо радио - птицу я слушаю,
в синей речке смотрюсь не седым.

Как стемнеет - сажусь на порожек:

чай брусничный из кружечки
пью...
Лет на двадцать себя я моложе.
здесь, в дремучем таежном краю!
речка Туй

ГРУСТНО МНЕ
Потянуло холодом из леса,
льдистый снег уныло в окна бьет.
Оттого, наверное, не весел
воробей, что под стрехой живет.
Грустно мне от птичьего
молчанья,
видно петь нам в зиму - не
судьба...
Дверь скрипит, скрежещут петли
ставней.
Сразу почернела вся изба.

МОЙ ДОМ
Железные двери, кирпичные стены
окрасила белым морозная пыль...
Весь город уходит во тьму постепенно...
Мой край- я тебя вдалеке не забыл.
Я снова вернулся...
- Как долго я не был!?.
Вновь снежная дымка навстречу
плывёт...
Затянута проседью низкое небо...
Вверху, в поднебесье гудит самолёт...

Бушует северный циклон

Бушует северный циклон:
гнет ветви,
задирает воду,
сужает низкий небосклон,
даль свистами изводит...
Листва, кружа,
как рой, летит –
она еще не отгорела,
ее пугает мрачный вид
надвинутых пределов!
Палатка вздрагивает в такт
порывам ветра,
как живая,
в нее влезаю кое-как,
лежу, раздумьем маясь.
Настой увянувшей травы
дыханье будоражит,
на пожелтевшие бугры
под утро иней ляжет.

ЖНИВЬЁ И ОЗИМЬ

Жнивье и озимь!?!- не сравнимы
два поля...
Словно две судьбы
глядят навстречу вьюжным зимам...
Шепчу: их вместе ты люби!
Ведь колосок румяный, жаркий
что светится сейчас в стерне,
нёс в детстве я домой подарком-
тогда отец был на войне!..
А озимь, первый снег встречая,
весенним светится огнём-
в нём юная любовь, святая
озарена далёким днём!..
Жнивье и озимь!?!- это доля
избы крестьянской, всех работ...
Вот почему в осеннем поле
Моя душа мечтой живёт!!.

СПУСТЯ ПОЛСТОЛЕТИЯ

Я к земле припаду- и услышу
всю не сладость, немилость пути...
И душа моя грустью задышит-
и не просто печаль отвести.
От морщин невесёлых, усталых
встрепенусь в опадающей мгле-
и пройду к озерку, как бывало,
по осенней, но милой земле.
Озерко тихо светит в тумане,
здесь в войну был огромнейший ток...
Молотьбы гул звенел по поляне...
Шёл тогда мне восьмой лишь годок.

Что иней?..

День,
другой пройдет,
и с дальней болотины
снег льдистой пылью сыпанет!..
И будет согра стынуть.
В ней ночью темной затрешат,
обламываясь,
сучья –
страша у логова волчат,
меня бессоньем
мучая...

У ЛЕСНИКА

Стекла окон запотели,
а за ними осень,
мгла...
Лучше стога нет постели,
но нельзя нам без тепла.
Промочил дождь,

исхлестали
леденящие ветра!..
Закрывает бабка ставни,
словно очи, до утра.
Старичок слезает с печки,
ноги в валенки сует –
как всегда,
он рад при встрече,
извиняться не дает.
Раздеваемся,
вдыхаем
запах хлеба,
молока...

Бабка стол нам наставляет
под рассказы старика.
Фотографии...
Божница...
Рушники...
В углу сундук.
Самовар пытит...
Струится
память в сердце:
стук да стук!..

Свободою нежась,
напевно
гудят на столбах провода,
и в речке –
спокойно,
не пенясь,
течет ледяная вода!
Охотничья лайка,
соскучась
по воле –
в сарае скулит,
а в небе просторном –
ни тучки!

Лишь иней на крышах блестит!
Две плашки,
намокшие колья –
рыбалкой забытый мосток,
за лугом - капустное поле,
где видится тонкий дымок.
Там сизо-зеленые листья
закутали в плед кочаны...
А дальше –
жнивьем берег выстлан
и кучи соломы видны ...
Скрипит в дальнем поле телега
на холод прозрачной зари!..
Живу в ожидании снега –
холодной,
но чистой любви!

Ходит по тропе октябрь
в голом перелеске...

Плес покрыла мелко рябь
со свинцовым блеском.
Дремлют тихо камыши,
в воду оседая,
крики дальние слышны
перелетной стаи.
Паутина на шесте,
лед намерзший
в лодке...
И снежинки в высоте
запоздавшей сводкой!..

Первый лед по остывшим колдобинам –
заморозки так рано легли?!
Расставание с летом
и Родиной
протрубили вверх журавли.
В поле собрана в скирды солома,
и над речкой
галдит воронье...
По суровым
сибирским законам
скоро снег пересыплет жнивье!
А пока в речке плещутся гуси
и капуста блестит на полях,
и во взгляде крестьян
нету грусти –
урожаи уже в закромах!..
Хоть и холод,
но синь необъятна,
лист опавший
еще не отцвел.
И дорога легка и приятна
мимо радостных,
свадебных сел.
Что ж,
закурим, Иван,
включим печку
да протрем смотровое стекло –
нам до милых озер недалече,
и с погодой опять повезло!

Над безлистою рощей
ветер тучи полощет,
и летят в небе низком
одичавшие свисты!..
Над пустыми полями
иней выбелен снами,
а на вербах куржак
не растает никак!..
И последняя стая,
снежным пухом блистая,
кличет жалобно мне
о тебе,

о весне.

 Потемнело озеро.
 Со свистом
 мечет пену,
 гонит буруны.
 Гром грохочет в тучах быстрых,
 низких –
 между тучек молнии видны!..
 Наши лодки –
 малые скорлупки,
 выбросило на камыш-плавун,
 хныкает Ефимыч:
 «Плохи шутки...»
 Сник,
 как кур намокший,
 говорун.
 Дядька шутит:
 «Не мели,
 Емеля,
 отдохнем –
 и камышами,
 вброд...» ...
 Ближе,
 ближе дождь завесу стелет.
 Капли первые...
 Сейчас польет!

НА ПЕЧКЕ

Снова мне на русской печке
 отогреться довелось!..
 Прознобил с утра на речке
 льдистый дождь меня насквозь.
 День пролазил по болоту –
 только дичи след простыл,
 но охота –
 есть ОХОТА!
 Да и край родимый мил!..
 С дедом выпили мы «горькой»,
 и ему я наказал –
 разбудить меня до зорьки,
 чтоб охоту не проспал!
 И теперь на печке жаркой
 я гоню из тела дрожь,
 и ничуть,
 ничуть не жалко,
 что попал под сильный дождь.
 Головою на печурке –
 печка больно коротка –
 слушаю, как ветер чутко
 дышит в трубы свысока!..
 Слушаю,
 как дождь по крыше
 тарабанит без конца.
 Рядом в ухо кот мурлычет,

лай знакомый у крыльца...
 Потихоньку звуки гаснут,
 и, блаженно разомлев, -
 засыпаю сном неясным,
 с сильным храпом,
 словно лев!..

Туманится холодная заря
 над убранном
 пшеничным полем.
 Веселой,
 звонкой песней глухаря
 седеющий октябрь
 с утра наполнен.
 - Паисыч!
 Сети тянут вешала,
 переплелись,
 наполненные ветром...
 - Ты слышал:
 ночью утка отошла,
 до снега считанные километры.
 - Паисыч!
 Вылезть на Тенис рискнем
 и покачаемся на волнах сладко,
 и рыбку на прощание ботнем!..
 Быстрее же,
 выбирайся из палатки!
 ...Вот сети собраны,
 к воде идем –
 тропа светла и
 выстлана листвою.
 Но пристань –
 вся покрыта толстым льдом,
 и плес озерный
 светится слюдою!

Полюбил я озер чистоту
 поздней осенью
 с первым снежком,
 когда птицы,
 стремясь в высоту, -
 машут,
 машут прощально крылом!..
 А внизу –
 в белом инее лес
 и стерня с золотистой соломой...
 В селах к осени
 свой интерес –
 свадеб звон
 раздаётся веселый!
 Здесь напиться у каждой двери
 подадут,
 пригласят на ночлег...
 Я сегодня не сплю до зари –

рядом свадьба
и первый снег!

ОХОТНИЧЬЯ ИЗБУШКА

Перелески...

Гривы...

Воздух влажный,
горький.

Домик некрасивый
прячется за горкой!
Домик неказистый
с крышей травяной
и с оконцем чистым,
с дверью приставной!..
Над трубой струйкой
вьется белый дым,
топит печь-буржуйку
друг мой, Никодим.

Я продрог,
уставший, -
дичь искал в полях
и по ней,
взлетающей,
мазал впопыхах!..
И ружье с досады
сзади,
на ремне...

Но какая радость:
свет горит в окне!
Будет чай с душичкой
поставлен на шесток...
Будет ночью мгlistой
петь в углу сверчок...

Неспроста небеса замахнулись
белокрылым,
пушистым снежком!..
И под ветром
талы встрепенулись
и расстались с последним листком!
Сыплет снег на увядшие травы
и на пашню
иные цветы!..
И сверкает поляна лукаво
россыпью неземной чистоты!
Озимь яркой,
зеленой полоской
окаймляет припудренный лес...
Снег и...
зелень?!
Красиво и просто.
Это чудо
из всех чудес!!

Светился тихий луг в росе –
заря рожала солнце!..
На пожелтевшей полосе
мираж из дымки соткан.

На влажных кочках
здесь и там
тетерева кричали.

Вдали

по мшистым берегам
рога лосей качались!

Синь леденела,

в тишине

белели снежно дали

и плыл в щемящей вышине
клич лебедей

прощальный.

Рассвет все рос...

Белесый пар

вдруг в иней превратился,
когда же выплыл красный шар –
лес снегом заискрился!..

КРЯКАШИ

В полях озябших –
ни души!..

Снег ночью выпал и не тает,
во льду озера –

крякаши

то здесь, то там

взлетают стайей.

Над пожелтевшим камышом –
остывшей намертво пустыней
нахмуренным,

ноябрьским днем

все кружат крякаши лавиной!..

Чего же птицы еще ждут?

Ведь снег,

пожалуй,

не растает.

Но вновь косяк,

свиваясь в жгут,

над камышами зависает.

И опускается в камыш,

на серый лед

застывших плесов,

крик птичий разрывает тишь
неумолимостью вопросов!..

Ответа я не нахожу:

зачем еще осталась стая?..

И к плесу ближе подхожу,

и уток четко различаю.

Их лапки красные скользят
по льду...

И вновь взлетает стая!..
Печалится мой тихий взгляд:
опять снег в воздухе мелькает!..

У ОЗЕРА ДИКОЕ

В краю нехоженых земель
вхожу я в краснотал –
здесь в ночь пуржила карусель,
и снег под утро пал!..
Звериной тропкой прохожу
к воде на мшистый край
и с удивлением гляжу –
во льду озерный рай!
Нет чаек,
уток не слышать –
нет даже полынни...
И словно мертвая печать
легла здесь в забытии!
Рассвет, -
он кажется, застыл,
остановив свой бег!..
Вот снова в воздухе поплыл
чуть теплый,
мягкий снег!
...Ни следа, море белизны,
и над тропой лесной
все сразу веточки видны!
Всплыл травяной настой!
Снег пахнет клюквой
и листвой,
цветет в густой траве!..
Мир дикий сник –
он не живой
в холодной синеве!
И только яркий краснотал
за снежной пеленой
рассветом летним мне сиял,
восстав перед зимой!

Стучат секунды
мелкою монетой.
Бегут,
бегут –
и копятя в рубли!..
Кончается,
сгорает тихо лето,
а что в сусек
с тобой мы наскребли?
День за окном
прозрачно золотист –
такие дни и летом-то нечасты,
а я лежу больной:
в поту, раскис,
оторванный от дела,

безучастный!..
Мир в мареве,
блаженно растворясь,
плывет –
ему совсем не до меня.
Откуда в сердце и взялась боязнь
- мне очень жаль потерянного дня!
Наверно потому,
что день такой,
последний
перед долгою зимой,
а может, от того,
что белизна
моих волос
впервые так видна!

Во мне всю осень
кто-то жил другой!..
Он плохо спал и просыпался рано,
ждал воскресенья так,
как ждет больной –
и вот в чем заключалась эта странность:
он тосковал
по рощам и полям,
и по тропинкам росным
к ясным зорям,
он тосковал по желтым островам,
что плавают в тумане по озерам!
И слышался ему знакомый свист
утиной стаи,
выстрелы...
и всплески.
И чудилось,
как ярко-красный лист
осинник красит
в дальнем перелеске!..
Там, на жнивье,
сидят перепела
и куропатки из талов взлетают...
Но за окном сегодня синева
сгустилась...
Иней на кустах не тает.
Над Иртышом с утра
звонит мороз
и старицы во льду...
- Прощай, охота?!
Пора подумать о делах всерьез
и с жадностью над книгами
работать!

предзимье

ПРЕДЗИМЬЕ

Неяркий лист осеннего ковра
ласкает шаг, уводит в перелески.
Речная заводь-
в бликах серебра!
Из кочкары бекас взлетает с треском.
Зигзагами- всё выше, всё быстрее!..
Крикливый чибис над собакой вьётся.
В высоком небе - нити журавлей.
Под леденящим ветром ива гнётся

Был отец мой дровосеком,
брал меня с собою в лес.
Помню я, как в лесосеке
на деревья, к гнёздам лез...
И журил меня отец:
« Не слети с ветвей, скворец! ».

ЗА СЕНОМ

С дедом в сани на солому
в шубе старенькой сажусь.
Нас Серко везет из дома
в поле, к белому стожку.
Снегири алеют в ветках.
Стороной летят щеглы...
А под шубой-воздух летний,
пар плывет из-под полы.
Вот и стог. Граблями скинув
шапку снежную, кладем
воз... Цветами пахнет, тмином,
клевером... Грибным дождем!

СИБИРСКАЯ ХВАТКА

Весь день куражится пурга -
сугробы на дороге.
Лишь виден борт грузовика,
и ждет шофер подмоги.
Ни валенок нет, ни еды...
Гудит мотор, и печка
в кабине греет... Теплоты
не хватит и на вечер.
Сгорит бензин, замрет мотор,
мороз скует кабину...
Но достает шофер топор -
и в лес за древесиной.
Валежник рубит, сухостой,

зажег костер в сугробе,
чай вскипятил... А пар густой
валит, как из берлоги.

В ЗИМНЕМ ДЕНДРАРИИ

Я гуляю по зимнему лесу,
для тебя сочиняю стихи...
Вот в кустах кто-то веточкой
треснул...
Вот щеглы просвистели, лихи!..
Снегири на сугробе алеют.
Сосны, ели - вокруг зелено!
О весне той давно не жалею,
и, признаться, тебе все равно.
Вдоль поляны поземка по-лисьи
заметает тропинки мои...
К неотправленным ранее письмам,
эти, несколько строчек возьми!
с. Подгородка

ТАМ, ГДЕ ИВЫ...

Там, где ивы шепчутся над речкой,
ты тропинкой узкою ушла.
Призрачное лунное колечко
высветилось в редких камышах.
На воде славянской тонкой вязью
заискрилась ряска, серебрясь.
Ты ушла, а я забуду разве,
как душа пожаром занялась?
Как я бредил в снах и как преданьем
свет струился от далёких звёзд...
Я приду на новое свиданье,
если б даже вечность ждать
пришлось!

ЗАЯЦ – БЕЛЯК

Месяц из-за тучи показался.
В небе тёмном- проблески зари.
Холодно в лесу и страшно зайцу-
шёрсткой белой на снегу дрожит.
Ночь длинна для зайца- беляка,
он, вскочив, бежит вокруг леска.
Чу! Вот с боку свежий след
лисицы-
где она, среди каких кустов?
И зайчишка прочь, подальше
мчится,
а за ним следы больших прыжков.
Впереди плетни и огороды,
лай собак.
И здесь не в первый раз

от лисиц защиту он находит...
Светят окна в избах сотней глаз.

ВОЛЧИЙ ВОЙ

Лунный свет...

Хруст морозный, печальный-
на снегу лап огромных следы.
Волчий вой от болотины дальней
наплывает в просвет городьбы.
Под навесом - скотина в сарайке.
Пар над крышей в соломе встаёт.
И Мурзилка- отменная лайка,
чуть визжа, сзади робко бредёт.
Я с берданкой, пацан деревенский,
обхожу сеновал, огород.
Рядом- лес, затаились деревья.
Сорок третий, военный, год...

ДРЕВНЯЯ СТРАСТЬ

Снег тёплый кружит над жнивьем,
светлеет день в холодной дымке.

Охотник смотрит на ружье

и шепчет:

«Мне бы на заимку.

По первопутку потропить
ещё непуганого зверя,
ловушки вновь насторожить
и окуней в реке проверить...».

Но стар и глух он, как зима.
С седой, дремучей бородой,
в ушанке и больших пимах,
глядит в окно с тоскою...

А.Канушину
ВОЛК

Его поймал в капкан охотник.
Набросив сетку, как в мешке,
тащил верст десять по болоту...
Потом повез в грузовике...
Потом на поезде... И вот -
волк в цирке месяц уж живет.
На войлоке, в железной клетке
встречает мрачные рассветы...
Он пищу не берет с подноса,
и не скулит, и не рычит -
хоть дрессировщик кнут подносит,
размахивается, грозит...

Волк похудел - одни лишь ребра,
да взгляд горящий, ярый, злой...
Медведь-сосед с улыбкой доброй
советует: не будь такой.

Все звери в цирке - тоже звери,
а за заботу и доверье
выходят на манеж с охотой,
забыв поля, тайгу, болота...

Но исподлобья волк глядит,
медведю грустно говорит:

“Какое это унижение -
здесь умер тигр от ожиренья!...

И от тоски тот бегемот
кричит, что скоро он помрет...
Нет, лучше буду всем врагом,
чем за кусок вилять хвостом!..

Я не хочу смотреть на суку,
что клоуну вон лижет руку...

Пусть обезьяна ест объедки, -
вот тетя та, ей - как соседка.

Кто на кого похож - не ясно...”
... И волк подох - то был, не сказка.

ХУТОР

На отшибе, за лесами
есть избушка, скотный двор...
Нелюдимый дед Исаич
проживает с давних пор.
Семь коров, телки, барашки.
У ворот - пёс с рыком страшным.

ДЕД МИТРОФАН

В щель сарая влез хорёк,
и зверюшке невдомёк,
что охотник- дед сердитый
в дверь капкан установил,
натянул две сетки скрытно...
Кур пропавших не забыл.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Внимательней, пристальней, строже
смотрю на летящий поток!
Машины, как люди, не схожи:
та- бедность, та- роскошь, та- Бог!..
Подъезды, витрины- в огнях!
... А в сёлах- езда на санях...

ИЗМОРОЗЬ

Выбелила изморозь
ветки, провода...

Мне знакома издавна
эта красота.

Снежный лес сверкает
пышной бахромой,
иней рассыпая
пухом предо мной.

УВАЛ

С детства я тебя познал,
рос здесь хлеб на славу.

Возвышался ты, увал
гривой величавой!

В согре, под горой- смородина-
запах чудный, запах Родины!

ДРЕВНЕЕ РЕМЕСЛО

Из прутьев ивовых мордушку
я с дедом у реки плету.

Он - в обод сверху,

словно в ушко,

вставляет прут- я снизу жду.

Веду дорожкой обводною,

и прутья мягкие, как жгут,

сверкая влажной белизною,

за кругом круг бегут, бегут...

ПАМЯТНИКИ ПРИРОДЫ, ЗАКАЗНИКИ, ЗАПОВЕДНИКИ

В [Омске](#) и Омской области имеются материалы на 100 памятников природы, с общей площадью 37 659 га, в том числе: ботанических — 69, гидрологических — 14, геологических — 5, исторических — 9, зоологических — 2, комплексных — 2.

Самые известные памятники природы [Омска](#) и Омской области — «[Птичья гавань](#)», «Экологическая тропа Дворца творчества» и [Большереченский зоопарк](#). Организованы природный парк местного (районного) значения «Саратово» (1063 га) в Горьковском районе Омской области, курорт местного значения «Красноярско-Чернолученская зона» (10 104 га).

Указом Президента РФ от 10.10.95 г. № 1032 утверждена Федеральная целевая Программа государственной поддержки государственных природных заповедников на период до 2000 г. Она предусматривала организацию в лесостепной зоне Омской области до 2005 года заповедника «Омский» площадью 30 000 га. В 1994-95 годах были выполнены организационные работы по проектному обоснованию и согласованию выделения территории под создание заповедника на территории трех административных районов лесостепной зоны. Затем документы были отозваны. Организация заповедника «Омский» в новое распоряжение правительства не включена. В Омской области имеется 23 заказника, в том числе: 8 — зоологических (охотничьих) по охране охотничьих животных; 13 — ботанических, из них 7

заказников потенциальных кедровников и 6 заказников сосновых боров; 2 — комплексных заказника.

О ЗАПОВЕДНИКЕ «ОМСКИЙ»

Ещё одна из главных проблем- создание в области заповедника «Омский», которая предписывалась Постановлением правительства РФ, так и осталась не решенной и снята сегодня с повестки дня. На страницах того же журнала много писалось о необходимости заповедника (в отличие от заказников на территории заповедника запрещалась всякая хозяйская деятельность человека, и даже проживание).

Первоначально заповедник планировалось создать на территории Баировского заказника. В статье «О создании заповедника «Омский в лесостепной зоне области», напечатанной в журнале «Природа Прииртышье» на стр. 50-55 подробно говорится о возможностях создания заповедника. Высказали своё мнение многие руководители областных управлений и ведущие специалисты и учёные. Но Баировский заповедник отвергли. Позднее рассматривали территорию озера Теннис с островами, на которых гнездились пеликаны. Затем территорию Любинского заказника и другие. Но вопрос так и не был решен.

По созданию новых заказников у меня своё мнение. Вот два года назад областное правительство своим решением утвердило «Пеликаньи острова» и озеро «Линёво, так как я бывал много раз в этих местах. «Пеликаньи Острова» не устойчивые, намывные. Я видел несколько раз по весне, как большая вода сдвигала их, срывала с места и передвигала. Так что в какой-то год их может половодье сорвать и придвинуть вплотную к берегу.

Что касается озера Линёво, то оно много лет является одним из туристских мест, особенно для школьников, Заказник должен предусматривать закрытость территории, дикость природы, тишину. А сейчас на озере построены разные сооружения, с увеселительными услугами. Бордель да и только.

Не всегда можно проследить в печати где, когда образованы новые природные заказники или природные зелёные зоны, или историко- культурные рекреационные зоны. Вот на телевидение появилось недавно сообщение: в [Омске](#) и Омской области созданы особо охраняемые природные территории регионального (областного) значения:

- **зеленая зона «Сельхозакадемическая», площадь 428,47 га;**
- **природная историко-культурная рекреационная зона «Окунево», площадь 14 000 га;**
- **природная рекреационная зона «Черталы», площадь 1050 га; природная рекреационная зона «Ленево», площадь 1800 га.**

И эти сообщения буду появляться и далее. Наша область богата на природные достопримечательности.

ЗАКАЗНИКИ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

ВСЕГО ЗАКАЗНИКОВ

По состоянию на 01.01.96 г. в Омской области имелось 30 заказников (табл. 11.1), в том числе:

- 16 охотничьих (зоологических) по охране охотничьих животных, подчинены Управлению охотничьего хозяйства:

- 12 ботанических, из них 6 заказников потенциальных кадровиков и 6 заказников сосновых боров, организованных в 1995 году Управлением лесного хозяйства и облкомприроды:

- 2 комплексных заказника ("Верхоильинский" и "Пойма Любинская"), организованы в 1995 году облкомприроды.

Из 16 охотничьих заказников 2 -заказника федерального значения ("Баировский и "Степной"), 2 охотничьих заказника организованы в 1995 году ("Азовский" и Крутинский").

Школьные заказники

В литературных источниках Омских ученых-общественников фигурируют сведения о наличии на территории нашей области свыше 300 школьных заказников. Облкомприроды при анализе материалов по школьным заказникам удалось установить организацию (по постановлениям соответствующих органов) 102- заказников в 10 районах области в 1978-82 годах.

ОХОТНИЧЬИ ЗАКАЗНИКИ

Степной - крупнейший линник водоплавающей дичи в регионе. На осеннем пролете в нем ежегодно наблюдается концентрация различных пород гусей - более 40 тысяч особей.

Большеуковский - излюбленное место зимнего отстоя лося.

Баировский - место наибольшей концентрации лебедя - кликуна (более 3000 особей), многочисленных видов водоплавающей дичи, ондатры, копытных.

Бобровые заказники (Бергамакский, Тевризский, Туйский, Усть-Каинский, Усть-Куренгинский), кроме своего прямого назначения, являются местом обитания соболя, белки, норки, куницы, копытных.

Только в заказниках гнездятся беркут, орлан-белохвост, скопа и другие представители фауны, занесенные в Красную книгу Российской Федерации.

ЗАПОВЕДНИКИ

Заповедники - образцы нетронутой, дикой природы - по праву называют естественными лабораториями. Они особенно нужны нам сейчас, когда мы должны понять направления изменений природной среды под влиянием деятельности человека и отыскать пути наиболее бережного и разумного использования ее богатств. Такие образцы нужно вдумчиво и умело выбирать. И места для них отыскивали крупнейшие знатоки природы. Они отдали многие годы жизни этому делу и вложили в него всю свою душу.

ГДЕ БЫТЬ ЗАПОВЕДНИКУ «ОМСКИЙ»?

В соответствии с Указом Президента РФ от
02.10.92
г. N
1115
«Об
особо

охраняемых природных территориях в Российской Федерации» и решениями городских и областных организаций, намечено создание заповедника «Омский». Наша область - один из шести регионов России, в которых в 1993 году начаты работы по организации заповедника. На это Минприроды выделил миллион рублей. Однако остается открытым главный вопрос, вынесенный в заголовок материала. Вот несколько мнений.

Начальник областного управления охотничьего хозяйства Борис Иванович Мишкин считает, что озеро Тенис - лучшее место для заповедника. Там в летнее время обитает около 12 тысяч пеликанов (несколько лет назад их было всего десятков). Это самая северная в мире популяция пеликанов.

Охотовед Юрий Петрович Яров предлагает посмотреть место под заповедник на территории Большеуковского комплексного заказника, где есть медведи, лоси, рысь, кабан и другие звери. Из птиц - глухарь, тетерев, куропатка и т. д. Площадь - 192 тыс. га. Малонаселенные села - Решетино, Листвяги.

Ряд специалистов и любителей природы облюбовали северо-восточную часть Тарского района. Там также немало зверя и птицы таежной зоны.

М.Ильченко, начальник отдела охотуправления полагает, что самое подходящее «Лузинская дача», где есть сочетание лесостепной полосы с большим разнообразием растительного и животного мира. А главное - можно создать небольшой, но уникальный уголок природы, который могли бы посещать различные группы туристов, школьников, любителей природы.

Какое предложение более реальное - решать специалистам. Но при этом всем надо помнить, что территория заповедника исключает все виды деятельности человека: сельскохозяйственные работы, строительство, выпас скота, сенокос и т. д.

Организацией заповедника занимается Облкомприроды.

В. ЗЕНЗИН, журналист - редактор журнала «Природа Прииртышья».

О СОЗДАНИИ ЗАПОВЕДНИКА «ОМСКИЙ» В ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЕ ОБЛАСТИ

Исключительна роль заповедников в сохранении и восстановлении редчайших животных, растений, неповторимых ландшафтов. Благодаря им некоторые редкие

животные стали промысловыми, они дают нам сейчас пушнину, лекарственное сырье и другую ценную продукцию.

Заповедники нужны для составления научного прогноза изменений природной среды в дальнейшем, оценки влияния различных форм человеческой деятельности на природные комплексы и отыскания методов наиболее рациональной эксплуатации природных ресурсов. И как эталоны природных экосистем они требуют комплексного исследования.

Главным образом в заповедниках, в том числе и некоторых наших, были поставлены работы по международной биологической программе. Весьма примечательно, что один из выводов МБП, принятый при обсуждении итогов работы, гласил, что постановка исследований любой крупной экологической проблемы немыслима без анализа процессов, происходящих на заповедных экосистемах (поля, пастбища, искусственные леса и пр.) и отыскание приемов повышения их

биологической продуктивности невозможно без познания законов, действующих в естественных, нетронутых, охраняемых экосистемах. В связи с этим новая программа ЮНЕСКО "Человек и биосфера" придает заповедникам исключительное значение.

Российские заповедники, с первого момента их создания, предназначались "исключительно для решения научных и научно-технических задач страны". В этом специфика и принципиальное отличие заповедников от других форм охраняемых территорий как у нас, так и за рубежом.

Оберегая лесные массивы, имеющие водоохранное, почвозащитное или климатическое значение, восстанавливая и увеличивая численность ценных зверей и птиц, а также охраняя места линьки и зимовки водоплавающих птиц и нерестилища рыб, заповедники выполняют большие народнохозяйственные задачи.

Заповедники стали резервуарами редких животных и растений. Только благодаря заповедникам удалось сберечь реликтовые растения и таких эндемичных птиц и животных, как фламинго, белая цапля, турач, зубр, кулан, пятнистый олень, горал, бобр, выхухоль, калан, котик и многих других.

Заповедниками уже достигнуты значительные успехи в восстановлении численности и расширении ареала многих животных, в недавнем прошлом стоявших на грани полного уничтожения. В первые годы организации заповедников, их задачи и направления работы часто определялись как резервы особенно ценных животных, охрана и изучение которых были центральным вопросом. Так, Воронежский заповедник назывался бобровым, Хоперский - выхухолевым, Брагинский - соболиным, Кандалакшский - гагачьим и т.п. Позднее все они стали комплексными.

На территории государственных природных заповедников полностью изымаются из хозяйственного использования особо охраняемые природные комплексы и объекты (земля, вода, недра, растительный и животный мир), имеющие природоохранное, научное и экологи-

просветительское значение как образцы естественной природной среды, типичные и редкие ландшафты, места сохранения генетического фонда растительного и животного мира.

КРИТЕРИИ ЗАПОВЕДНИКОВ:

-выбираемые под заповедники территории должны быть в наименьшей степени изменены под влиянием хозяйственной деятельности человека;

-природные комплексы заповедников включают редкие виды животных и растений (или редкие экосистемы);

-заповедники служат образцами ландшафтно-географических зон;

-территории заповедников достаточны для обеспечения саморегуляции происходящих природных процессов;

-в первую очередь заповедуются "эталоны" тех

- ландшафтов, которым угрожает опасность исчезновения.

Основная задача заповедников состоит в строжайшей охране эталонов дикой природы соответствующей зоны и ландшафтов для сравнения и анализа тех изменений, которые вносит в природу человек.

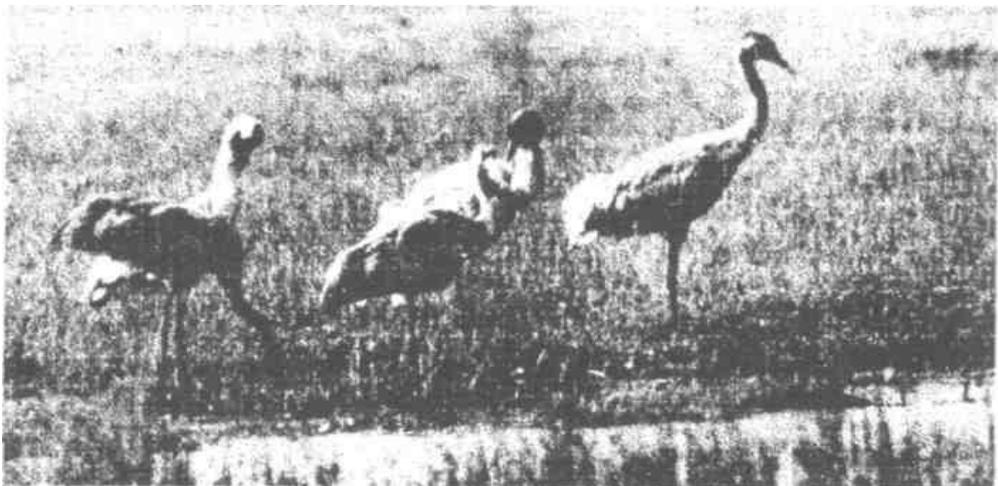
Необходимо помнить, что сбережение всех видов животных и растений, обитающих на земле, имеет важное научное и практическое значение. Это тот драгоценный генетический фонд, который может оказаться крайне необходимым человечеству.

Существует мнение, что в качестве заповедных территорий нужно выделять только участки нетронутой человеческой деятельностью природы, существующие в первозданном виде. Действительно, эти участки следует охранять в первую очередь, но такое представление о заповедности не совсем верно.

. Заповедником может стать любая территория, которую нужно сохранить как для изучения, так и в качестве примера, поэтому организовываться в таком виде могут и территории, которым нанесен значительный ущерб.

В таком случае они выступают в качестве полигона для изучения резервов природы по самовосстановлению.

На запрос Госкомэкологии РСФСР от 08.02.90г. "О разработке программы создания системы особо охраняемых природных территорий" Облкомприроды согласовал в апреле 1990 года с первым заместителем председателя Омского облисполкома предложения по "Программе развития системы особо охраняемых территорий Омской области", в которой предполагалась организация заповедника на территории Баировского государственного заказника в 2000-2005 годах на площади 57000 га и 09.04.90 г., и направил

их в Госкомэкологии РСФСР.

Решением совместной комиссии Омского областного и Омского городского Советов народных депутатов от 19.03.91 г. №60/ 3 "О ходе выполнения решения совместной сессии областного и Омского городского Советов народных депутатов от 22.08.90 г., "Об экологической обстановке в области и неотложных мерах по ее оздоровлению" предусмотрено создание в срок до 2000 года, с выделением на местности, Омского государственного территориального заповедника в лесостепной зоне. Ответственными исполнителями назначены облисполком, Облкомприроды, областное Управление охотничьего хозяйства, соответствующие райисполкомы.

Решение совместной сессии Омского областного и Омского городского Советов народных депутатов от 12.04.91 года № 115/4 "О введении платы за загрязнение природной среды на территории Омской области, об образовании и использовании экологических фондов" утвержден Омский государственный территориальный заповедник в лесостепной зоне. При этом оговаривались конкретные территории, на которых он должен размещаться.

Облкомприроды подготовил и согласовал 19.02.93 г. с первым заместителем главы администрации области предложения по организации на площади около 30000 га заповедника для включения этой территории в "Проект рациональной сети заповедников и национальных природных парков", разрабатываемый Минприродой России.

В мае 1993 - феврале 1994 гг. Центральной проектно-изыскательской экспедицией ЦНИЛ охотничьего хозяйства и заповедников Департамента по охране и рациональному использованию природного заповедника Министерства окружающей среды и природной среды "Омский". Было выполнено проектное обоснование и согласование с заинтересованными ведомственными службами, районными администрациями и землепользователями выделение территории под создание заповедника площадью 3311,8 га.

Согласования по проекту постановления Главы Администрации области об организации заповедника были получены в июле-августе 1993 года от всех заинтересованных областных ведомств, за исключением Управления охотничьего хозяйства. Но в октябре 1993 года эти согласования всеми, за исключением областного Управления лесами, были отозваны. Чем же это аргументировалось?

Заместитель начальника облсельхозуправления Р.Л. Иванов: "Пункт 1 проекта постановления исключить, поскольку в соответствии с действующим законодательством акты муниципальных органов управления не подлежат утверждению Главой Администрации области".

(Замечание не принципиальное - можно было всего лишь заменить слово "утвердить" на другое(ие).

Начальник управления сельского хозяйства Администрации области М.Д. Лыхенко:

- "Поскольку на территории предполагаемого заповедника существует государственный

республиканский заказник "Баировский", который решает все природоохранные вопросы, принимать постановление нет смысла".

Начальник отдела ветеринарии и Госветинспекции Ю.С. Притужалов:

- "...Заказник на своей территории не имеет редкие виды фауны и флоры требующие защиты. Кроме того, заказник находится в освоенной сельскохозяйственной зоне. Изъятие территории из сельхозоборота скажется на домашнем животноводстве и в случае расселения в создаваемом заповеднике диких животных, появится контакт с домашними животными через пастбища, что повлечет образование участков природно-очаговых инфекций. Это противоречит положению о заповеднике по сохранности территории в естественном состоянии всего природного комплекса".

Главный врач областного центра госанэпиднадзора Ю.Н. Басов:

- "Областной центр ГСЭН на основании многолетних зоологических и эпидемиологических данных считает невозможным организацию заповедника на территории Тюкалинского, Саргатского и Колосовского районов, находятся постоянно действующие природные очаги туляремии, омской геморрагической лихорадки и бешенства.

Создание заповедника повлечет за собой накопление источников инфекций, вынос их на соседние территории и появление заболеваний среди населения. Закрытая территория заповедника не позволит регулировать численность основных источников природно-очаговых заболеваний.

Письменное разрешение на размещение заповедника, выданное ранее главными врачами центров ГСЭН Тюкалинского, Саргатского и Колосовского районов отменяю".

Начальник областного Управления охотничье-промыслового хозяйства Б.И. Мишкин

- "...В настоящее время предпринимаются попытки комитетом по охране природы создать на территории республиканского зоологического комплексного заказника "Баировский" заповедник, ссылаясь на исследования, которые не проводились, нет заключения специалистов-охотоведов, нет научной обоснованности. Создание заповедника повлечет запрещение всей хозяйственной деятельности: посев зерновых, пастьба скота, сенокосение и др. сельскохозяйственные работы, что недопустимо на данной территории...

Полевые исследования, заключения специалистов-охотоведов, научная проработка обоснованности создания заказника проводились на территории области в период с мая по октябрь 1993 года и с областным управлением охотничье-промыслового хозяйства и егерской службой на местах эти вопросы согласовывались, иначе при выполнении работ у разработчиков Проекта организации государственного природного заповедника возникли бы "инциденты". Да и сам проект разработан Центральной проектно-изыскательской экспедицией ЦНИЛ охотничьего хозяйства и заповедников Департамента по охране и рациональному использованию охотничьих ресурсов МСХ РФ...

В то же время, если у комитета по охране природы имеются свободные финансовые средства, то их эффективнее направить на охрану кедровых лесов области, которые подвергаются ежегодным вырубкам, сохранение и обустройство "Птичьей гавани".

Председатель комитета по земельным ресурсам и землеустройству области А.Г. Баскаков

- "Нет смысла в гос. заказнике делать заповедник. Подобрать другую территорию".

Генеральный директор объединения "Омскмежхозлес" В.А. Карпов: "Нет смысла создавать на территории госзаказника".

Утверждения в двух последних согласованиях весьма сомнительны. Создание заповедника "...на территории госзаказника" ни в коей мере не противоречит принципам охраны природы, ведь статус охраняемой территории повышается. Да и участок, намеченный под создание заповедника, составлял всего 3312 га, или 5% от площади заказника "Баировский" (64831 га).

Письмом Облкомприроды от 04.02.94 года № 09-10/156 у 7 областных организаций были запрошены "...замечания и дополнения к проекту Программы мероприятий по созданию и развитию системы охраняемых природных территорий Омской области на период до 2000 года, а также мнение о предложении по организации государственного природного заповедника "Омский".

Запросы были направлены в Омское землеустроительное предприятие ЗапСибНИИГипрозем; Управление лесами Омской области; Омский НИИ природноочаговых инфекций; Областное общество охотников и рыболовов; Управление охотничьего хозяйства; Управление "Омскводресурсы"; Комитет по земельным ресурсам и землеустройству Омской области. Ответы были получены из 5 организаций.

В целом управление "Омскводресурсы" поддерживает проект Программы мероприятий по созданию и развитию системы охраняемых природных территорий Омской области на период до 2000 года, и в частности по организации государственного природного заповедника "Омский".

Управление лесами Омской области

:- "Управление лесами не имеет замечаний к проекту Программы мероприятий по созданию и развитию системы охраняемых природных территорий Омской области на период до 2000 года. Создание государственного природного заповедника "Омский" обоснованно и необходимо для сохранения в естественном состоянии

участка лесостепной зоны в качестве эталона "Комитет по земельным ресурсам и землеустройству Омской

области: "Принятие программы мероприятий по созданию и развитию системы охраняемых природных территорий Омской области на период до 2000 года и организация государственного природного заповедника "Омский" позволит организовать управление, ведение кадастра и мониторинга охраняемых природных территорий".

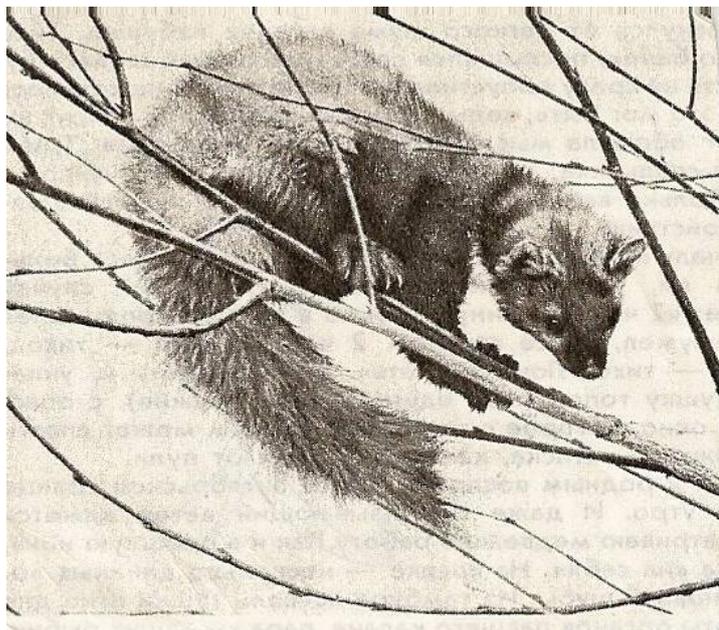
Омское землеустроительное предприятие ЗапСибНИИГипрозем:

- "Омское землеустроительное предприятие ЗапСибНИИГипрозем рассмотрело проект Программы мероприятий по созданию и развитию системы охраняемых природных территорий Омской области на период до 2000 года и считает этот документ актуальным и своевременным".

Омский НИИ природно-очаговых инфекций: указывает на "...нерациональность..." организации заповедника в "...предлагаемом месте..." и "...нецелесообразность организации заповедника..." в "...северо-восточной части области..." в "...п/зоне южной тайги".

Указом Президента РФ от 10.10.95 года "№ 1032 утверждена Федеральная целевая Программа государственной поддержки государственных природных заповедников на период до 2000 года. Программа предусматривает (согласно распоряжению Правительства РФ от 23.04.94 года № 572-р) организацию до 2005 года заповедника "Омский", в лесостепной зоне Омской области, площадью 30000 га.

Во исполнение этого документа последовало Указание Главы Администрации области проработать его. Письмом Облкомприроды от 25.10.95 года № 09-11/1885 от вышеупомянутых областных организаций, а также от ОООиР и Инспекций рыбохраны были запрошены предложения о территориальном размещении заповедника. Откликнулись: Комитет по земельным ресурсам и землеустройству и Управление охотничьего хозяйства администрации Омской области.

Облкомзем:

- "1. На базе Баировского заказника (Тюкалинский, Колосовский, Саргатский районы). 2. На территории заказника "Любинский" (Любинский район). 3. Урочище Батаково (Большереченский район)."

Управление охотничьего хозяйства предложило

- "...организовать заповедник "Омский" на озере Тенис Крутинского района в той его части, где обитает "кудрявый пеликан" ...площадью не более 10000 га".

На повторное письмо Облкомприроды от 01.04.96г. № 09-11/ 543 ответили несколько инстанций. "Омскмежхозлес":

- "Заповедник "Омский" можно организовать на территории Баировского заказника республиканского значения. Заказник имеет площадь 57000 га и на этой территории можно выбрать 30000 га для организации комплексного заповедника "Омский".

ООООиР: "Омское областное общество охотников и рыболовов предлагает организовать заповедник на территории Омского района, площадью 40000 га, в границах: северная - по границе с совхозом Петровским;

- восточная - по границе с Кормиловским районом до нефтепровода; южная - по нитке нефтепровода до трассы Омск-Муромцево; западная - по трассе Омск-Муромцево до границы с совхозом Петровским";

Омское Управление лесами: "По организации заповедника "Омский" управление предложений не имеет";

Главное Управление сельского хозяйства и продовольствия Администрации области: "...Управление неправомочно вносить предложения по организации и размещению заповедников".

Омская областная инспекция рыбоохраны:

- "...Инспекция рыбоохраны сообщает, что не возражает против создания такого заповедника в лесостепной зоне".

Можно возразить, что с созданием заповедника, никто в экономическом плане ничего не приобретет, а потеряют многие - местные жители, ресурсные ведомства, хозяйственные предприятия. Поначалу так, скорее всего, и будет. Но при умело поставленной работе по экологической пропаганде, под ключению средств массовой информации, рекламе, просвещению можно приобрести гораздо больше как в экономическом, так и в патриотическом смысле. Рано или поздно мы поймем, что иметь на своей земле заповедник (природный парк и т.д.) не только престижно, но и выгодно.

Таким образом, к настоящему времени есть принципиальное согласие всех заинтересованных областных ведомств и организаций и конкретные предложения (от 6 организаций) о местоположении заповедника. Имеется и нормативно-правовая база от областного до федерального уровней. Осталось определиться по конкретному участку (участкам) лесостепной зоны области и согласовать его со всеми заинтересованными сторонами.

(Авт. Материал для журнала «Природа Прииртышья» подготовлен при содействии специалистов Госкомэкологии),

Раздел третий **Особо охраняемые экологические территории области**

Одновременно с указом 2017г. о «ГОДЕ ЭКОЛОГИИ В РОССИИ» вышел указ о особо охраняемых экологических территориях. Я бы лично половину территории Омской области включил в эти «особые территории».

Особо охраняемые природные территории

Степной

государственный природный заказник
Черлакский Оконешниковский районы - 75000 га.

Баировский

государственный природный заказник
Колосовский Саргатский Тюкалинский районы - 57000 га.

Птичья Гавань

природный парк
г. Омск - 113 га.

Пойма Любинская

государственный природный заказник
Любинский район - 1413 га.

Аллапы

государственный природный заказник
Муромцевский район - 118370 га.

Заозёрный

государственный природный заказник

Большеуковский Крутинский районы - 233400 га.

Килейный

государственный природный заказник

Большеуковский район - 129465 га.

Озеро Эбейты

государственный природный заказник

Москаленский Полтавский Исилькульский районы - 10000 га.

Амринская Балка

государственный природный заказник

Москаленский Полтавский районы - 460 га.

Лузинская Дача

государственный природный заказник

Любинский район - 30400 га.

Пеликаньи Острова

государственный природный заказник

Крутинский район - 250 га.

Надеждинский

государственный природный заказник

Большереченский район - 30446 га.

Высокий Увал

государственный природный заказник

Саргатский район - 33780 га.

Приграничный

государственный природный заказник
Называевский район - 70860 га.

Дендропарк им. П.С. Комиссарова

памятник природы
Омский район - 7 га.

© Экологический вестник

Год создания	Наименование	Место расположения (район)	Профиль	Площадь, га
Особо охраняемые природные территории федерального значения				
<i>Государственные природные заказники</i>				
1959	«Баировский»	Колосовский, Саргатский, Тюкалинский	зоологический	57 000
1971	«Степной»	Оконешниковский, Черлакский	зоологический	75 000
Особо охраняемые природные территории регионального значения				
<i>Природный парк</i>				
2008	«Птичья гавань»	г. Омск	-	113,05
<i>Государственные природные заказники</i>				
1995	«Пойма Любинская»	Любинский	комплексный	1 413
2005	«Аллапы»	Муромцевский	зоологический	63 820
2005	«Заозерный»	Большеуковский, Крутинский	зоологический	233 400
2005	«Килейный»	Большеуковский	зоологический	129 465
2012	«Озеро Эбейты»	Москаленский, Полтавский, Исилькульский	комплексный	10 000

2012	«Амринская балка»	Москаленский, Полтавский	комплексный	460
2012	«Лузинская дача»	Любинский	зоологический	30 400
2013	«Пеликаньи острова»	Крутинский	зоологический	250
2013	«Лесостепной»	Калачинский, Оконешниковский	зоологический	57906,6
2013	«Высокий Увал»	Саргатский	зоологический	33779
2013	«Надеждинский»	Большереченский	зоологический	30446
2013	«Приграничный»	Называевский	зоологический	70860
2013	«Озеро Ленево»	Муромцевский	комплексный	125
Памятники природы				
2011	«Областной дендрологический сад»	г. Омск	ботанический	18,59
2008	«Дендропарк имени П.С. Комиссарова»	Омский	ботанический	6,59
2012	«Берег Черского»	г. Омск	геологический	10
Особо охраняемые природные территории местного значения				
Заказники				
1980	«Бобринский школьный лесной заказник»	Нововаршавский	ботанический	6
1980	«Победовский школьный лесной заказник»	Нововаршавский	ботанический	6
1980	«Новороссийский лесной заказник»	Нововаршавский	ботанический	7
Памятники природы				
1989	«Зеленая роща»	Большеуковский	ботанический	1466

1998	<u>Урочище «Танина роща»</u>	Москаленский	ботанический	708
1980	<u>«Ива белая»</u>	г. Омск	ботанический	0,001
1980	<u>«Яблоня сибирская»</u>	г. Омск		0,001
1984	<u>«Фрунзенский водно-ботанический культурно- оздоровительный памятник природы»</u>	Тарский	гидрологический	400
1984	<u>«Междуреченский водный памятник природы»</u>	Тарский	гидрологический	40
1984	<u>«Красноозерский водный памятник природы»</u>	Тарский	гидрологический	40,1
1984	<u>«Иргутский ботаническо- зоологический памятник»</u>	Тарский	гидрологический	114
Иные категории				
2007	<u>«Восточная роща»</u>	г. Омск	ботанический	28,6
2009	<u>«Природный комплекс «Верхнеильинский»</u>	Черлакский	комплексный	1 063
2012	<u>«Природная территория «Дробышево, озеро Акча»</u>	Нововаршавский	комплексный	148,6
2013	<u>«Природная территория «Калачинск, озеро Калач»</u>	Калачинский	комплексный	20

2015	<u>"Природный рекреационный комплекс "Прибрежный"</u>	г.Омск	-	286,26
------	---	--------	---	--------

Эти материалы и определения особо охраняемых экологических территорий в количестве 34, представленных на 2015 год, менялись в течении 25-30 лет. Одни убирались из списка. другие добавлялись

Глава №4 «ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК» - основная тема моего творчества.

«Свой край люби и знай... и охраняй... и не бросай...» - это можно поставить эпиграфом ко многим моим книгам!

За долгие годы работы в литературе я не сотрудничал с газетами и журналами, не состоял членом редколлегии или организационных бюро по изданию общественных книг. Я всегда сторонился участия в конференциях и в презентациях авторов разных поколений. Не являясь членом общественных союзов, не имел выхода на более широкое предоставление своих книг. Я всегда был один в буквальном смысле, не имея голоса при решении обще областных литературных проблем.

С этой точки зрения- я никто. И не могу не повторить слова Владимира Сокола: *«Нет школ никаких. Только совесть, да кем-то обещанный дар...»*. Но у меня в творческой работе за многие годы были два человека, с которыми я общался с большим уважением.

Т.М. Белозёров и В.А. Макаров

Теперь мне особенно памяты годы и дни когда я в конце семидесятых и начале восьмидесятых встречался с этими людьми: Тимофеем Максимовичем Белозёровым и Владимиром Александровичем Макаровым, с ведущими поэтами города Омска и Сибири (*а Тимофей Белозёров в последствии стал одним из ведущих детских поэтов России*)

. С Тимофеем Белозёровым имел несколько встреч в редакции «Омская правда», где тот принимал молодёжь для консультации по литературе. К нему меня привёл мой друг по охоте Геннадий Шмаков, имеющий несомненную литературную одарённость, но не имеющий абсолютно никакой подготовки для писательской работы. Но тем не менее, его стихи на охоте, стрелковом стенде и просто в домашних встречах пользовались у всех окружающих

всеобщим одобрением. (Позднее он был принят в члены омского отделения Союза писателей). И я помню, как в той встрече, он передал Тимофею Максимовичу несколько рукописных стихов (готовилась публикация подборки стихов на страницах газеты) и получил в ответ, что на этот раз Геннадий не будет напечатан. Но вместе с тем Белозёров, просматривая стихи, сказал: *« вот очень замечательная строчка.. Через солнце прёт метель....»*. Геннадий не выдержал и сказал, смеясь: *«ну, напечатай хоть эту строчку, а то не буду врезать замок в дверь твоего гаража. (У Тимофея на тот момент был старенький «Москвич»)*.

Белозёров, взяв в руки мою подборку стихов, бегло просмотрел и сказал: *«Там пришли ко мне и сидят в коридоре двое студентов, я с ними должен побеседовать, а с тобой у меня будет отдельно долгий и серьёзный разговор. Позвони на днях, договоримся о встрече...)*.

Через несколько дней мы встретились, и вдвоём долго говорили о необходимости предстоящей большой моей работе над стихами. Я прихватил с собой газету «Молодой Сибиряк» от 1963 года, где была напечатана большая подборка моих стихов редактором газеты Владимиром Пальчиковым, уже известным поэтом, приехавшим недавно к нам в Омск.

Просмотрев газету, он одобрил стихи, но сделал два замечания по тексту, одно из которых особенно существенное, где нужно было заменить: /и задыхаясь, он в дыму/ на /вёл в наползающем дыму/. В другой, детской моей подборке он выделил несколько стихов, сделал три правки и предложил напечатать в газете. Я отказался, сказав, что я готовлю первую книжку и как будет готов макет, я сразу приду и покажу... На том и расстались...

Шло время. У меня абсолютно не было времени для написания стихов. Работа в большом учебном заведении завкафедрой, на которой в подчинении было 6 преподавателей и 5 тренеров, масса всяких спортивно-массовых мероприятий, почти ежедневные свои тренировки по стрельбе и частые выезды на учебно-тренировочные сборы и соревнования, не оставляли ни времени, ни физических сил. А к тому же в осеннее время частые выезды на охоту, которая для меня была превыше всего, забирала все мои эмоциональные страсти. Плюс семейные заботы, воспитание сына и дочери. Да ещё позднее добавилась покупка дачи, с её бесконечными заботами.

Я с Тимофеем Максимовичем продолжался изредка встречаться, даже дважды брал его с собой на охоту. У меня бала новенькая машина «Жигули», у него старенький

«Москвич». Конечно, ехали на моей машине. На охоте читал ему свои охотничьи стихи, которых у меня было предостаточно. Ему понравились стихи про зверей, особенно про волков и он попросил сделать распечатку и подарить ему. Я сделал и отдал ему. Вот она:

ВОЛЧИЙ ВОЙ

Лунный
свет...
Хруст
морозный,
печальный,
на снегу
лап огромных
следы.
Волчий вой
от болотины
дальней

наплывает в
просвет городьбы.

Под
навесом –
скотина в
сарайке.

Пар над
крышей в
солومه
встаёт.

И
Мурзилка

-
отменная
лайка, чуть
визжа,

сзади робко
бредёт.

Я с
берданкой,

пацан
деревенский,

обхожу
сеновал,
огород.

Рядом –
лес,
затаились
деревья.

Сорок
третий,

военный,
год...

ВОЛК В МАРТЕ

У волка впалые бока,
шерсть дыбом на загривке,
в глазах два злобных огонька.
Клыки открыты с рыком.
Роняя пену с языка,
волк рыщет ночь по насту...
Я слышу вой издалека
и знаю: он к несчастью.

СОХАТЫЙ

Ноги обдирая о чарым,
пятится, стремится в рям
сохатый.
Волчья стая бросилась за ним,
вмиг – три зверя на спине
покатой.
Пал он в снег, спиной их давит
в наст,
бьет копытами!... Вскочил
на ноги –
сбил рогами двух матерых
враз...
И прыжком махнул через
дорогу...
Долго рям валежником трещал,
сгрудившись, лизали волки
раны...
Головой уткнувшись в снег,
лежал

их вожак, подергиваясь
странно...

Вечерний снег во тьме
мерцает
холодным отсветом зари,
а вдоль поскотин волчья
стая
обходит задние дворы.
Вожак поджарый носом
водит,
крадётся- и на крышу
сходу!
Овчарник сверху
разгребает...
За ним врывается вся стая...
... В деревне слышен лай
собак,
и окна светом загораются...
Но зверь бесстрашен
натошак,
тем более большими
стаями.

ВОЛЧЬИЙ ВЫВОДОК

Зыбь болотная
тяжко вздыхает.
Спит деревня
Буслы, а за
ней
в черной
балке
волчица
хромая
ходит с
выводком в
хмаре
ночей.

Злобно тени
при звездном
дрожанье
подступают
в плотную к
дворам,
раздается
волчат
завыванье,
визбах свет
мельтешит до
утра
На охоте
осенней на
птицу,
у деревни
пустой
Шатайлы,
видел серых
волчат я с
волчицей,
На
мгнов
оенье
Возни
кших
Из
мглы.

МАРТОВСКОЙ НОЧЬЮ

В лесах – чарым, жестокий снег...
Пастись косякам худо,
и что ни шаг – то с кровью след...
В сугроб ложатся грудью...
И стайкой медленно бредут
к жилью, на огороды,
а сзади – вой...
Их здесь спасут,
накормят, в лес проводят...

При очередной встрече Тимофей похвалил стихи и попросил написать что-нибудь для детей. Я написал. Прочитав, он был в восторге:

В ЛЕСУ ЗИМОЙ ХОЛОДНОЙ

(сказка)

В лесу зимой холодной
жил зайчика один,
а рядом зверь голодный
на цыпочках ходил.
У зверя были зубы
страшней, острее ножа -
и зайчика в испуге
и день, и ночь дрожал...
А зверь тот был - волчонок,
один он также жил,
хотел он, чтоб зайчонок
как с братом, с ним дружил.
Он крался за зайчиком,
его оберегал,
к нему он ночью темной
погреться прибежал.
Они играли в прятки...
Где был лесоповал,
кору осины сладкой
тот и другой глодал...
Но вот однажды ночью,
когда взошла луна,
явилась стая волчья -
и взвыла тишина.
И зайчика в испуге
упал - ни мертв, ни жив.

Волчонок встал за друга,
его собой прикрыв.
Взбесилась волчья стая,
сообща волчонка - хватить!
Рыча, топча, стараясь
на части разорвать!
А в это время зайчика
запирался в норе...
И стая волчья злая
ушла лишь на заре.
Когда же развиднело,
то зайка из норы
увидел отсвет белый
березовой коры.
Он понял, что он жив!
И вылез из оврага -
запрыгал, закружил..

Но вмиг исчезла радость.
....Пред ним возник волчонок,
хромая и скуля,
по снегу полз к зайчику,
хвостом чуть шевеля.
И зайка - прыг к волчонку,
заплакал, задрожал.
И раны ему долго
лизал, лизал, лизал...

*** Придя домой от Тимофея Максимовича, я долго раздумывал о назначении поэзии взрослой и детской. Его слова: «*Писать для детей нужно очень хорошо, даже лучше, чем для взрослых...*» - трудно укладывались в моей голове. И я распечатал ещё два стиха про волков и при встрече с ним сказал: «Взрослые стихи всё же имеют более глубокий смысл, пишутся труднее, а потому и важнее...»

Волк в капкане

Клыки оскалив, злобы взглядом
волк видит алый,
с кровью снег...
Нога в капкане, с цепью рядом-
чурбак. .. И запах-человек?!
Рыча, клыками гнёт железо...
прыжок вперёд-тяжёл чурбак!..

капкан сильнее ногу режет...
Сочится кровь...
Вот лай собак!..
И недалёк уже охотник.
... Вновь волк клыками рвёт капкан,
грызёт и ногу-
с шерстью, с костью...
От боли и от крови пьян!..

Ещё скачок со страшной силой! -
Капканом лапу откусило!..
И волк на трёх ногах, прыжками,

исчез за плотными кустами.
д. *Шайталы*.

А здесь волк остался в капкане

:

ВОЛК
Его поймал в капкан охотник.
Набросив сетку, как в мешке,
тащил верст десять по болоту...
Потом повез в грузовике...
Потом на поезде... И вот -
волк в цирке месяц уж живет.
На войлоке, в железной клетке
встречает мрачные рассветы...
Он пищу не берет с подноса,
и не скулит, и не рычит -
хоть дрессировщик кнут
подносит,
размахивает и грозит...
Волк похудел - одни лишь ребра,
да взгляд горящий, ярый, злой...
Медведь-сосед с улыбкой
доброй
советует: не будь такой.
Все звери в цирке - тоже звери,
а за заботу и доверье

выходят на манеж с охотой,
забыв поля, тайгу, болота...
Но исподлобья волк глядит,
медведю грустно говорит:
“Какое это унижение -
здесь умер тигр от ожиренья!...
И от тоски тот бегемот
кричит, что скоро он помрет...
Нет, лучше буду всем врагом,
чем за кусок вилять хвостом!..
Я не хочу смотреть на суку,
что клоуну вон лижет руку...
Пусть обезьяна ест объедки, -
вот тетя та, ей - как соседка.
Кто на кого похож – не ясно...”
Медведь кивал, он ждал
согласья...
... Но волк подох - то был, не
сказка.

Прочитав стихи, Тимофей Максимович частично согласился со мной, а в то же время поратовал за детские стихи. Так в разговоре каждый остался при своём мнении. Я, проявляя явное нахальство, в шутку заявил: *«Ты из детского писателя до взрослого ещё не вырос пока, потому так и рассуждаешь...!»*

Я много раз мысленно потом возвращался к этому разговору, ругая себя за бестактность.

В следующий раз я показал ему стихи про зайчишек:

БЕЛЫЙ КОЛОБОК
Ахают морозцы
над притихшим лесом,
и снежок скрипит
под валенком моим,
старую берданку
на плечо повесив,
я иду по зимнику
шагом молодым!
А из колка в колок
(я давно приметил)
катится бесшумно

белый колобок,
то в кустах исчезнет,
то мелькнет меж веток –
след за ним веселый:
скок да скок...
Вот он на опушке
сел на лапках задних,
свечкой приподнялся,
уши наострил...
Думает, наверное:
ну задачу задал,
напетлял, напутал –

всех перехитрил!?
Невдомек зайчишке,
что в снегу глубоком
след от лапок быстрых
тянется за ним,
да еще просмешница,
сорока - белобока,
кружит и стрекочет,
выдает чужим.
Я иду не слышно,
я деньком доволен,
обхожу кудрявый,
в инее лесок –
впереди опять
в широком, чистом поле
катится веселый,
белый колобок

ПУГЛИВЫЙ ЗАЙЧОНОК

Вышел месяц из-за
туч,
осветил поляну.
Меж березок резкий
луч
на зайчонка глянул.
Тот проснулся:
ночь ли, день? –
не поймет спросонок.
От деревьев всюду
тень,
выпь в болоте стонет.
Шмыг зайчонок от
берез
к свету, на опушку,
крутит, вертит всяко нос
–
ушки на макушке...

Месяц травы
серебрит
и дорожки стелет,
а зайчонок все дрожит...
тишине не верит...

ЗАЯЦ-БЕЛЯК

Месяц из-за тучки показался.

В небе темном – проблески
зари.

Холодно в лесу и страшно
зайцу

– шерсткой белой на снегу дрожит.

– Ночь длинна для зайца-беляка,

– он, вскочив, бежит вокруг леска.

Чу!.. Вот сбоку – свежий след

лисицы:

где она, среди каких кустов?..

И зайчишка
прочь,
подальше,
мчится,

а за ним – следы
больших
прыжков.

Впереди плетни
и огороды,

лай собак – и
здесь не

в первый раз

от лисиц защиту он
находит...

Светят окна

в избах
сотней
глаз...

Тимофей похвалил меня за отличные стихи, сказав, что они понравятся и детям, и взрослым. Но как и положено мэтру, сделал кое-какие замечания.

Они относились к тому, что я отлично знаю природу, а мне нужно добавлять в своём творчестве побольше фантазии, волшебства, сказочности, как в этих стихотворениях. И добавил: «твоя доскональная познация в Природе, тебе только иногда мешают в творчестве, они ограничивают кругозор, ожесточают действительность.», и привёл яркие примеры обратного из своих сказочных стихов, с такими гениальными строчками, как: *«плакала Снегурочка, зиму провожая... Там, где шла и плакала, трогая берёзы, выросли подснежники- Снегурочкины слёзы!!»*. Или - *«то не град летит на землю, а осколки хрусталя...»*

Я ничего не ответил, внешне соглашаясь с ним, а про себя подумал: *«Нет, в любом случае, каждый литератор должен оставаться самим собой... Иметь свои темы. Писать то, что подсказывает сердце. И чёткие, пусть и не волшебные слова, ему бывает нужнее.»*

С той встречи прошло много времени, случилось это в 1992 году, уже когда не стало Тимофеем Максимовичем. В Областном комитете Охраны Природы А. Кулинич, секретарь Правления Союза журналистов, вручал премии по итогам года. Среди лауреатов был и я, подаривший ему свою первую книжку «Гори, охотничий костёр». А. Кулинич тогда работал главным редактором газеты «Коммерческие вести». Через несколько дней от него раздался звонок с предложением мне сделать материалы на целую большую страницу, под заголовком: «Природа и мы». Я дал согласие. Вместе с ответственным секретарём газеты мы подготовили разносторонний материал, который начинался с информации о бережном отношении человека к природе, о том, что веточка клубники даёт ягоды не сразу, а нужно определённое время (ждать целые годы); что на месте костра или пожара не будет несколько лет растительности; что вспаханный участок поля уничтожит кустарник и цветы и т. д. То есть любое грубое вмешательство человека в природу, наносит ей непоправимые потери.

На большой, широкоформатной странице поместились материалы о заказниках и заповедниках Омской области, большое количество моих стихов и рассказов. А стихотворения «Волк», «Смерть медведя» и рассказы о браконьерских охотах из-под фар на зайцев и косуль подобрал для печати сам А. Кулинич. Сказав об этом: *«Вот это то главное, что нужно теперь... В них - твоя активная жизненная позиция.»*

Особенно отметил стихотворение «Волк».

Позднее, примерно лет через десять о стихотворении «Волк» зашел случайный разговор в редакции газеты «Вечерний Омск», куда я по обыкновению зашёл в кабинет главного редактора Юрия Бережного, с которым после работы часто играл в шахматы. В кабинете сидело несколько главных редакторов других газет (оказывается, только что закончилось совещание Совета директоров). Так вот, Ю. Бережной сказал, что в июле в который раз компания присутствующих редакторов собирается на недельку в отпуск выехать в тайгу, в Муромцевский или

Чем ему по нраву я?

Прочитав, Тимофей Максимович спросил: «...а какую роль играли грибы для тебя в твоей деревне, коль так любовно их описываешь...». Я задумался. Не знал что ответить. Но придя домой, вспомнил стихотворение, написанное очень давно:

По прокосам

на тихих опушках

я по краешку леса иду...
Словно сестры,
белеют волнушки
горделиво на самом виду.
На дары край родимый не беден,
и грибы –
хоть литовкой коси,
этот выход,
пожалуй,

последний-
на прощанье ты их собери.
Собери
и в корзине старинной,
что когда-то из ивы
плел сам,
отнеси их
больной Акулине,
так любившей
ходить по лесам.

Этого стихотворения не было среди переданных Белозёрову стихов. Его я держал как бы в тайне, потому как после давнего написания стиха, почти в одно и то же время, я привёз в Солдатку свою маму после посещения многих городских больниц. Мать имела последнюю стадию рака, врачи отказали в бесполезном лечении. Категорически отказываясь остаться в городе у меня, она попросила отвезти её на родину. Она решила умереть в своей деревне.

Я часто летом приезжал в Солдатку, где она доживала последние дни у дальней родственницы. В один из тёплых дней августа мама попросила свозить её в лес, сказав, что в эти дни наверняка появились сырые грузди. Посадив её, еле передвигавшую по двору, в машину, через десять минут был уже в грибной «Захаровой роще». Выбравшись с трудом из машины, мать сделала всего несколько шагов, и сразу наклонившись, сорвала большой груздь. Прижав его к лицу, прикасаясь губами, она долго стояла не двигаясь и плакала. Крупные, светлые слёзы текли и текли по её впалым щекам. Я замерев, боялся пошевелинуться...

Не зная почему, но совсем редко стал встречаться с Тимофеем Максимовичем. Помню, как в печати появилось его прекрасное стихотворение «Люблю Иртыш в вечерние часы...». Незадолго до этого я подарил ему небольшую подборку «Птичьи голоса», где было такое моё стихотворение:

ХРОМОЙ КУЛИК
Лес обнажился... Стынут
дали
с поблекшим лугом и
рекой.

Хромой кулик, отстав от
стаи,
все кружит, плачет надо
мною...

Присел на отмели
песчаной,
где в волнах плавится
закат,
между камней исчез
печально –
сам будто в чем-то виноват.
река Камышовка.

При встрече позднее, я высказался похвально о его стихе про Иртыш, но напрямую сказал, что рифма «прощальный и печальный» очень плоха, даже абсолютно не подходит по всем параметрам. Вот она - /с музыкой прощальной /и куличок, как будто всем чужой, заплакал вдруг на отмели печально.../Вот в моём стихе «прощальной - песчаной» куда более убедительно и органично. И я убедил вроде бы Тимофея в этом, и он обещал изменить, поставить в стих «на отмели песчаной». Но стихотворение в разных печатных изданиях стало появляться снова со старой рифмой, без изменений. И я подумал: «вот как великие не хотят признавать своих ошибок, а тем паче что- то менять в своих творениях». Недавно в журнале «Литературный Омск» № 26 поэт Владимир Новиков, близкий друг Тимофея, в статье «Прощание с пароходами» описал, как при нём писался этот стих и был посвящён именно ему. Ну что же, может я был не совсем прав...

В последние годы жизни Белозёрова, я почти совсем не встречался с Тимофеем Максимовичем, да и супруга его, оберегая покой очень тяжело больного мужа, оградила его от всевозможных встреч. Всего один раз, и то в больнице мне удалось с ним встретиться, о чём я написал в предисловии книги «Прииртышье, край любимый», посвящённой памяти Т.М. Белозёрова.

Недавно, в январе 2020 года, известный литературовед Вадим Михайлович Физиков выпустил книжечку стихов Т.М. Белозёрова из серии «омские поэты Лукоморья». Мы, сидя в центральной библиотеке им. Пушкина, разговорились о книжечке, о творчестве поэта. Вадим Михайлович, показывая последний, прощальный стих Белозёрова, сказал что стих посвящён именно ему. И прочитал. Я этот стих знаю и уловил в стихе неточности, на что обратил внимание собеседника: /Мать-земля, моя родная, /подари, когда умру/ уголок земного рая/ с деревушкой на ветру/ и т.д. В последнем четверостишии я указал на неточности Тимофея Максимовича, где вместо /принеси мне из ночного/освещённого луной/ на крыле дымка седого/слово сказанное мной/.. а надо бы -/освещённого костром/ /сны о детстве дорогом/. *На это Вадим Михайлович слово в слово повторил слова, сказанные мне когда-то Тимофеем: «ты очень здорово знаешь и чувствуешь природу, и Белозёров в этом уступает тебе. Но у него в этом стихотворении есть изюминка -окончание /слово, сказанное мной/.*

Я согласился. Да, Тимофей Максимович -волшебник, сказочник. И этим сказано всё.

XXX.

И сегодня, оглядываясь в прошлое, я понимаю, сколько же он помогал мне и другим омским поэтам в становлении творческой личности, в поисках своего литературного пути. Здесь я расскажу о втором мне близком человеке, который также оказал большое влияние на моё творчество. Это был Макаров Владимир Александрович, который также первоначально проходил поэтическую школу у Тимофея Максимовича Белозёрова. а со временем, после его ухода из жизни, являлся ведущим поэтом города.

С Владимиром Макаровым я впервые встретился на творческой встрече в одном учебном заведении, где вместе с ним выступал прозаик Владимир Чешегоров, ставшим позднее известным омским литератором-журналистом. После встречи состоялось небольшое застолье, во время которого я прочитал Макарову пару своих стихов. Он высоко их оценил и назначил встречу у себя дома с желанием полнее посмотреть моё творчество. На встречу я принёс около двух десятков стихов, которые он внимательно прочитал и предложил помочь мне в подготовке к изданию собственной книги, которых у него к тому времени уже было несколько штук. Я, поблагодарив его за предложение, сказал что хочу повременить. И это затянулось. Издание книги произошло через десяток лет. Книга называлась «Гори, охотничий костёр», небольшую рецензию в газете «Омская правда» написал к ней Владимир Макаров, а на Омском радио её представил Владимир Чешегоров, работавший там на то время в экологической передаче «Зелёный луч».

Однажды я был свидетелем, как при мне Макаров дорабатывал известное своё стихотворение «Доктор Чехов». Редакция одной из газет отказалась его печатать, ссылаясь на негативные строчки об умирающем крестьянине, такие как «...доктор, я ещё не старый, / мне лишь сорок лет.../» и особенно окончании стиха, где доктор : «*Смертный лист на всю Россию / заполняет он...*» / (прим. когда то больничный лист назывался «смертный»). Первоначальный вариант стиха был замечателен, а после долгой правки осталось посредственность. И такое с ним было не раз. Насколько жесткими были раньше редакторские требования я знал давно, но они касались прежде всего очень правдивых авторов. И то, что я следовал девизу: «Писать правду и только правду», не давало мне возможности печататься при советской власти, да и в наши свободные времена всё равно за «Правду» я получаю иногда большие шишки. Встречи с Владимиром Макаровым в течении многих лет обогащали меня примерами высокого творческого накала, где Макаров находил важнейшие, точные слова, как: «*здесь на могиле дедовой / с роднею. побеседую...*», / или - «*земля, которая в горсти / и по которой крест нести...*» / И ещё разные ключевые выражения или как принято говорить «*железки*».

За многие годы жизни в Омске я общался с десятками людей, пишущими стихи, но назвать из них поэтами (*по большому счёту*) можно лишь единицы. Я счастлив, что мне пришлось общаться с Белозёровым Т.М. и Макаровым В.А. Жаль, что сегодня нет уже с нами литераторов- журналистов Александра Лейфера, Анатолия Грачёва, Александра Долгушина, Леонида Жилича., Ивана Петрова... Нет талантливых историков- краеведов Михаила Бударина, Ивана Шихатова, краеведа- эколога Федора Новикова, всех тех, с кем мне довелось встречаться на протяжении 85 лет моей жизни. Порой оглянусь, посмотрю вокруг- и чувствую такое непреодолимое одиночество, что хочется и самому скорее раствориться в вечности.

XXX

Но за моими окнами пока всё также встают рассветы и мне по-прежнему хочется говорить слова благодарности моему родному краю за дарованную мне большую жизнь, наполненную всеми красками и цветами летних и зимних

картин года Через год 200-летие Омской области. Что меня на сегодня волнует, беспокоит? Конечно же - условия жизни сибиряков, которые на сегодня оставляют желать намного лучшего. А ещё – «История Омской области» за её двести лет. В данный момент- это главное.

Омская область- один из центральных сибирских регионов, с самой первоначальной и богатой историей освоения Сибири, начиная с похода отряда Ермака и до празднования 300-летия г. Омска (2016г.) и подхода 200-летия Омской области (2022год). На данный момент - это главное. За последние два-три десятка лет изменились приоритеты оценки исторических ситуаций, появилось много дополнительных осмыслений с изменениями в экономической и политической жизни Сибири. Так, по общему признанию, Новосибирск стал ныне самым крупным экономическим, научным и культурным центром, а некоторые журналисты из разных СМИ стали его величать столицей Сибири. И есть за что: в отличие от Омска в нём есть метро, международный аэропорт, Сибирская Академия Наук, оперный театр и многое другое. В нём размещались Сибирские Совнаркомы, Сибирское управление вооружённых сил и другие крупные структуры.

Но ведь столетия, как именно Омск является подлинной столицей Сибири в силу общего исторического хода освоения и заселения Сибири. Судите сами:

Новосибирск вырос из посёлка Николаевска в начале двадцатого века, когда пришли из Омска первые поезда и двинулись на восток. А крепости Тара уже было в то время более 300-х лет, а Омску около 200-х. Тем более, что вслед за Омской крепостью, построенной Бухольцем, на Иртыше строится линия крепостей, форпостов и пикетов. Так через год, в 1717г. отстроено Ямышевское укрепление, а в 1718 году заложена Семипалатинская крепость. Двумя годами позже гвардии майор Лихарев отправился со своими людьми на дощаниках в верховья Иртыша, к озеру Зайсан, и на обратном пути поставил при устье реки Ульбы новую Усть- Каменогорскую крепость.

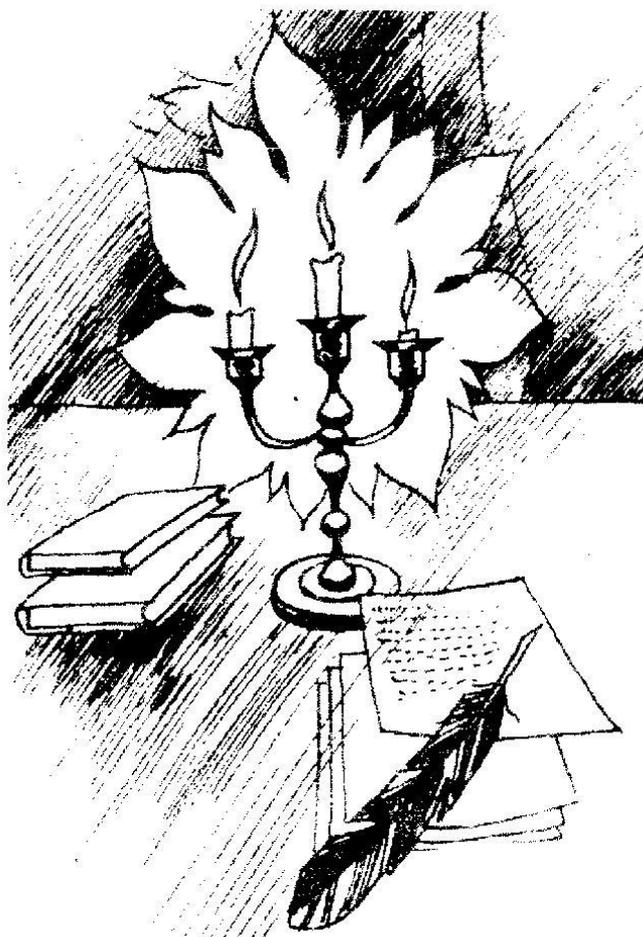
В то же время Омская крепость с самого начала была тесно связана с освоением обширной территории на юге Западной Сибири и северо- востоке Казахстана. Как порубежный опорный пункт, крепость стала играть видную роль на протяжении многих лет и была главной в системе укреплений Верхне- Иртышской линии. В первую очередь она охраняла восточные границы Западной Сибири и рудного Алтая. На Омской крепости замыкалась также Новошимская линия укреплений, прозванная в народе «Горькой» (так как проходила в зоне горько- соленых озер). Линия начиналась у реки Тобол и прикрывала юго- западную полосу русских поселений. Ее строительство начиналось в 1752 и завершено в 1855 году.

Позднее (в 1759-1764 г.г.) от верхних укреплений Иртышской линии (от форта Шульбинский) началось строительство новой Колывано- Воскресенской линии, вследствие чего Омская крепость стала главным узлом пересечения всех укрепленных линий Западной Сибири. На территории крепости у устья Оми формировались гарнизоны для верхне- иртышских крепостей, отсюда на дощаниках доставляли грузы для воинских частей и рабочих горного Алтая, отсюда за короткий срок были освоены огромные просторы к югу и востоку от Иртыша По праву в начале 60-х годов Омская крепость стала официальным

административным центром укрепленных линий Западной Сибири. Командир пограничного управления из Ямышевского форштадта свою ставку перенес в расположение Омской крепости.

Понятно, что вся история Омска с давних пор является главенствующей, «столичной», а в 1918 году при правлении А. Колчака город Омск становился даже «Белой столицей России», или как ещё называли её в СМИ «третьей столицей России». Так что название Омск- «столица Сибири» исторически справедливо принадлежит нашему областному центру.

РАССУЖДЕНИЯ О ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ

1. «Мои стихи – мои дороги...»

Эта стихотворная строчка взята из моей поэтической декларации, определившей характер жизненного пути на многие годы. У одних людей весенний месяц Май связан с первым приятным ощущением весны, у других - с ярким праздником Победы 9-го Мая, а у лиц старшего поколения – с Международным первомайским праздником трудящихся. У меня же - с печальным, незабываемым фактом. В день 5-го Мая 1944 года погиб на фронте мой отец.

*Жестокий Май!
Там, на рассвете
погиб отец...
Цвела сирень...
И ныне грустью давней светит*

*тот солнечный весенний день.
... Мои стихи - мои дороги! (и т. д.)*

Это стихотворение отложило отпечаток на многие мои произведения. Вот, например, начало некоторых: «Я праздность с детства не люблю...», «Меня замкнула глухота...», «Мне в жизни каждый шаг давался трудно...», «Таю в глазах печальный свет...», «Бываю замкнут, недоволен...» и т.д. Вообще-то, замкнутость и недовольство самим собой – эти мои основные особенности. Я часто анализирую свои поступки, строго спрашивая с самого себя за те или иные неточности, погрешности как в литературе, так и в жизни. Особенно отчетливо вспоминаю последнее время, связанное с подготовкой и выпуском моей первой исторической книги «Сибирский характер».

Историческое повествование «Сибирский характер» я закончил 2 августа 2004 г. С августа и до конца года я занимался макетированием, правкой и составлением сборника (с включением ранее изданных книг). Первая половина 2005 года ушла на выпуск 200 сигнальных номеров книги. Было время о чем и подумать, сделать выводы. Отметил три небольших события минувшего года, отложившиеся в памяти.

Первое – в начале года ко мне на работу приехал студент 1 курса ОмГУ, филолог Андрей Люсов. Разговорились. Он – омич, живет на ул. Гашека. Пишет реферат по моим книгам. Следовательно, мое творчество включено в программу работы кафедры. Приятно.

Далее. В марте ко мне обратилась сотрудник Института повышения квалификации работников образования Тамара Александровна Орлова. Она попросила выделить 12 комплектов (из двух книг и одного журнала) для библиотеки 143-го лицея. Заведующая библиотекой лицея заверила ее: «У нас 12 столов в читальном зале. Положу на каждый стол для постоянного пользования, и пусть дети читают в любое время». Это мне польстило, книги и журналы я принес в Институт незамедлительно.

В конце сентября позвонила из восьмой школы (Нефтегородок) руководительница 3-го класса и попросила для каждого ее школьника по одной книжке стихов и рассказов (33 комплекта). Но книг с такими названиями у меня не оказалось (все раздал, ведь тиражи-то маленькие). А жаль... Ведь мое творчество включено в школьные программы.

Перебирая в памяти эти и другие факты, вспомнил, с какой страстностью выступал на презентации моей книги рассказов «Сибирь, сторона родная» в библиотеке им. Пушкина 16 октября 2000 г. подполковник запаса Владимир Петрович Нижегородцев. Он читал наизусть мои стихи из поэтического сборника «Гори, охотничий костер». Сказал, что эту книгу брал на Алтай, в воинскую часть, читал ее своим солдатам и что сегодня сюда, в читальный зал, привел с собой двух сыновей и десяток их школьных сверстников.

Ведущий встречи А.Лейфер заметил, что идет обсуждение рассказов, а не стихов. На что Владимир Петрович (ранее незнакомый мне человек) ответил:

– А стихи у него еще лучше...

Из множества встреч с читателями, особенно памятливы в Управлении охотничьего хозяйства – с охотоведами районов, лучшими охотниками.

Однако большинство моих книг посвящено детям и подросткам, молодежи. И в моем блокноте остались записи более десятка школ и техникумов города, где я обещал побыть на творческих встречах.

Мне дороги отзывы о книгах близких мне людей, хотя вроде бы их благожелательное отношение ко мне закономерно. С другой стороны, они, зная меня «изнутри», могут строже спросить за полноту откровенности, детальную подлинность всех моих произведений. Потому я здесь процитирую письма сестры Анны и давнего знакомого, Виктора Михайловича Терлеева.

Письмо сестры Анны

(из г. Калинина, Подмосковье).

«Володя, здравствуй, мой дорогой!

Ну, почему объявился, никуда ты и не девался от меня, как будто вчера виделись. Помнишь, сидим мы в темноте в этой будке на ст. Колония, ждем электричку. И мама пока живая, и ты о ней все говоришь...

Да, просто был перерыв, я запурхалась в этой жизни и потому не писала тебе. Мамы не стало 19 сентября, а 18 октября родилась Анюта, моя первая внучка. Ира еще училась, муж ее – тоже в Красноярске. Я работала и сидела с внучкой, ушла из начотдела в исполнители, работала на дому.

Так длилось 2 года, потом они уехали. Анюте не было и 5-и лет, когда родилась у них вторая – Настенька. Опять же приехали к нам, опять – большая нагрузка, хотя и приятная.

В общем, Володя в жизни, как и положено, за все приходится платить, в том числе и за радость иметь внуков. Но это же приятно, об этом ведь не думаешь, все происходит само собой. Просто радуешься и выкладываешься. И если б со мной не случилась эта беда, и мыслей таких не возникло бы. Где же такое я заработала?..

Но инфаркт – это моя беда. А вскоре начались операции у Марины в клинике С.Федорова, через кооператив. Это очень дорого. Впервые тут я столкнулась с капитализмом и возненавидела его. У Марины была близорукость (-7). За каждый шаг, каждый анализ и осмотр прежде предъяви оплаченный чек. За одну поездку в Москву оставляешь зарплату. Тут я особенно четко поняла, что цена тебе столько, сколько у тебя в кармане. Для иностранцев и богатых – корпуса со стационарами, а остальных в километровые очереди гонят, как скот.

После операции едем домой, утром, на перевязку. Потом – неправильное рубцевание, и если нет результата, какой ожидали, то – «что же вы хотели, платили бы за элитное обслуживание!». Сколько же надо людей обобрать и обездолить, чтобы получился один супербогатый человек!..

Работу Марина потеряла, вовсю шла «перестройка», и я просто не знала, как нам выжить. Проектные организации закрывались, платили мало и приходилось держаться «зубами» за любую работу. Муж работал в такой же «шараге», как я. Ну что тебе объяснять, как всегда жили преподаватели, инженеры, врачи (не берущие взяток). И ты ведь тоже не бросишь свою не блестящую доходами работу.

Стенокардия все сильнее давала о себе знать, но выхода у меня не было. Да никто и не лечил последнее время. Так что тут у нас немного разницы с Валей Гоцкало, хотя ей, вроде, не приходилось выкладываться из-за прожиточного минимума. Она прекрасная женщина и ей просто повезло с мужем. Да хватит об этом, не писала – сил не было, но это не значит, что тебя не было в моей жизни.

Вот сейчас около кровати моей лежит несколько книг, две из них – твои. «Гори, охотничий костер» и «Время и Честь». Так вот, если тело (фу, как грубо), то есть организм, я лечу по П. Бреггу (прислал Н. Зензин), то душу – по В. Зензину. Выходит, что лечат меня сразу два брата вместе.

Это даже врачами рекомендовано: *«ищите положительные эмоции, возвращайтесь в детство, юность, когда были здоровы...»*. А кто же и что же меня по детству проведет лучше, чем твои стихи?.. Ведь в них мама, Солдатка, моя малая Родина. Господи, да каждое слово, все бесконечно дорого! Вот уже умираешь, но когда читаешь про «героического персонажа» Марянина Павла, поневоле засмеешься с такой теплотой и трогательностью. До чего он был прокурен и ругался по высшему пилотажу!

А вот этими строчками про озеро Долгое я не перестану восхищаться.

*«Моя живительная чаша,
чистейшая...
Мне пить и пить
глотками зори не погашенные...
Из детства в старой лодке плыть...»*

А вот эти, красивейшие строчки –

*«Зачем он кружит и о чем он тужит,
с ума сводя свою белизной!..»*

Я думала, что мы встретимся втроем и я буду целую ночь читать наизусть вам с Николаем твои стихи. Я их много знаю, но встреча пока не получается. Я только начинаю возвращаться к жизни, если это можно так назвать. Приговор был суровый – инвалидность 2-ой группы, нетрудоспособная. Меня уволили на второй день после истечения срока больничного (4-х месяцев). Сократительная способность миокарда (сердце – это мышца прежде всего) – снижена до 40 %. Вот с такими ресурсами я теперь приспосабливаюсь жить, и пока мой «мотор» не очень тянет. Отсюда – плохо снабжается мозг, сильнейшие головные боли.

Очень здорово мне помог Николай, он знает эту проблему «изнутри» и потому мне писал все до мельчайших подробностей. Я все исполняла, мне кажется, кое-чего мы с ним достигли. Понемногу становится лучше. Но я стала суеверна и всегда говорю: а дальше чего Бог даст...

Конечно, жизнь нам подготовила испытания, и все равно я бы сейчас больше всего хотела порадовать маму, сказать ей, что у меня замечательные братья. В раздразе жизни мы не потеряли друг друга! Тебя, может, коробит немного от пафоса этих строк, от их пронзительности, но, может, мне и жить –то осталось две– три недели, и должна я успеть это тебе сказать!

И еще я имею дерзость и нежность сказать тебе, что я являюсь одной из самых внимательных, доброжелательных, благодарных твоих читательниц!

Мне кажется, что твои стихи и рассказы похожи на книги В. Солоухина «Владимировские проселки», «Тихая охота», «Наш дом», которые я перечитывала бесконечно раз. Жалко что его не стало недавно. Он тоже просто шел по родной земле босиком.

Володя, скорее всего, нынче я не смогу приехать, хотя буду стараться (диета, посильные упражнения, разумный настрой). Нужно еще время, а некоторый перелом наметился, начиная с февраля. Не надо пока передавать приветы в Солдатку, а вдруг - я их сама передам, привезу.

Марина у меня не замужем, полный надлом. Наших детей называю потерянными поколением, причем это сплошь и рядом. У всех знакомых сотрудников они такие. Какая-то апатия, и даже физически нездоровы – не достучаться, не докричаться до их душ. Володя, а ты береги себя, и поменьше ты пиши этих стихов, ведь каждое надо прожить и пережить, пока оно родится. А это значит – тратить свое сердце, которое быстро изнашивается. Не зря же В. Высоцкий писал.

*«Поэты ходят пятками по лезвию ножа,
и режут в кровь свои босые души!..».*

Хотя это, видимо, потребность души. Иначе бы Бродский и Рождественский сберегли бы свои сердца.

Огромный привет Риточке, Володе, Лене. Здоровья всем, всего Вам самого доброго.

Поклонись от меня на могиле мамы, я ее всегда вспоминаю, и простите, что все хлопоты пришлось на вас. Я чувствую свою вину.

До свиданья, Аня.».

2. О ТВОРЧЕСТВЕ

ПОЭЗИЯ

*Я спрашиваю у себя:
«За что люблю поэзию?..
За что, так многое теряю.
в нее, как в дебри, лезу я?..».*

*Вновь за ответом прихожу
в край, что всего дороже,
в край детства,
где во снах брожу
без тропок, без дорожек (и т. д.)*

Прочитав письмо сестры, я одновременно и расстроился, и в тоже время снова почувствовал огромную нежность и близость к родственной душе, от которой удален на тысячи километров. Стал просматривать свои книги, находя и вспоминая многие серьезные и смешные истории нашего детства в родной Старосолдатке: «Еще ночами холода и легкая метель...», «Свежо...Небес голубизна вновь обещает день погожий», «На пролете птичья стая к озеру спустилась утром...», «Оранжевое в синем над плесом занялось...», «В полнеба разлилась заря, и лес звенит от пробужденья...» и др.

Я люблю писать короткие стихи из 8-4 строк. Часто чужие стихи запоминаю по одному четверостишию или даже по одной, но главной, строчке. Могу иногда идти по лесной дорожке и бесперечь цитировать разных поэтов, создавая этим определенный творческий настрой.

*«О, я хочу безумно жить,
все сущее- увековечить,
безличное – в очеловечить,
несбывшееся- воплотить...».*

А. Блок

*«Нас и били, и крыли,
ты ж Россия- одна,*

*как подводные крылья,
направляешь меня...».*

А. Вознесенский.

«Я буду скакать по холмам задремавшей Отчизны...».

Н. Рубцов.

*«На земле безжалостно маленькой
жил да был человек маленький...
Какое это чудо- человек!...
Какая это мерзость - человек!...».*

Р. Рождественский.

*«И я думаю грешный:
кем же в жизни я был,
что я в жизни поспешной
больше жизни любил.
А любил я Россию
всею кровью, хребтом,
ее реки в разливе,
и когда – подо льдом...».*

Е. Евтушенко.

*«Велению Божьему, о муза, будь послушна.
Обиды не страшась, не требуя венца,
хвалу и клевету приемли равнодушно
и не оспаривай глупца...».*

А. Пушкин.

*«Цель творчества - самоотдача,
а не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
быть притчей на устах у всех...».*

Б. Пастернак.

*«Теперь, когда бессонно по ночам,
я простыню коленями горбачу,
и мучаюсь в раздумье я, и плачу
что жизнь растратил я по мелочам...»*

Е. Евтушенко.

Не люблю читать длинные вирши, где может быть много разных изяществ и красот, но зачастую отсутствуют мысли и правда чувств.

*« Дрова- как будто бы сухи,
но не пылает печка.
Стихи- как будто бы стихи,
да правды – ни словечка.
Я устаю от той игры,
от горького секрета.
Как будто еду до поры
в вагоне без билета...».*

А. Твардовский.

Еще хуже, если стихи надуманные, неестественные, нереальные.

*« Я не люблю абстрактного искусства,
оно подобно жареной воде...
Мне нужен хлеб, квашеная капуста...
Мне жизнь нужна, замешанная густо-
где рвутся всходы в каждой борозде...».*
Н. Грибачев.

Когда-то я, делая первые шаги в творчестве, написал на чистом листе одну строчку- клятву: *«Писать всегда одну Правду и только - Правду»*. Всегда ли этот жизненный принцип оказывался в моем творчестве верным, трудно судить. Вот замечательный поэт Тимофей Белозеров уходил иногда от действительности, от бытовых деталей. Смело фантазировал, придумывал необычное, создавая удивительные, сказочные образы в своих стихах и поэмах для детей и подростков . Так что, в принципе, творчество должно быть многоплановым, индивидуальным и не ограниченным никакими рамками. Надо, как утверждал в свое время Владимир Маяковский: *«Побольше поэтов, хороших и разных...»*.

Понимая разумом все эти истины, все-таки придерживаюсь только своих убеждений и пишу всегда достоверно, конкретно по жизненным фактам. И по-прежнему считаю это главной линией, чертой своего творчества. Кто на чем стоит- пусть так и будет. Пусть каждый доказывает свою правоту делом.

Письмо от сестры второе

(г. Калинин.)

«...Володя, здравствуй!

Прежде всего, очень благодарна тебе за твое письмо, за копию фото отца. Бесконечно приятно смотреть на твое фото в газете! Когда я смотрю на фото отца– в тысячный раз думаю– какой он был ?.. Я умом сознаю, что это родной человек, и самое страшное– совсем не знакомый мне. Охватывает большая жалость и грусть, – мне не дано было это знать.

А вот ты на фото– близкий, родной, земной. И хоть годы берут (немножко) свое, взгляд по-прежнему пронизателен. Наверное, даже мудрый. Но ты меня не обманешь, потому что в уголках губ все еще притаилось озорство, и кажется – сейчас войдет мама и скажет:

– А Вовка-то, хулиган, опять тут дел наделал...

Ты же рассмеешься и станешь объяснять «что к чему». По-моему, и любила-то она тебя за это (и за многое другое) – больше всех.

Да, письмо твое. Конечно, уж очень небольшое, но я прочитала твои рассказы, скорее «миниатюры», и посчитала их продолжением письма. Это– поэзия в прозе.

Ну, в каком письме я бы прочитала, что в озере – *«... плавают облака и синь опрокинутого неба»*, и как *«березки раскинули хрупкие руки-веточки...»*.

И очень справедливо, и вполне нормально, что ты первый в конкурсе журналистов и стал «классным» лауреатом.

Я люблю читать книги Влад. Солоухина и прозу, даже больше, чем его стихи. Мне вот эта газетная страничка напомнила нашу деревню, ты должен писать много, это интересно и так здорово, как будто с автором пройдешь по тем же дорогам и перелескам – и все переживешь вместе с ним!

Деда Ипата и Ефима я не помню, может, они и не Солдатские были. Помню только деда Пашу - «Летчика», неужели ты нигде не увековечил его?..

Но, в стихах он есть:

*«Собирали в поле колоски,
с дедом Пашей ставили сулоны.
Усмехался дед – зажмем в тиски
все вражье – картечью их каленой!».*

Володя, если у тебя будет время, напиши мне про Захарову рощу, про Двуозерки. Водятся ли в роще груздики?.. Тут, местные, едят какие-то поганки и называют их грибами. Особо уважают подберезовики, жидкие, скользкие. По-моему, их мама звала обабками, и мы их пинали, идя по лесу.

Если б ты описал наши сибирские грибы, как водят хороводы волнушки по краям леса, на опушках. Я здесь такого никогда не видела.

Володя, а вот необыкновенно вкусные, душистые, – их звали бычки, что это за грибы, как их зовут в литературе? Солоухин так расписал каждый грибочек средней полосы России, даже дребедень всякую воспел. Все равно читаешь, словно вместе с ним собираешь.

Прости, что отнимаю твое время, опять меня занесло куда-то. Ты, давай, береги себя, зачем две дачи, и строишь все сам. У тебя же Володя есть. Все, до свиданья.

Целую, Аня.».

3. «Моим стихам не надо красть...»

Всегда ревностно отношусь к личным, только присущим тому или другому литератору, особенностям творчества. Я определил бы это, как «литературное кредо», как неподражаемую индивидуальность, определяющую лицо литератора.

В омской литературе таких запоминающихся лиц немного, хотя некоторые, без оснований на то, с апломбом заявляют о своей незаурядности или даже о наличии у них особого дара. Это самомнение проявляется как у молодых, так и пожилых литераторов (так сказать, у мэтров). Я всегда сторонился творческих дискуссий, «не высывался» на народе, не делал громких заявок. Может, потому – то мало знаком омскому читателю. Пишу большей частью, как говорится «для себя». Это и правильно, и – нет. Сменить свою позицию не смог на протяжении многих лет, хотя в стихах и прозе об этом высказывался неоднократно.

*Не счесть теперь поэтов,
играющих стихом:
тот- фокусник со светом,
тот- в крике, петухом!..
Порой сильнее грома,
как молнии лихи,
врываясь в мир огромный,
теряются стихи.
Слова их сладковатые,
подкрашенные хной,
смешно- замысловатые
встают горюн- травой!*

*Зачем мне позолота,
узоров кружева?
Поэзия без пота
и крови, - не жива!
С мольбой шепчу: «Поэзия,
тернист твой, труден путь,
порой идешь по лезвию-
ты знаешь боль и грусть!
Бесхитростною строчкою
приди ко мне, приди...
и непроглядной ночью
раздумья освети!..».*

Очень плохо, что у меня нет никаких связей с областными творческими Союдами, с их председателями. Да и какие отношения я могу строить с ними, если Татьяна Четверикова (Омское отделение Союза писателей) при первом моем знакомстве с ней заявила в 1991 году: «Ты сотрудничаешь в «Омском вестнике», мы- члены Союза писателей печатаемся в оппозиционной газете «Омское время» и общаться с тобой не желаем».

Сейчас ситуация круто изменилась, Татьяна на сто процентов пересмотрела свои взгляды к правящей власти (как хамелеон переокрасилась, изменила цвет кожи). Ее уже приглашают в Областную Администрацию, ей уже присвоили звание «Заслуженный работник культуры». Она, написавшая восемь тоненьких книжечек, давно в почете у книголюбов. Человек сделал карьеру. Но у меня-то к ней первые отношения не изменятся, я не смогу с ней общаться, если бы даже для пользы дела, меня об этом кто-то попросил.

Второй Союз (Российских писателей) не имеет ничего общего с названием, так как в нем есть грузины, татары, украинцы, евреи,- а вот русских в нем, вроде бы нет совсем.

Есть третий Союз (детских писателей), его возглавляет Седов Николай Петрович, написавший около 60-ти детских книг. Он меня приглашал вступить в члены этого Союза, но я сразу отказался, так как правомерность Союзов действительна лишь при наличии собственного печатного органа (газеты, журнала, альманаха). А такого издания у детских писателей нет и не будет (просто на него нет денег).

А вообще-то, проблемы с членством Союза писателей у меня не существует, так как все абсолютно великие русские писатели на момент получения Нобелевской и других премий в Союдах Российских писателей не состояли. (Это я все - больше для шутки).

Я являюсь членом Союза журналистов, и то по необходимости, так как несколько раз получал конкурсные премии среди журналистов, и меня автоматически зачислили в Союз.

Считаю, членство для литератора - пустой формальностью. Взять, к примеру, нашего омича Аркадия Кутилова, которого при жизни не только в Союзах не признавали, его во многих редакциях газет на порог не пускали. А такой талант, личность. Оставленное им литературное наследие более ценно, чем все написанные в те годы книги омских писателей, вместе взятые. Как сказал мне когда-то с горькой усмешкой замечательный поэт Тимофей Белозеров: «Член Союза писателей- не всегда является настоящим поэтом или прозаиком. И мало того- такие люди лезут на руководящие должности творческих Союзов...».

О своем творческом кредо, об отношении к литературе мною написаны десятки стихов, и заголовок этого небольшого раздела переходит в следующие строчки.

*«Моим стихам не надо красть
чужих ужимок и страданий,
их не обманет чья- то власть
в непрочном этом мирозданье.
Я не выдумывал стихи:
в них жизнь моя,*

*мое дыханье!
Они порой скромны, тихи,
Они- и в слабости признанье...
.....
Моим стихам несдобровать-
они открыты, беззащитны...».*

О себе я стараюсь говорить вполголоса, самокритично. Творчество для меня- это святое таинство. О своих достижениях и заслугах не веду никогда даже и речи. Слова «поэт», «писатель» - ассоциируются для меня с именами: Аристотель, Гиппократ, Пушкин, Бунин, Достоевский. Вот две строки из моего программного стихотворения «Поэт».

*«...А я боюсь назвать себя - «поэтом» -
О, как я этим словом дорожу!..».*

4. ПРИЗНАНИЯ

А теперь письма от давнего знакомого по работе, земляка, интеллигента и даже – поэта. Первое письмо (г. Луга, Ленинградская область)

«... Дорогому Владимиру Васильевичу от земляка, коллеги, почитателя Ваших – твоих многих талантов. Виктор Терлеев.

*«Я с теми, кто душой– Поэт!
И знаю, что Поэты – Боги!
Пришла пора на склоне лет
взглянуть на скромные итоги...».*

Дорогой Владимир Васильевич, Ваши стихи освещены не только утренними и всякими зорями– во многих– многих строчках искрятся солнечные потоки, блеск Вашего ума, всполохи Доброго Сердца, переливы Душевного Света.

Только такая Душа находит дорогу к Душе Читателя.

К сожалению, спрос на Большую Поэзию все меньше, т. к. Российский интеллект мельчает...

Владимиру Зензину. Поэту. Спортсмену. Земляку.

*«Хотел бы я вот так же точно
пропеть стихи болотной кочке
да Иртышу да журавлям,
Родной Природе, где родился...
И... пел бы тихим ковылям...
Но... нет меня сегодня там.*

*Я бы хотел, как Ты, умело
сказать о том, что наболело,*

*что душу мучило мою,
что жить и петь всегда мешало,
набатами в висках стучало!..
А Ты сказал!
И я скажу,
да слов пока не нахожу...*

*И вот – пою!
Пускай заочно*

над Ошею звезде полночной.
Пишу в Сибирь, своим друзьям,
у них я мужеству учился.
Однажды с сатаной сразился,
был ранен. Выжил... Повезло-
коварству, подлости назло!

Друзья Мои! Седые братцы,
я не могу Вам не признаться:
Скучаю так по стороне,
где с колосками я попался,
где шустро на коньках катался,
тонул на Оше в полынье...

Не ныл, хоть больно было мне.
Поэт! Земляк! – прошу я очень
сказать привет осоке сочной...

И камышам, и солонцам:
Я там за чибисом гонялся,
не раз в Ачикуле купался-
привет гольянам, карасям...
И ряму, – если жив наш рям...

И передай мои поклоны
увалам всем, лугам зеленым.
Всем– всем Стариченским местам!
Скажи, что много я скитался,
но в «перестройке» жив остался.
Привет ветрам, дождям, снегам. –
Жаль! Нет меня сегодня там.

Я с теми, кто Душой – Поэт,
вновь повторю: «Поэты – Боги!».
Пришла пора в круженье лет
присесть подальше от Дороги.»

«Привет березовым листочкам
и... уткам, что по Оше строчкой
с утяточками – по весне...
Зимой на санках, в коробушке
возил я с Оши лед в избушку...
В воспоминаньях детских дней
еще уха из окуней.

То знатная была ущица!..
Из окуней– не из плотвицы!
Ущица, паря, нет вкусней!
... А рыбку чистил я проворно
в наш котелок полуведерный...
А... может... не было тех дней?..
И... это все приснилось мне?..
И все-таки была ущица!..
Так не забудь же поклониться
местам Старическим глухим?
И если там пульс жизни бьется,
то... и... по соточке найдется.

Манящий запах той ухи
плывет– плывет в мои стихи!...».

Дорогой Владимир Васильевич, «хощь – не хощь», прими комплимент: «Большинство Твоих стихотворений расцениваю как подлинно художественные, в них не только ум, но и равнодушное сердце, а также главное, – совесть.

Часто пою песню Ал. Морозова.

«Возьмите карандаш
и... напишите – «Совесть»,
и вспомните: когда
Вы думали о ней...».

Явно Не о Тебе песня. Спасибо, Владимир Васильевич, за Благодество, Естество, за Совесть, за Талант!

Если бы Ты не обладал личностными достоинствами тонкого ума и чувств, наблюдательностью, то... и... не состоялся бы как Поэт.

Твой Лирический герой– настоящий сибирский парень: Мастеровитый, Башковитый, Спортивный!!!

Художественно одаренный!..

...Хорошо, что не только констатируешь, но и обращаешь внимание Читателя к острым проблемам современности.

Стихи твои высоко оцениваются Знатоками и Любителями Поэзии Ленинград. обл. А мы с Анной Владимировной (моей женой, у нее уже готовы 2-ой и 3-ий поэтические сборники) без слез читать Ваши удивительные стихотворения просто не можем. Сердца kloкочут, мысли вскипают, Душа замирает, источая всевозможные похвалы Тебе – Тому, чья авторская позиция так патриотична.

Проблемы, которые ставишь в своем творчестве, я поднимал в объемистом письме в «Комс. Правду» осенью 1974 г.– когда свирепствовали гонения на Андр. Дм. Сахарова. Не побоялся: один из немногих заступился за прослав-го Академика. Не обошлось без окриков свыше, без запугиваний –

выручил мой 5-летний комс. Стаж, награда ЦК ВЛКСМ «За отличие в Труде» и поручительство друзей из Областного комитета ВЛКСМ.

Но, вернусь к твоему творчеству. Меня всегда восхищало то обстоятельство, что Ты презирал шумиху и лжепатриотизм, крикливость.

Свои замечательные стихи Ты создавал ТАИНСТВЕННО... словно сидел в камышах на лодке, а рядом, безмятежно качались чучела.

Похвально, что Успеху Твоих проникновенных стихотворений способствуют не лит-е приемы Лит-х Академий, а несомненный природный талант, жизненный опыт, трудолюбие, влюбленность в Родную Природу.

Как человек впечатлительный и наблюдательный, пытливый и умный, одаренный многими талантами, в том числе, и – поэтическим, Ты просто Не мог Не сочинять стихи.

А стихи твои прекрасны! Такая красота сквозит в 1 очередь, у Мих.Мих. Пришвина, у С.Есенина, Евдокима Русакова, у Ив. Антонова, Вадима Шефнера...

Поэтов – омичей знал я многих. Более других ценил Вл. Макарова, Юрия Плотова, Ив. Ягана – многие стихи последнего знаю и помню до сих пор. По линии общ. «Знание» для Библиотекарей Омска часто (1-2 р. в году) читал наизусть С.Есенина, С. Острового, Конст. Симонова, Ал. Твардовского, Вл. Маяковского.

И была у меня еще лекция – «Поэты-Омичи», хвалил многих, н-р, Георг. Чугунчикова, Ник. Кузнецова, Сергея Поварцова, но только не Зензина – прости, Володя, за мое заблуждение и невежество, но Ты же сам виноват: так упорно держал канареечку в клетке. А канарейка – то, золотая.

Ну, что ж!?. И я пишу тебе «Поздние признания» твоего таланта и слова искренней благодарности за Твои книги. Вижу в них Твой умный и красивый взгляд...

Владимиру Зензину на добрую память.

*Твоей распахнутой душе
костры охотничьи – основа.
Душе цвести и хорошеть
и удивлять нас мудрым словом.*

*И петь и петь про Салтаим,
и любоваться небесами-
Чувств восхищенья не таим-
мы с Музой неразлучны сами.*

*И впредь талантливым пером
рисуй словесные узоры,
пусть светят лунным серебром
тобой воспетые озера!..*

*Поэт и Мастер по стрельбе!
И знаем: Человек Хороший!
Пусть улыбаются тебе
все звезды над родимой Ошей.*

*Анна и Виктор Терлеевы,
25 марта 2004 года.*

5. «Я избегаю творческих дискуссий...»

Прочитав письмо В. Терлеева, про себя смущенно подумал: «Ну и пусть, когда хвалят излишне, это все равно лучше, чем немного, но ругают...». Занимаясь выпуском своих журналов, печатая десятки статей профессоров, докторов наук, академиков, я давно понял, что и ученые степени и звания даются в большинстве случаев не по заслугам, а за верное служение идеалам (как марксистко-ленинское учение, прославление вождя или главы государства и т. д.) или за хорошие служебные связи и знакомства (чаще родственные), используемые для укрепления своих династий. Начиная царем и заканчивая мелкими чиновниками.

Сегодня в России чиновников более чем в три раза, чем при Советской власти. Общественных организаций, общественных академий наук, общественных институтов- хоть «пруд пруди».

Пример: Вайнерман Виктор Соломонович, литературовед, краевед. Директор Омского гос. лит. музея им. Достоевского. Имеет многочисленные публикации в местной периодической печати о творчестве омских писателей. Профессор, академик и т. д.

Смешно и только. На деле – нет ни одной серьезной работы по литературоведению или краеведению. Должность (а в старые времена- очень солидная) – смотритель музея. Так при чем здесь звания- профессор, академик ?..

Просматривая книги и труды Александра Дмитриевича Колесникова, историка, краеведа, профессора кафедры истории СибАДИ, доктора исторических наук, я не нашел ни одной интересной темы, ни одной свежей мысли об истории Сибири. Может, потому, что А.Д. Колесников всего –то окончил 3 курса историко- филологического института Уральского госуниверситета?..

Этот перечень фамилий с высокими званиями и солидными учеными степенями можно продолжить на несколько страниц, но кто- то мне может строго возразить: «О чем вы говорите, сегодня все эти степени и звания легко можно купить за одночасье».

Да, так оно и есть.

Настоящая поэзия и проза не зависит ни от званий и ученых степеней, ни от членства в различных Союзах. Настоящая литература- это Божий Дар. Как правило, многие литераторы любят уединение, избегают шумные тусовки, ведут скромный образ жизни.

*«Я не любитель творческих дискуссий,
я не был членом СП
и литгрупп...
И не захожу на паперть к Иисусу,
и не хвалюсь, что есть особый друг.*

*Да, я один-
какие могут школы
зажечь в душе таинственный огонь?
Я перед совестью своею голым
всегда стою...
Других прошу: не тронь!»*

6. КАК ПИШУТСЯ СТИХИ

Не знаю:

*может я и счастлив-
ведь я любил, был сам любим!
Но разрывается на части
душа порой...
А в мыслях – дым...
Живу в отличнейшей квартире
под небом добрым, голубым.
Но часто в этом зыбком мире
теряюсь я, всем став «чужим».
А без друзей тоска, что вечер,
ее и высказать нельзя,
ее забыть, запить- да нечем,
на водку не глядят глаза.
Сердца, хандрящие от скуки,
и пулей можно излечить.
На разум не наложишь руки,
здесь нет дилеммы:
«Быть- не быть».
Иному самоутверждение:
семья, работа да доход.
А я порой до униженья
растрачиваюсь, словно мот.
Стихи! - они, как на пожарище,
горят во мне.
Душа- в огне!!
Один я! – нет друзей, товарищей.
...И ничего не жалко мне.*

Для большей убедительности своих слов, привожу в подтверждение еще одно письмо друга-земляка- поэта.

Второе письмо от Терлеевых

Владимиру Васильевичу Зензину.

Восхищены Вашим талантом. Анна и Виктор Терлеевы.

Дорогой Владимир Васильевич, как нелепо получилось: в лекции своей «Поэты – Омичи» я никогда не читал Ваших стихов. Хотя цитировал даже малоизвестных – Ник. Кузнецова, Георг. Чугунчикова, Ал. Юдахина и др., а о Вас ни слова.

Каюсь!..Теперь переживаю: и себя обворовывал и слушателей обижал, умалчивая о Вашем Божьем Даре.

Круг моих Омских Друзей был достаточно широк: Мих. Бударин, Юрий Симаков, Лев Копац, Григ. Кисин, Ив. Кисель, Ив. Топоринский, Петр Клещеров, а Тебя-то и не было. Люди, о которых только что написал, не были парт. Боссами – именно поэтому они были настоящими друзьями. Вы не могли не знать мастера Спорта Юрия Павловича Симакова, уч. Отеч. Войны, переводчика.

Как хорошо, что Вы не забыли земляка, прислали книги Вашего Авторства.

*«Охотник, Спортсмен и Певец Прииртышья –
небес тюкалинских, озер, солонцов...
Для Петербурга не Зензин Ты – Пришвин,
а для Сибири – омский Рубцов...».*

С каким серд. трепетом читаю милые слова малой Родины: увалы, айда, паря, пимы, выгора, рям, талы, калач, масло «рыжик» и др.

Как волнительно читаются: Старо-Солдатка, Усть– Логатка, Тюкалинск, Ялуторовск, Старичье, Крутинка, Салтаим, смородина (здесь ее называют уродливо-«сморода». А в Ялуторовске могила моей матери...).

Покоряет образность Ваших стихов, Вл-р Вас-ч:

Облака –сны, ондатры– торпеды, сереб. блюдце озера, вафельный жир гуся, черный жемчуг смородины, виток мечей (рога лося), концы линиялого платка, щебет ласточек беспечный...

А ритмы! Рифмы!.. (озерный – зерна, крылья – открыл я, вечерний – чернядь, не стану – полустанок, истоме – стонет, тучи – лучик, полднем – поднял и т. д.).

Как певуче произносится: «Что, березка, мне расскажешь?», «Ах сентябрь, ты мой – кудесник.», «Родина – дальних лесов кружева...»...

Читаю, вновь перечитываю: «Осенний лес – моя любовь», «Неспроста поет овес», «Мои думы о доме, о Родине...» и др., и др., и... не могу начитатьсь. Какая тонкая наблюдательность!. Какое точное выражение мыслей – «Разведрило!.. Разведрило и в мыслях и в душе.».

Владимир Васильевич, мне известны муки поиска нужного слова. Вот почему вместе с Анной Владимировной (моя жена – поэтесса) так радуемся Вашим поэтическим находкам, многим прелестным строчкам. Ск. притягательной силы в одном т. названии «Гори, охотничий костер» – и хорошо, что обложка красочна.

В ваших стихах нерасторжимы юнош. непосредственность и мудрость бывалого человека. Читаю и вижу пушистость верб и солнеч. пыль, слышу как трещат льды, ломающиеся на весенних реках и озерах, восхищаюсь разливами...

И это все. Не элементарная описательность ради рифмы. Стихи выстраданы, не надуманы. Они покоряют свежестью и чистотой, хор. Настроением, переживанием автора.

И мы не лыком шиты. Вместе с Анной Вл. написали неск. песен: если ее слова, то моя музыка, и... наоборот. По просьбе маститого журналиста Василия Суворова я написал (на конкурс!) песню о Луге, исполнил ее в местной Библиотеке. Ищу композитора. Неск. мелодий мне предложил сын Виталий – он профессор, доктор наук, владеет неск. муз. инструментами, но ... так хотелось бы показать слова своим омским музыкантам Борису Яркову, Вл. Коржу, И- в Хохову, Ст. Земнухову, но! Трех уж, - нет, Степан – далече.

О себе. Пока живем в Луге – места здесь лесные (сосны), тысячи озер, родники с Валдая, много цветов, восхитительны небеса...

В Омске очень трудными были 1975, 76, 77, 78 годы, когда болела Г.В. Нагибнева, и мне – тогда методисту– приходилось одновременно выполнять обязанности зав. заочным отделением техникума. Все это закончилось трагически: у меня отказала лев. сторона гортани, приехал в Санкт-Петербург стариком из Старичья.

Еле-еле пришел в чувство. Учителем быть не мог, т. к. не мог говорить, стал выращивать картошку, продавать. Купил лес, 7 соток земли, поставил дом. Своими руками.

О своей серьезной поэтической книге я пока только мечтаю. 10 лет не писал вовсе. Ужас, которому подверглась Россия, не располагал к творчеству. Хотя изредка печатался в газете «Лужская правда».

С 2000 г. до 2003г. занимался редакторской работой. В своей же книге, которую задумал, непременно будет гл. «Частица сердца – Минтрансстрою». Очень сожалею, что потерял в годы перестройки связь с Мих. Сильвановичем (когда он переехал в Москву) – именно он печатал мои первые поэтические опыты в «Молодом Сибиряке». Он же писал обо мне крупную ст.(подвал) – «Костры на снегу».

Твою чудную книгу «Гори, охотничий костер» сейчас читает редактор газеты «Голос патриотов» Василий Ив. Суворов. Васю стихи Твои, Володя, очень и очень радуют, волнуют – это редчайший знаток поэзии...

(Продолжаю писать, 28-е ноября 2004г. 7 часов утра, г. Луга Ленинградской обл.).

Вот только вчера виделся с Васей Суворовым – образованнейшим чел-ком С-Запада. Он дал мне и Анне книгу Ник. Старшинова (муж Юлии Друниной) «Частушки» и... опять говорили о Вашем таланте, Вл-р Вас., о Вашей книге «Костер». Вновь ее просил.

- Принеси, –говорит – Вл. Зензина, так хочется почитать еще и еще...

А ведь у него дома библиотечка в неск. тысяч книг. И сам он редактор неск. книг.

Дорогой Владимир Васильевич, посылаю на память три стихотворения: шуточное– «Красивый да молоденький», грустное – «Взгрустнулось» (нагромождение какое-то).

Мог назвать «Не вернуться к речке Оша». И еще шуточное – «Вот одену я галоши».

У Ник. Старшинова частушка.

*«У меня галоши есть,
берегу их к лету,
а, по совести сказать, –
у меня их нету.»*

Еще направляю Вам, Вл-р Вас., две своих редакторских работы, две книги.

Анна Терлеева – «Любить не перестану» и Анат. Матюнина – «Память светла».

Владимир Васильевич, извините, утомил Вас хвалебными посланиями.

Собираетесь ли в Санкт-Петербург? Мы с Анной оказались здесь по семейным обстоятельствам, приехали из Омска к своим детям. Их по достоинству ценил СССР, Виталий был Ленинским стипендиатом в аспирантуре, а Сергей с золотой медалью окончил Военную академию им. Мих. Фрунзе. Оба защитили теперь докторские диссертации, имеют десятки научных трудов. Летом с. г. представляли Российскую науку за рубежом – в Риме (Сергей) и в Берлине (Виталий).

*С глубоким уважением, Анна и Виктор
30.11. 2004 г.*

(Некоторые комментарии к моим книгам)

. 1. Я на протяжении много лет сотрудничал в журналах и газетах с преподавателями омского Педуниверситета: с доцентом ОмГПУ, руководителем экологического Центра А. Губаревым, с профессором, зав кафедрой Н. Калининко, с доктором наук В. Русаковым и др.

И вот 26 апреля 2012 года мне довелось быть в здании ОмГПУ на проведении 4-ой международной научно- практической конференции. Представил для просмотра организаторам и участникам конференции свою книгу «Возрождение Прииртышья» и попросил высказать своё мнение о данной книге. В итоге получил:

1. Выписка из протокола

4- ой Международной научно-практической конференции

«Эколого- экономическая эффективность природопользования на современном этапе развития Западно-Сибирского региона»,

проведённой ОмГПУ 26-27 апреля 2012 г.

Слушали: Проф. кафедры «Экология и природопользования» Русакова В.Н. о рекомендации к публикации книги Зензина В.В. «Возрождение Прииртышья», содержащей многолетние данные по истории Сибири и экологические материалы по Омскому Прииртышью.

Решили: Просить Правительство Омской области оказать помощь Зензину В.В. в публикации книги, имеющей большое научное, воспитательное значение.

Выписка верна:

Заведующий кафедрой

экологии и природопользования ОмГПУ д.б.н., профессор -
А.И.Григорьев 27.04.2012г.

2. Краткий отзыв

на книгу Зензина В.В. «Возрождение Прииртышья»

Представленная работа Зензина В.В. содержит многолетний анализ экологических проблем Омского Прииртышья, изложенный в логической связи с развитием производства на территории Омской области. Отдельные разделы книги посвящены руководителям и специалистам, внёсшим большой вклад в исследование и решение экологических проблем. Материал книги содержит описание всех физико-географических зон Омской области, этапы освоения территории и экологические проблемы этих периодов.

Часть книги содержит литературные странички, что делает книгу в целом интересной и увлекательной. Книга полезна для школьников, студентов, специалистов в области охраны природы, руководителей природоохранных предприятий и организаций.

В.Н. Русаков,

Заслуженный деятель науки РФ, доктор с.-х. наук, профессор:

Книгу с выписками и рекомендацией я отнёс в Областную администрацию, из которой её направили в Министерство природных ресурсов и экологии для издания. Но она, неизданная, лежит там до сих пор.

2. Вступление к книге рассказов «На лесных закрайках»

«...Всего несколько коротких рассказов Владимира Зензина – и перед нами раскрывается мир Таинственной Природы, от которого мы, горожане, всё больше и больше отдаляемся, лишая себя одной из самых великих радостей бытия. Этот серьёзный недостаток восполняют откровения о птицах и животных, о цветах и

деревьях, которые автор почти очеловечивает, проникая в их суть – чувственную, думающую и удивляющуюся.

Читая, невольно ловишь себя на мысли, что при всем этом ты сам присутствуешь, как будто бы стоишь за спиной большого знатока природы, тонко и чутко истолковывающего великие ее тайны. Рассказы Владимира Зензина трогательны любовью к Сибирскому краю, который, благодаря писателю, становится понятным, близким и родным.

Мне в детстве повезло: был такой взрослый человек, который нас, двух друзей, поднимал до утренней зорьки и вел на Иртыш ловить рыбу. С того времени у меня нет выше желания, чем выйти на реку или озеро в ранние утренние часы. И в этом плане Владимир Зензин чем-то напоминает мне мое детство и того доброго человека, который подарил мне эту любовь к природе на всю жизнь. Удач вам на творческом пути. Пусть ваша любовь к Природе поможет ей выжить, в том числе – и с помощью молодого поколения, которому адресована книга.

В.А. Дудкин,

главный специалист Комитета по делам науки и
высшей школы

Администрации Омской области.

3. «СИБИРЬ, СТОРОНА РОДНАЯ» (книга издана в 2000 г.).

«ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК»

«... Время от времени на страницах периодики появляются небольшие рассказы Владимира Зензина о нашей сибирской природе. Нежные и прозрачные, они завораживают читателя, ненавязчиво предлагают ему оглянуться вокруг, задуматься и как бы другими глазами взглянуть на окружающий нас мир, а в конечном итоге – и на самого себя. Мне, горожанину, они помогают с хорошей светлой грустью вспомнить те немногие дни и часы, которые удалось прожить не на равнодушном асфальте, среди одноликих каменных домов, а в берёзовом лесу, на берегу Иртыша или степного камышового озера. Заядлый охотник и рыбак, Владимир Зензин исходил тысячи километров родного Прииртышья, изучил его в своих странствиях тонко и досконально, давно и беззаветно очарован его тайнами и красотами. Несомненная литературная одарённость позволяет ему находить для своих рассказов слова, точные и не заёмные. Впервые собранные воедино, эти невеликие рассказы позволяют нам чётче представить своеобразие творчества этого интересного литератора. Рад, что мне доверено написать несколько напутственных слов к этой чистой, наполненной поэзией книге. Уверен – она принесёт юным читателям немало радости и хорошего настроения».

АЛЕКСАНДР ЛЕЙФЕР,

Председатель правления Союза писателей.

4. ВСТУПЛЕНИЕ к книге

«ГОРИ, ОХОТНИЧИЙ КОСТЕР» (книга лирики, издана в 1991 году)

СТРОКИ ИЗ ЛЕСА, С ПОЛЯ, С ОЗЕРА...

(О книге В. Зензина «Гори, охотничий костёр»)

Если вы, читатель, приобретёте и раскроете эту книгу, то вы немедленно, с первых строк, окунётесь, войдёте в многоцветный мир сибирских лесов и полей, ощутите непередаваемую атмосферу охотничьих ночёвок у костра, услышите голоса бывалых людей. Это неудивительно и вполне закономерно – ведь книга называется «Гори, охотничий костёр», и написана она человеком незаурядным, исходившим немало охотничьих троп – поэтом, мастером спорта по стендовой стрельбе Владимиром Зензиным.

Книга лирики В. Зензина объёмиста, солидна, она по существу является итогом многолетней работы автора, результатом его неисчислимых бдений на утренних и вечерних зорьках, наблюдений за родной природой и «нашими братьями меньшими». Вот они-то, – все эти крякухи и красавцы-селезни, тетерева и журавли, со-

боли и лоси – и являются, так сказать, главными героями задушевной, доверительной беседы автора со своим читателем. И, право слово, исповеди этого бывалого человека – я уверен! – найдут отклик в неравнодушных сердцах, которые не совсем ещё – в нашем раздрае и перепалках – растеряли любовь к живому.

Конечно, книга В. Зензина изрядно населена и людьми – ведь охотничьи маршруты сводят человека с многими и многими, и о них тоже поведал нам наблюдательный, вдумчивый автор. Люди в книге – самых земных, прочных профессий: комбайнёры, шоферы, рыбаки, – те самые, благодаря которым жива и будет жить земля российская, как бы ни хотели её расчленивать, раздраконить, распродать иные горячие головы.

Поэт влюблён в своих героев, он рисует их в самых обыденных коллизиях, но авторская любовь к ним высекает искру поэзии. Вот один из них – усталый, после работы, комбайнёр пришёл в кино, видит на экране ласковое южное море, а думы – о своём, о земном:

**«... надо запастись ещё картошкой,
дом подправить, заменить слезу...
Нарядное- усталость клонит
и глаза слипаются без сил...
Чудится ему: свои ладони
в ласковые волны опустил!»**

Так и видишь этого сельского механизатора, которому и руки – то хочется опустить в волну морскую лишь для того, чтобы остудить в ней жар страдной работы!..

В. Зензин находит точные, ёмкие слова для описания того незатейливого с виду сельского быта, который и держит душу «на плаву»: у одних, давно оставивших отчье село, – воспоминаниями; у других, верно служащих родной земле, – повседневными встречами с нею. Но для того и существует поэтическая речь, чтобы заметить эту обыденную красоту, заметить и показать её нам:

**«Потемневшая бадья
пообилась, обветшала
жёстким ободом светя,
вниз скользнула, как бывало
С наслажденьем пью и пью,
, кланяясь с любовью прежней
избам, срубам, журавлю
и словам из песни нежной.»**

И, как уже сказано вначале, не пожалел стихотворец строк для лесных, полевых и озёрных обитателей!

Сколько теплоты, юмора, сочувствия разлито в этих стихотворениях! Но здесь я позволю себе маленькую «хитрость» – я не буду цитировать эти стихи, а предоставлю возможность читателю, влюблённому в природу, самому неторопливо и со вкусом находить эти добрые строки, во множестве рассыпанные по страницам книги. И я по-хорошему завидую той светлой радости, что ожидает читателя при знакомстве с книгой В. Зензина.

Написанные строки – не рецензия в традиционном смысле, – это просто отклик, слово о многолетней работе моего товарища...

В целом же хочется поздравить автора с поэтическим дебютом, а любителей природы сибирской пригласить к чтению лирических строф о родном крае. Думаю, особое место среди читателей займут и охотники, и рыбаки, и туристы.

И пусть поэту не изменит с годами чувство, столь точно выраженное в его собственных строках:

**«...Лишь прокричит сова, взлетая,
да мышшь прошелестит в копне, –
и снова тишина густая
рождает музыку во мне!»**

Владимир Макаров,
член Союза писателей

5. От редактора книги: «Сибирский характер» (СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ)

Уважаемый читатель!

Вам посчастливилось открыть книгу, которая созвучна «Повести о лесах» Константина Паустовского, «Дороге к другу» Михаила Пришвина, «Рассказам» Виталия Бианки.

От названных литераторов в прозе Владимир Зензин отличается тем, что замечателен как Волшебник в Поэзии. Его книга «Сибирь, сторона родная» проникнута Рубцовским лиризмом и зоркостью, чудодейственной Зензинской Правдой!

Каждое слово Автора просеивается через сомненья и раздумья. Чтобы приковать мысли Читателя к своим, с этой целью некоторые слова он выдает порционно, т.е. пишет их по слогам, например, «память пе-ре-во-ро-шу».

Во многих стихах Владимира Зензина (порой веселых, иногда - не очень) слышится красивая музыка. Не верите? Так найдите же стихотворение «Заснеженность» - это же сама песня...

Помню наши беседы в таёжных дебрях, в урманских болотах, где я старался соотносить свое миропонимание с мнением Омского Мудреца и Поэта Владимира Зензина.

К нему часто прислушивался большой Мастер поэтического пера - Тимофей Белозеров. Творчество Владимира Зензина по достоинству ценят маститые Омские литераторы: Александр Лейфер, Анатолий Грачев, Владимир Макаров, Лев Трутнев и другие. Жаль, что никогда не увидят эту книгу Ефим Беленький и Михаил Бударин.. Что касается меня, то этой книгой, которую представляю, я просто-напросто очарован.

Чем же притягивает книга? Чем она завораживает? Конечно же, глубоким содержанием, ясными мыслями, правдивыми рассуждениями и поэтическим видением Природы Прииртышья.

«Ну, а художественные достоинства каковы?» - спросите Вы. Отвечу. Можете не сомневаться, дорогой Читатель: книга «Сибирь, сторона родная» определено (однозначно) высокохудожественна.

Да, да... С большим волнением читая стихи и прозаические зарисовки о Прииртышье (материал подается порционно, стихи и проза чередуются), я понимал, что Автору, пусть и в творческих

муках, удастся находить нужные слова, которые светились бы: то - красками художника; то - мрамором скульптора; то - музыкой скрипача; то - солнечным лучиком...

Интереснейшая книга Владимира Зензина «Сибирь, сторона родная» станет Вам, дорогой читатель, добрым советчиком и мудрым Другом, являя собою кладезь самых разнообразных познаний о природе. Она и о хороших людях, призванных беречь ее и любить. К ним и Матушке-Природе сам Автор относится с глубокой нежностью. Вот почему это трогательное слово произносится им сотни раз, говоря о том, что сама авторская душа и нежная, и ранимая, и страдавшаяся.

Любое стихотворение Владимира Зензина несет Читателю не только новые знания, но и помогает понять увиденные чудеса и красоты Природы в синеве неба, шуме леса, песне волн, в плаче чибиса и чаек.

Мне, редактору, радостно представить замечательную книгу истинного Сына Отечества, всерьез обеспокоенного плачевным состоянием родной Природы. Проводя Читателя по разным уголкам Сибирских просторов, Автор бесхитростно и откровенно, часто с болью в сердце, с чувством высокого патриотизма, неустанно повторяет:

**«Люди, остановитесь, оглянитесь,
Посмотрите на варварство,
Которое творим сами.
Люди! Мы же дети одной Матери-Природы, а
есть ли на земле слово, прекраснее слова «МАТЬ»?
Так будем же ее беречь и жалеть. Любить.
Призадумайтесь над тем:
Светла ли в озерах водица?..
Сколько на озере птицы?..
На Юг ли, на Север они летят?..
А... сколько у кряквы утят?..**

Какое глубокое видение Автором различных Явлений Природы на озере и реке, на земле и в небе, на лугах и полях, в лесных дебрях! В одном из стихотворений он пишет:

**«Казалось, не серебряные ручьи
Стекают с неба,
А из земли выросли стебли дождя».**

Он видит даже неуловимые нити света, таинственный танец снежинок, внимает музыке дождя и шепоту камыша, и покоряет точностью изложения глубоких мыслей, достоверностью. В этом легко убедиться, побывав вместе с Владимиром Васильевичем на

многоголосом сельском базаре, но базарная сутолка - не его стихия. Он вновь убегает в поля.

«Мне жизнь полей мудрее книг!» – восклицает Автор, счастливо наделенный многочисленными талантами, в том числе - литературным.

Подтверждаю это его стихотворением «В тайге»:

**Я сбежал из города в тайгу,
И над речкой тихой, ясноликой
Из сосны рублю себе избу,
Печь кладу – ведь я не лыком шитый.
Я умею многое: сошью
Из звериной шкуры куртку, чуни...
Для колодца выдолблю бадью,
Надо – и в сугробе заночую.
Я умею мастерски стрелять,
Сети ставить, находить берлоги...
Я – в тайге, но в голове опять
Голоса родных и гул тревоги.**

Его тревожат не только заморы на озерах, высыхание водоемов, но и малая рентабельность рыбозаводов, нищета некогда богатых деревень. И вновь повторяет: «Берегите Природу от браконьерства и головоотяпства, от варварской вырубке лесов, от всевозможных пожарищ». Автор прямо-таки кричит нам: «Возрождайте деревни! Занимайтесь земледелием! Сохраняйте леса, дающие планете дыхание».

Привожу выдержки из моего письма, написанного после получения его книги: «Гори, охотничий костёр».

«...Спасибо, Владимир Васильевич, за Благородство, Естество, за Совесть, за Талант!

Если бы Ты не обладал личностными достоинствами тонкого ума и чувств, наблюдательностью, то...

и...не состоялся бы как Поэт. Твой Лирический герой - настоящий сибирский парень: Мастеровитый, Башковитый, Спортивный!!! Художественно одаренный!..

...Хорошо, что не только констатируешь, но и привлекаешь внимание Читателя к острым проблемам современности. Стихи твои высоко оцениваются Знатоками и Любителями Поэзии Ленинградской области. А мы с Анной Владимировной (моей женой, у нее уже готовы 2-ой и 3-ий поэтические сборники) без слез читать Ваши удивительные стихотворения просто не можем. Сердца kloкочут, мысли вскипают, Душа замирает, источая всевозможные похвалы Тебе – Тому, чья авторская позиция так патриотична.

Проблемы, которые ставишь в своем творчестве, я поднимал в объемистом письме в «Комсомольскую Правду» осенью 1974 г. – когда свирепствовали гонения на А.Д. Сахарова. Не побоялся: один из немногих заступился за прославленного Академика. Не обошлось без окриков свыше, без запугиваний – выручил мой 5-летний комсомольский стаж, награда ЦК ВЛКСМ «За отличие в труде» и поручительство друзей из Областного комитета ВЛКСМ.

Но, вернусь к твоему творчеству. Меня всегда восхищало то обстоятельство, что Ты презирал шумиху и лжепатриотизм, крикливость. Свои замечательные стихи Ты

создавал ТАИНСТВЕННО... словно сидел в камышах на лодке, а рядом безмятежно качались чучела.

Похвально, что Успеху Твоих проникновенных стихотворений способствуют не литературные приемы

Литературных Академий, а несомненный природный талант, жизненный опыт, трудолюбие, влюбленность в Родную Природу.

Как человек впечатлительный и наблюдательный, пытливый и умный, одаренный многими талантами, в том числе, и – поэтическим, Ты просто Не мог Не сочинять стихи.

А стихи твои прекрасны! Такая красота сквозит в первую очередь, у М.М. Пришвина, у С.Есенина, Евдокима Русакова, у И. Антонова, Вадима Шефнера...Ну, что ж!?!.. И я пишу тебе «Поздние признания» твоего таланта и слова искренней благодарности за Твои книги. Вижу в них Твой умный и красивый взгляд...

С каким сердечным трепетом читаю милые слова малой Родины: **увалы, айда, паря, пимы, выгора, рям, талы, калач, масло «рыжик» и др.** Как волнительно читаются: Старо-Солдатка, Усть-Логатка, Тюкалинск, Ялutorовск, Старичье, Крутинка, Салтаим, смородина (здесь ее называют уродливо - «сморода». А в Ялutorовске могила моей матери...).

Покоряет образность Ваших стихов, Владимир Васильевич:

Облака – сны, ондатры – торпеды, серебряное блюдце озера, вафельный жир гуся, черный жемчуг смородины, виток мечей (рога лося), концы лиялого платка, щебет ласточек беспечный...

А ритмы! Рифмы!.. (озерный – зерна, крылья – открыл я, вечерний – чернядь, не стану – полустанок, истоме – стонет, тучи – лучик, полднем – поднял и т. д.).

Как певуче произносится: «**Что, березка, мне расскажешь?**», «**Ах, сентябрь, ты мой – кудесник**», «**Родина – дальних лесов кружева...**» ...

Читаю, вновь перечитываю: «**Осенний лес – моя любовь**», «**Неспроста поет овес**», «**Мои думы о доме, о Родине...**» и др., и др., и... не могу начитаться. Какая тонкая наблюдательность! Какое точное выражение мыслей – «**Разведрило!..**

Разведрило и в мыслях, и в душе».

Владимир Васильевич, мне известны муки поиска нужного слова. Вот почему вместе с Анной Владимировной (моя жена – поэтесса) так радуемся Вашим поэтическим находкам, многим прелестным строчкам. Сколько притягательной силы в одном таком названии «Гори, охотничий костер» – и хорошо, что обложка красочна.

В ваших стихах нерасторжимы юношеская непосредственность и мудрость бывалого человека. Читаю и вижу пушистость верб и солнечную пыль, слышу как трещат льды, ломающиеся на весенних реках и озерах, восхищаюсь разливами...

И это все. Не элементарная описательность ради рифмы. Стихи выстраданы, не надуманы. Они покоряют свежестью и чистотой, хорошим настроением, переживанием автора.

Твою чудную книгу «Гори, охотничий костер» сейчас читает редактор газеты «Голос патриотов» Василий Ив. Суворов. Васю стихи Твои, Володя, очень и очень радуют, волнуют – а это редчайший знаток поэзии... (Продолжаю писать, 28-е ноября 2004г. 7 часов утра, г. Луга Ленинградской обл.).

...Вот только вчера виделся с Васей Суворовым – образованнейшим человеком Северо-Запада. Он дал

мне и Анне книгу Ник. Старшинова (муж Юлии Друниной) «Частушки» и... опять говорили о Вашем таланте, Владимир Васильевич, о Вашей книге «Костер». Он вновь ее просил.

– Принеси, – говорит, – Владимира Зензина, так хочется почитать еще и еще...

А ведь у него дома библиотека в несколько тысяч книг. И сам он – редактор нескольких книг.

С глубоким уважением, Анна и Виктор 30.11. 2004 г.

****(продолжение)*

Выйдя из Тюкалинской глубинки, из простого деревенского люда, испытав в детстве все горести и тяготы голодного военного времени (отец погиб на фронте под Псковом), Владимир Васильевич Зензин берет на себя смелость взвалить на собственные плечи тяжкий писательский труд. В своей поэтической декларации, в заключительных строчках стиха «Омская область» четко определено авторское кредо:

**...С интересом
я вглядываюсь вдаль
и ввысь.
На конопле сидят чечетки
и алый рядышком
снегирь...
Любуюсь всем!
И смысл отчетлив:
все это –
Родина! Сибирь!**

Уважаемый Читатель, как бы я ни старался сказать слова Благодарности Автору за книгу «Сибирь, сторона родная», как бы ни восхищался этим удивительным (у-ди-ви-тель-ным) человеком, я не смогу сказать о нем так, как рассказывает он сам о себе: «Писать всегда одну Правду и только – Правду» - такова клятва, таково кредо поэта и журналиста Зензина. (Снова привожу выдержку из моих старых писем к автору).

«Большинство Твоих стихотворений расцениваю как подлинно художественные, в них не только ум, но и неравнодушное сердце, а так же главное, – совесть.

Часто пою песню Ал. Морозова.

**«Возьмите карандаш
и... напишите – «Совесть»,
и вспомните: когда
Вы думали о ней...».**

Вот что автор говорит о муках творчества:

**«Я - болен, я – безволен...
Я вечно чем-то недоволен.
Как объяснить, как разгадать,
Как самого себя понять?..
...И вновь – стихи!
- Душа – в огне!»...**

Вот каково оно, пожарище стихотворчества. Чтобы лучше понять Бунтаря и Правдолюбца Владимира Зензина, следует еще и еще раз прочесть главу «Свет надежд», в которой он грустно заметит:

«Страничкой улетали мои дни...» И вновь повторяет:

**«Поэзия – лекарства лучше нет!
Слово – Божество!
Стихи – когда Душа поет!**

То с улыбкой, то с грустинкой пишет поэтические картины: «Рождество» (концовка)

**«И хотел бы я в чистой рубашке
в час последний прийти на лужок,
поклониться ручью и ромашке,
из ключа выпить чистый глоток».**

И вновь беседует:

**с подснежником и озером;
с березкой и осинкой;
с вербой и васильком.**

Он рассказывает Читателям о живительной силе корня «Аир», о настойках валерианы,

о клюкве - ягоде, о видах подснежника и других цветах и травах... Просит знать и помнить названия рыб и птиц, различных животных. Автор поможет увидеть жаворонка на ниточке, бабочку, летящую к оконной раме; зайца, линяющего в колке; утенка-нырка с белыми дудочками будущих крыльев и еще раз пересчитает: а сколько у кряквы утят?

И снова тревожится, горько вздыхает и печалится, видя незажившие раны на теле земли – следы человеческого варварства: весенние палы, весенняя охота, разгильдяйство и безразличие чиновников, отвечающих за экологию и сохранность природы.

Грустит ли одинокая скирда в поле, растут ли грибы-сыроежки, собирает ли лисица подранков,

стонет ли лебедь одинокий, как сердится ежик, как кричит гагара – до всего есть дело неравнодушному

сердцу Автора – все сказанное выше образно подтверждается многочисленными стихотворениями,

такими, как «А душа болит, болит...»

Стихи покоряют дивной неожиданностью сравнений:

Желтый птенец – одуванчик;

рыжее пламя лисицы;

белый хвостик косули – подснежник;

пар над лункой – памяти дым;

почки вербы – злато;

на осиновом листочке – шрифт лесной;

Леса – зеленый океан и т.д.

А каковы наблюдения-олицетворения!

Мышата чистят зубы;

куропатки играют в прятки;

танец ласточек – касаток;

в карауле стоят тополя;

куда зовешь бескрылых, птица?

Аист – джентльмен, воробьи беседуют, хвалят друг-друга, целуются...

Уважаемый Читатель!

Не сердитесь, что наш разговор повернул вдруг в литературоведческую сторону. Ну как не сказать о звездной россыпи сибирских слов: **медунки, отава, зарод, шаньга, пимы, зипун, шабур, дровни, берданка, скрадок, няша и т. д.**

И как удачно слова зарифмованы!

Лопух – пух, кусты – застыл, с весел – плесах,

лысуха – глухо, прячут – горячий, бокал – Байкал, чую –

ночуя, перелески – прелестный и т. д.

Но все-таки не выразительностью художественных средств (ими восхищен тоже) покорен Редактор,

а Личностью Автора, сказавшего о себе:

«Дышу – стихами»

«Растворюсь я в алой зорьке»

Повторяюсь: как могуч лирикой Сергей Есенин, как пленителен Николай Рубцов, как пронзительно правдив Владимир Зензин, при чтении которого то дрожь и озноб, то полынная горечь, то слезы Радости. (Привожу опять из своего письма отрывок стиха, написанного на книгу В.В.Зензина «Поздние признания»).

УЛЫБНИСЬ!!!

...Над старицей – излучиной

Плывут в даль облака...

Из солнечных из лучиков

Слагается строка.

Крапивною веревочкой
Слегка Твой стих повит,
Так мил мне, Зензин Вовочка,
Словарь твой – алфавит.
Теннис да Ик, да Старичье,
Крутинка, рыболов –
Любимых слов величие
Я постигаю вновь.
Твоя Старо-Солдатская,
Родная сторона.
Моя же – Усть-Логатская,
Чуть северней она.
Калиновка...Малиновка...
И ...Ново-Карасук.
Сто верст кому-то длинные,
Охотнику не крюк.
Мы с полными карманами
Подарков для людей,
С тобою шли урманами,
Спортивный Володей!
Прости, как будто лезу я
К спорт-Мастеру в друзья.
Скажи – пойму, не бездарь я.
Нельзя – так и нельзя.
Замечу не без гордости
(стрельбы деталь одна) -
призером Омской области
была моя жена...
Умчались утки стаями,
Уплыли окуньки...
Как льдиночки растаяли
Крутинские деньки...
Теперь уж не воротятся –
Не ходят годы вспять,
Но на охоту хочется
Опять, опять, опять...
Вот вижу – мчишь за рыбою
На милый Салтаим, –
Пусть мы не стали глыбами,
Так не лежим, – стоим!..
Стоим за Русь Великую!
За Волгу, за Валдай!
За озеро за Дикое,
За Тюкалинский край!
 Меня там помнят лебеди,
Камыш... и кулички...
Так были вы или не были
Крутинские деньки?..
За «Поздние признания»,
За твой душевный свет.
За память и внимание
Спасибо, Друг – Поэт..

24.02.2004 г.

г. Луга, Ленинградская область

Именно этим можно было бы и закончить данную статью. Но хотелось бы познакомить Читателя с двумя пожеланиями Автору. Одно – от Анны Терлеевой. Другое – от Редактора

*Поешь ты Гимн родной природе,
Молитву – таинство творишь
И веришь, что в своем народе
Вновь Совесть предков воскресишь.
Но не горюй, Поэт, так жгуче,
Что в диком обществе живешь:
Оно у нас не станет лучше –
Ведь «Что посеешь – то пожнешь».
Всю душу выплесни до капли,
Раздай любовь родным местам:
Гагарам, рябчикам и цаплям,
Березам, травам, камышам.
И счастлив будь, что живы птицы,
Что горюцвет еще цветет,
Что бьет Родник живой водицей, -
А сердце плачет и поет.
Анна Терлеева, 14 октября 2009 г.,

*Земляк, талантливый пером,
Рисуй словесные узоры,
Пусть светят лунным серебром
Тобой воспетые озера.
Поэт! И Мастер по стрельбе,
Искатель Правды – тяжелой ноши,
Пусть улыбаются Тебе
Все звезды над родимой Ошей!*

*(Редактор Виктор Терлеев,
Санкт-Петербург, 15 октября 2009 г.)*

PS.

Мне уже 85 год. Всё чаще задумываюсь: а что же я сделал в жизни?.. Ответить трудно. Но всякий раз сажусь к компьютеру, включаю Интернет, нахожу свою фамилию, читаю о себе появляющуюся информацию с читательских конференций и различных конкурсов. Вот последние заставки:

6. В грохочущем мире... (сообщение с конференции)

... После составления классификации продолжаем работу, выясняя, какие экологические факторы в нашей Омской области являются более значимыми и почему.

Богатейший материал создали наши омские поэты о природе нашего края. Изучая учебный материал «Среды обитания», было бы просто непростительно не воспользоваться их стихами. Вот где можно, используя стихи и наглядные пособия: фотографии, гербарии - дать знания детям о растительном и животном мире Омской области. Это стихи Владимира Зензина – «Озеро Чертайлы», «Ночью на Салтаиме», «Поиск коня», «В заречной согре» и другие.

«ОКРУЖАЮЩИЙ МИР» На уроках окружающего мира в разделе «Родной край – часть большой страны» можно использовать стихи омского автора Владимира Васильевича Зензина. Так, знакомя детей с водоёмами Омской области, предлагаю для прослушивания стихотворение «Речка Оша». Перед чтением предлагаю учащимся проследить по физической карте за названными в стихотворении географическими объектами.

Речка Оша

Вырос я в местах хороших:

там из озера Тенис

рвётся с дамбы речка Оша

и спешит к Солдатке вниз.

Там весной на белых льдинах

плыл в залив через камыш,

рыбьи косяки лавиной

мчались на проход в Иртыш.

На разливах уток стаи,

отдохнув, взлетали ввысь...

Те места давно оставил –

как там Оша, как Тенис?..

Стихотворение позволяет проследить за истоком и устьем реки. Полное представление о данной реке формируется после прослушивания и обсуждения заранее подготовленного учеником сообщения.

Река Оша, впадающая в Иртыш с юга близ села Знаменское, на всём протяжении протекает в пределах области. Своё начало берёт из озера Ачикуль, расположенного в непосредственной близости от озера Теннис. Длина реки 530 километров. Оша почти на всём протяжении зарегулирована многочисленными плотинами.

На уроке «Жизнь пресного водоёма» можно предложить учащимся для прослушивания стихотворение В.В. Зензина «Ночью на Салтаиме»...Дополняет представление об этом озере следующая информация. Самое большое озеро в области – Салтаим. Его длина 18 км, ширина в северной части – 15 км, в южной – 4 км, наибольшая глубина 2,5 м. Дно илистое. Берега озера сильно заросли камышом. В пресных озёрах Крутинского района встречается около 20 различных видов рыб, из которых промысловое значение имеют щука, налим, язь, карась, окунь и другие.

Городские дети испытывают трудности при запоминании названий птиц. Ещё сложнее узнать им птиц, которые занесены в Красную книгу. В.В. Зензин посвятил стихи балабану,

стрепету, краснозобой казарке, савке и другим пернатым... Автор не только даёт описание внешнего вида птиц, но и указывает места их обитания.

Есть у В.В. Зензина стихотворение с необычным названием «16 января 2002 г.» Этот день особым образом вошёл в историю Омской области. Первые 100 тонн нефти поступили с Крапивинского месторождения на Омский нефтезавод. Это начало промышленной добычи нефти на собственной территории.

Омские авторы дают детям возможность совершать заочные путешествия по родным местам. Ребята сами принесли в класс книгу Владимира Зензина «Сибирь- сторона родная». Мы нашли время, чтобы прочитать несколько рассказов вслух.

С помощью стихотворения В.Зензина «На реке Шайтанка» можно сразу дать целостное представление о растительном мире по берегам наших рек:

Я брожу вдоль речки,
в ней кувшинки-свечки!..
Над водой - рогоз, тростник
и аир с трезубкой..
Дальше – манник, стрелолист,
камышинки дудки..
Корень белый – то аир,
он лечебный, как эфир.

Изучая на уроке тему «Взаимоотношения организмов», мы с детьми читаем стихотворение Владимира Зензина «Сохатый»:

*Ноги обдирая о «чарым»
Пятиться, стремиться в рям сохатый.
Волчья стая бросилась за ним,
Вмиг - три зверя на спине
покатой.
Пал он в снег, спиной их давит в наст,
Бьет копытами!..
вскочил на ноги-
Сбил рогами двух матерых
враз..
И прыжком махнул через дорогу..
Долго рям валежником трещал,*

*Волки, сгрудившись, лизали
раны.
Головой уткнувшись в снег,
лежал
Их вожак, подергиваясь странно.*

Шквал эмоций вызывает у детей это стихотворение и радость, что остался жив сохатый, и одновременно грусть, и боль за гибель волка. Именно такие стихотворения помогают не только запоминать учебный материал, но и учат

нравственности.

Целый блок стихотворений об исчезающих растениях и животных нашего родного края создал Владимир Зензин...

7. «Все мы родом из полей рассветных...»

А этот материал взят из Интернета с читательской конференции Тюкалинской районной библиотеки .

«...В.В Зензин –многократный лауреат конкурсов журналистов, пишущих на темы природы и экологии. Он автор более 40 книг о природе Прииртышья и людях Сибирского края. Его стихи и рассказы о многообразии флоры и фауны Сибири, о первобытной красоте, чистоте целомудренной и величественной Матери – природы, вызывают у читателя чувство прекрасного и воспитывают бережное отношение к окружающей среде.

Зензин Владимир Васильевич родился в 1935 году в селе Старосолдатское Тюкалинского района Омской области. Окончил педвуз, преподаватель Омского колледжа транспортного строительства.

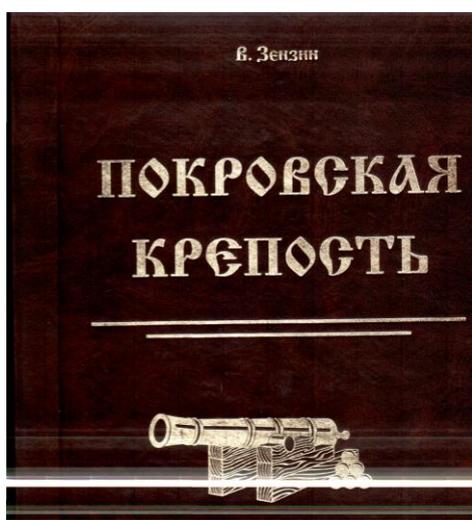
Владимир Васильевич часто посещает родные сердцу места. В одну из таких поездок автор подарил книги центральной районной библиотеке имени Л. Иванова.

Конференция проходила по книгам:

Зенин, В. Город мой: Историческое повествование. – Омск, 2006. -599 с.

В книге показаны изменения в облике города Омска, несколько разделов посвящено полной истории города, рассказывается о простых тружениках, а также в приложения включены литературные произведения о природе и людях Сибирского края.

Зенин, В. Покровская крепость (литературно – историческое обозрение Сибири). – Омск, 2007. – 836 с.

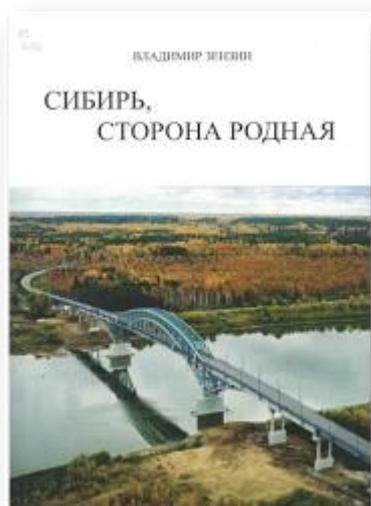
История крепости необычна и незнакома. Она являлась важным звеном в мощной Сибирской оборонительной линии.

Книга может быть использована в качестве дополнительного учебного пособия по предметам: история и литература, биология и экология, краеведение и природоведение.

Зензин, В. Природа Прииртышья: Стихи и рассказы для детей и подростков – Омск: Омский педуниверситет, 2013. - 39 с. – (Природа – экология – жизнь)

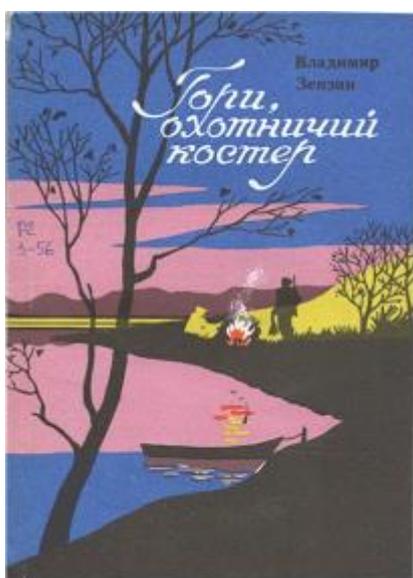
Данное издание включает в себя основную часть книги «Прииртышье, край любимый», которая издана в 1996 году и была включена в школьную программу «Изучения краеведения»

Зензин, В. Сибирь, сторона родная: Рассказы и стихи. – С. – Петербург: СПб:

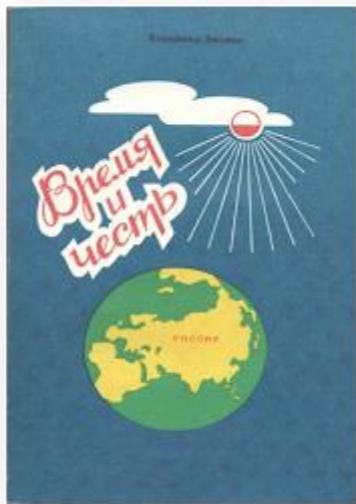
ООО «ИГРА СВЕТА», 2009. – 176 с.

В данной книге собраны значительные сведения по Омскому Прииртышью, автор представил все многообразие флоры и фауны нашего края.

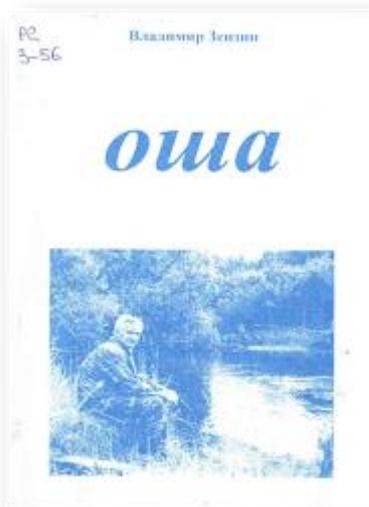
Зензин, В. Гори, охотничий костер: Книга лирики. – Омск: Редакционно-издательский отдел, 1996. – 256 с.

Книга о природе сибирского края и его людях, об охотниках, рыбаках, грибниках, ягодниках о всех тех, кто любит и бережет природу.

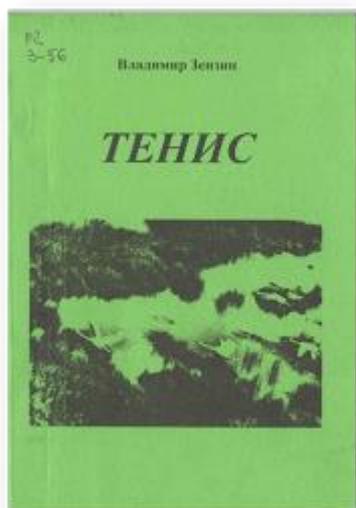
Зенин, В. Время и честь: Стихи и поэмы. – Омск, 1993. – 304 с.,ил.

Стихи о природе, о красоте родного края переплетаются с размышлениями о судьбе родного русского народа. Время и честь – главный мотив лирического сборника поэта.

Зенин, В. Оша: Стихи и рассказы. – Омск, 2002. - 80 с.

Оша – древнее, историческое название одной из 2930 рек и речушек Омской области. Красота Сибирской природы покоряет сердце любого человека, вступившего в этот удивительный мир. Оша – родная река автора. Он вырос на ее берегах

Зензин, В. Тенис: Стихи и рассказы. – Омск, 2013. -99 с.

Книга о красивом и неоглядном озере, с непроходимыми зарослями камыша, богатое разной дичью и рыбой, манит к себе всех любителей природы. На Тенисе самое северное гнездование колонии кудрявых пеликанов. Более десятка видов птиц, занесенных в Красную книгу, издавна обитают в этих местах.

Надеемся, что чтение книг, представленных на виртуальной выставке, принесет много радостных и поучительных минут читателям...»

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление

Стихи:

Звериный лог.

Встреча с сохатым) - стр.2

Животный мир Омской области- стр.3

Млекопитающие- стр. 4

Цикл стихов: Звериные места-стр.9

Северный край.

На речке Бобровка.

Первый иней.

Лосёнок.

Дрёма луговая.

Смерть медведя.

Горностай.

За Карбызой.

Рассказы: Лесные обитатели –стр14

Барсук.

Лось.

Горностай.

Цикл стихов: Звериные тропы-стр.18

Урман

Медведь

Урочище

Ночь на заимке

Встреча с барском

Рям

Лисица

Уже не ночь

Рысь

Встреча с еновидной собакой

Звериные лёжки.

Костёр угас.

Дальше в лес.

Охотничий кондёр.

Меня ты только позови.

Волчий выводок.

В медвежьем логоу

Норка

Лисёнок

Медвежонок

В заброшенной избушке

Выдра

Наступление ночи

Хорёк

Лёжки

Вебрь

Майский гром

Куница

Погоня

Смерть медведя

Охота с подхода
Кони у речки заржали
Музыка осени
Подсолнухи
Непрошенная гостья

Ондатра
Истребление рептилий
Первый иней
Козлёнок

Глава №2 Птицы Прииртышья. стр 25

Весенние споры:

Вальдшнеп
Токовище

Тетёрка
Начало апреля

Рассказы:

Весенние игры- стр. 25
Бал-маскарад
Дачные воробьи

Кряква в сорочьем
гнезде

Летняя пора-стр. 28

Речные зори
Соловей «Варакушка»
Куропат

На весеннем разливе
озера Тенис
Стих:
На весеннем разливе

БОГАТ И МНОГООБРАЗЕН МИР ПТИЦ- стр.30

Серый гусь-31

Шилохвостень-32

Цикл стихов: Птичьи голоса

Весеннее утро
Сокол
Санитарные спецы
Сорока
У чужого гнезда
Галка
Коростель
Аист чёрный
Кроншнеп
Пустульга
Сорочёнок
Куропатки
Серая цапля
Казарка краснозобая
Пискулька
Стрепет
Савки

Балабан
Чайки
Козодой
Ястреб
Хромой кулик
Выпь
Дрозд
Грозный гость
Куропатки
Горлица
Снегири
Турпан
Кряква
Сойки
Скопа
Лысуха

Птичьи перелёты- стр. 37

На пролёте птичья стая
Оранжевое в синем
Как я любил по вечерам
Охотничья заря

Весенние палы
Уточка серая
Высокие слова
Глухое озеро

Растительность Омской области-стр.39

Цикл стихов: Цветочный луг

Подснежник

Марьин корень

Кувшинка
На лугу
Лилия кудреватая
Надводные растения
Розарий
Горицвет весенний
Майское утро
Медоносы
На Иртыше
Вербное
Майский снег
Бьются льды
Опять светлею головой

Костёр
Прошли палы
Василёк
Майский луг
Иван да Марья
Медунки
Полевые цветы
Плавающие цветы
Завешены зелёным хмелем
Жизнь и Русло
Заводь
Подснежник
Весенние крики ночами

Глава №3. ОХОТНИЧЬИ ПРОСТОРЫ

Канушин Анатолий Михайлович

Таёжная охота- стр. 47

Исповедь таёжного охотника-47
Неопытность наказуема- 48
Третий лишний-50
Болезнь не щадит и сильных-53
Безрассудная смелость-57
Коварный Иртыш-60

Цикл стихов: Охотничья тропинка- стр. 62

Тропинка уводила в вечер
Даль опрокинутая с небом
О чём звенит в ночи осока?
Паисыч
В заре над талою землёй
Ячмень
Закат лиловый потонул
В этом крае камыши
В огороде пожухла ботва
У озера Дубасное
Старичье
Мой первый выстрел
На заимке
У домика бригады
По прокосам
Тарзан
Ночные огоньки
Гусиный перелёт
Родная сторона

Талая вода
Проталины чернеют
Над Иртышом
Деревня Островная
Волк в марте
На разливай,
Вебрь
Начало апреля
Апрельская синь
Утро
Вербное
Из сугроба меж берёзок
Ожидание
Прилёт птиц
На изгибе луговом
Лебеди
Жаворонок
Заря
Майская синь
Начало мая

Цикл: Осенние перемены-стр.70

Следы прошлого
Первый иней
День Ильи
Лесной скрип
У костра
Даль холодна
На Марьяным плёсе
День угасал

Августовский вечер
За клюквой
В душе рождаю лучик
На исходе сентября
Осенняя дрожь
На паутинке листик прелый
Сенокосный стан
В осенний вечер

Зарницы
Осенний лес
Осеннее небо
Бабье лето
Первая шуга

Цикл: Божественные дали- стр.73

И пойму я
В избушке
Дед- киржак
Ах, Паисыч, как любили
Мой плёс
Прощай, раздолье голубое
Милая Родина

Цикл: Бушует северный циклон – стр. 75

Бушует северный циклон
У лесника
Свободой нежась
Ходит по тропе октябрь
Первый лёд по замёрзшим
колдобинам
Над безлюкою рощей.
Потемнело озеро
На печке
Туманится холодная заря

Цикл стихов: Предзимье -стр. 80

Предзимье
Был отец мой дровосеком
За сеном
Сибирская хватка
В зимнем дендрарии
Там, где ивы
Заяц- беляк
Волчий вой

ПАМЯТНИКИ ПРИРОДЫ, ЗАКАЗНИКИ, ЗАПОВЕДНИКИ – стр. 82

О заповеднике «Омский»
Заказники Омской области-84
Где быть заповедники «Омский» - 85
Особо охраняемые территории-92

Глава №4. Тема «Природа и Человек» -

основная в творчестве. - стр. 97

Т.М. Белозёров и В.А. Макаров в моей жизни.

Рассуждения о поэтическом творчестве-стр110

«Мои стихи- мои дороги-110

Письмо от сестры Анны- 111

О творчестве-113

Письмо второе от сестры-115

Моим стихам не надо красть-116

Признание-117

Я избегаю творческих дискуссий-119

Первый снег
Начало ледостава
Там в облаках, за клином
клин

Трудные времена
Какая прелесть
В охотничьей избушке
Грустно мне
Мой дом
Жнивьё и озимь
Спустя столетия

Полюбил я озёр чистоту
Охотничья избушка
Неспроста небеса
замахнулись
Светился тихий луг в росе
Крякаши
У озера Дикое
Стучат секунды
Во мне всю осень

Древняя страсть
Волк
Хутора
Дед Митрофан
Зимний вечер
Изморозь
Увал
Древнее ремесло

Как пишутся стихи-120

Второе письмо от Терлеевых-121

Некоторые комментарии к моим книгам- стр.-123

Данная книга из серии «**ПРИРОДА и ЧЕЛОВЕК**», часть трилогии:
«Берёзовый свет», «В краю озёр и рек», «Мир зверей и птиц»

РЕДАКЦИЯ

Редактор - Грачёв Анатолий Иванович

Лит.редактор-Седов Николай Петрович, лауреат литературной премии им. П.П.Ершова.

Руководитель. проекта- Сорокин Алексей Петрович, директор Омского Фонда культуры

Технический редактор-
Зензин Владимир Владимирович,
сын автора книги.

Фотографии: Виктор Ляпин,
Владимир Кудринский, Евгений Кармаев.
Корректор - Суворова Вера Алексеевна,
преподаватель литературы ОКТС

Макет предоставлен автором. Отпечатан без изменений.
Стилизация текста, орфография и пунктуация автора сохранены.

ОТПЕЧАТАНО

ООО «Полиграфический центр «Татьяна»
Сдано - июнь 2020, выпуск - 2 августа 2020 г.
644010 г. Омск, ул. Жукова, дом 78, офис 14П

